Н. Толмачева

Старшая сестра

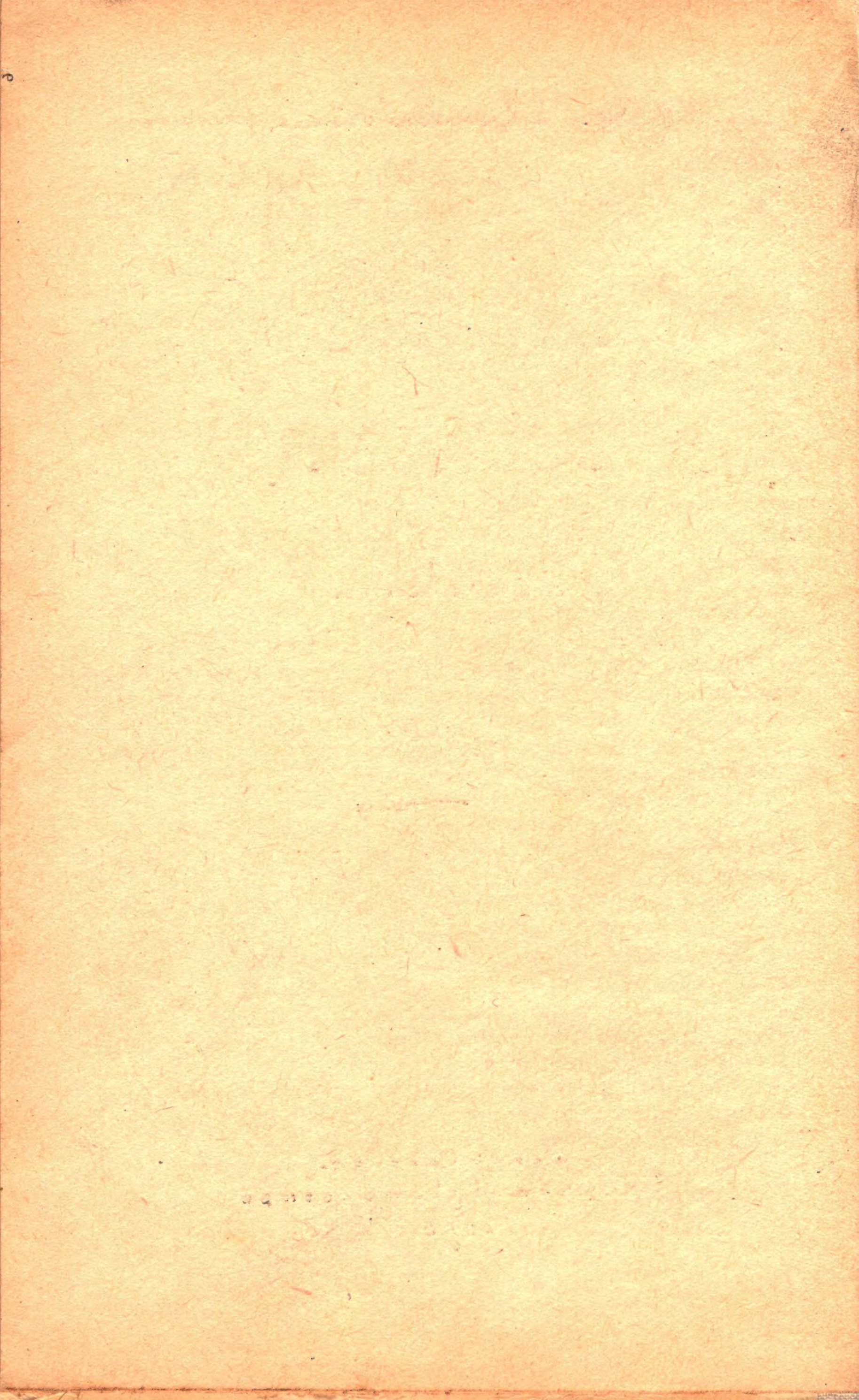
Н. Толмачева

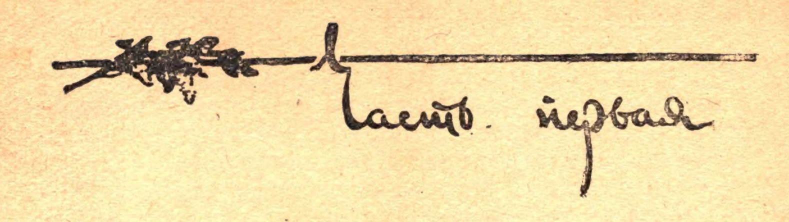
Старшая сестра

повесть

Свердловское
Книжное Издательство
1958

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кто-то из пассажиров заметил:

— Говорят, в соседнем вагоне более свободно...

Лизе надоело сидеть на своем узком чемоданчике, и она решила перейти в соседний вагон. Но и здесь было не лучше: проход загораживали чемоданы, корзины, узлы. Лиза осматривалась, тщетно стараясь отыскать свободное место.

Послышался хрипловатый голос:

— Садитесь, барышня. Мы с товарищем военным потеснимся. Хоть и едучи, а на ногах-то не шибко весело.

Это сказал седобородый старик, державший на коленях потертый кожаный картуз.

Лиза поблагодарила и хотела присесть на край скамейки, но старик дружелюбно продолжал:

— Нет, нет, садитесь в серединку. Я люблю с краешку, да и вам с товарищем военным сподручнее будет, разговоры найдутся.

«Товарищ военный» даже не поднял головы от толстой книги, которую внимательно читал, отодвинулся насколько можно в угол, буркнул:

— Садитесь, пожалуйста.

Засунув под скамейку свой чемоданчик, Лиза села.

Военный, судя по бархатным нашивкам и эмблеме, лейтенант-танкист, снова уткнулся в книгу.

Сгущались сумерки. За окнами деревья постепенно сливались в темную сплошную массу, а света в вагоне все еще не было. Лейтенант вынул из кармана фонарик, зажег его и снова углубился в чтение.

«Что он читает? Видимо, очень интересная вещь»,— подумала Лиза, пожалев о том, что взятая в дорогу книга прочитана еще днем. Она начала — в который уж раз! — высчитывать время прибытия в Свердловск.

Поезд запаздывал, но хотелось думать, что он в пути «нагонит» время. О чем-то неторопливо и тихо переговаривались соседи на другой скамейке.

Наконец, лейтенант закрыл свою толстую книгу, на обложке которой Лиза прочла: «Немецко-русский словарь».

— Еще пятьдесят слов есть в нашем арсенале,— сказал он Лизе, улыбнувшись. Улыбка очень красила неприветливого военного.

— Вы меня извините, пожалуйста,— он посмотрел на Лизу небольшими черными глазами,—вы до Свердловска или дальше?

— До Свердловска. А вы?

— Я немножко дальше...

Очевидно, девушка показалась лейтенанту неинтересной, и он стал смотреть в окно вагона, за которым мелькали огни станции.

...Давно прекратились разговоры в вагоне. Положив руки на свой кожаный картуз, спокойно дремал старик. Лиза боролась со сном.

Если бы рядом с нею сидела женщина, они бы привалились друг к другу и подремали. Теперь же Лиза боялась и старика потревожить и еще больше — склониться во сне к лейтенанту. Девушка охотно взобралась бы на багажную полку, но и там спали люди.

Вагон покачивался на стыках рельсов, мерно стучали колеса. Казалось, катятся они медленнее обычного... «Опаздываем...» — подумала Лиза, засыпая.

Лейтенант оторвался от окна, взглянул на спящую девушку. При каждом толчке поезда голова ее слегка ударялась о стенку вагона, но она не просыпалась. Поколебавшись, лейтенант придвинулся ближе к Лизе и осторожно прислонил ее голову к своему плечу. Он

сидел, боясь шевельнуться. А Лиза в это время видела сон.

...Распахнулась калитка. Отец, высокий, плечистый, вошел во двор. В руках у него целый сноп цветов. Лиза и ее младшая сестренка Иринка разом бросились к отцу.

— Ой, папка пришел! — голос Иринки так и звенит в ушах Лизы. Лесные цветы из букета касаются подбородка отца.

— Мне букет, мне! — кричит Лиза, дразня Иринку.

Лиза только сегодня сдала последний экзамен за десятый класс, и ей очень весело, хочется подурачиться.

— Нет, мне...— заявляет Иринка и тянется к букету.

— Обеим...— отец делит букет пополам.— Это тебе, стрекоза... А это Елизавете... чуть побольше... Поздравляю с окончанием средней школы...

Вдруг отец и Иринка исчезли. Лиза стоит во дворе одна под молоденькой черемухой. И черемуха словно снегом осыпана — в белом цвету, нигде листика не видно.

А потом под черемухой появился лейтенант. У него черные близко поставленные глаза. Где-то Лиза уже видела этого человека. Он улыбается ей, протягивает руки. Лиза хочет уйти от него, а он все ближе к ней. Она тянет черемуху за ветку, и белые лепестки осыпают лейтенанта. Он сердится, счищает с плеч, с головы тяжелые сырые хлопья снега.

Лиза растерянно улыбается во сне. Лейтенант смотрит на спящую девушку, и ее лицо ему кажется уже не таким обыкновенным, как вчера. Длинные пушистые ресницы и розовые губы совсем близко... стоит чуть повернуть голову — и почувствуешь на щеке ровное дыхание. Лейтенант любуется ею долго, потом неслышно вздыхает и отворачивается к окну.

Рассвело. Яркие лучи солнца пробились сквозь вату облаков, ласково прилегли на острые вершины елей, веселыми зайчиками впрыгнули в окно. Спящая Лиза пошевелила головой, сгоняя с лица солнечный луч, но он не хотел уходить. Девушка открыла глаза, почти с ужасом отшатнулась от лейтенанта. Он не удержался от улыбки.

— Простите, пожалуйста, простите... Я, кажется, потревожила вас... так незаметно заснула.

Лиза поправила косы, натянула на плечи сползший жакетик. Все движения девушки, неторопливые и мягкие, нравились лейтенанту. Он придвинулся к ней поближе, собираясь что-то сказать. Но девушка уже разговаривала со стариком и, казалось, вовсе не замечала лейтенанта.

Он поднялся, одернул гимнастерку и вышел в тамбур. Иронически улыбаясь и в то же время каждый раз порывисто оборачиваясь к двери, стоило ей открыться, он пробыл в тамбуре больше часа. По-видимому, лейтенант ждал, не появится ли девушка, и немного досадовал, что ее не было.

Когда он вернулся в вагон, старик и Лиза, примостившись к столику, закусывали, угощая друг друга. Лейтенант увидел на столике ломти черного хлеба, две картофельные лепешки, несколько кусочков сахару.

— Берите, пожалуйста, сахар,— упрашивала Лиза старика. Тот отрицательно качал головой.

— Не-е, барышня. Уговор дороже денег. Раз ты моего не берешь, я твоего не возьму.

— Ну, так и быть,— улыбнулась Лиза и взяла картофельную лепешку.

— То-то...— старик в свою очередь потянулся к сахару, выбирая самый маленький кусочек.— Чем плохо? Горячий чай, ну и пусть — просто кипяток, не все ли равно, с сахаром... Ничего, можно еще жить.

Лейтенант, порывшись в чемодане, выложил на стол банку рыбных консервов и коробку конфет.

— Угощайтесь и принимайте меня пить чай! — сказал он и стал открывать перочинным ножом банку.

— Давайте, давайте, товарищи пассажиры! Кушайте на здоровье —так ведь говорят, отец, русские-то люди, а?

— Так, так, сынок. Только спасибо. Мы уже с барышней отзавтракали почти...

Лейтенант, казалось, не слышал отговорок старика.

— Я всегда восхищаюсь нашим русским языком. Насколько он меток и выразителен! — сказал он Лизе.— Буквально два-три слова порой в пословице, а мудрость какая! Вот хотя бы пожелание «кушайте

на здоровье». Ведь хорошо? Кушайте на здоровье — значит поправляйтесь, чтобы угощение на пользу пошло.

— Знамо дело,— сказал старик.— Для доброго человека найдется и слово доброе, душу согреет. От плохого шага иной раз словом остановить лучше, чем делом. Словом-то человека озарить можно, заставить в себя заглянуть, со всех сторон посмотреть, каков ты есть...

Лиза и лейтенант внимательно слушали старика.

— Ну, а для недруга,— старик махнул рукой,— русский такое слово скажет, что своих не узнаешь, кости заломит, голова затрещит.

Увидев улыбку лейтенанта и смущенное лицо девушки, старик погладил бороду, спокойно улыбнулся:

— Вы не подумайте, что я стою за уличное слово, нет! Для недруга можно такое слово найти — меткое, перечное, конфузное, что ему после этого хоть выворачивайся наизнанку, только б его не узнали...

— Браво! Такие речи аплодисментами встречают,— воскликнул лейтенант,— но мы не на собрании. И все-таки мне хочется вам, отец, выразить некоторую признательность...— лейтенант нагнулся под столик и вынул оттуда четвертинку водки.— Маловат объем, правда...

— Мал золотник, да дорог...— улыбнулся старик.

— Вот это верно...

Лиза смотрела на лейтенанта и уже не находила его неприветливым и угрюмым. От приглашения «выпить стопочку» она, конечно, отказалась...

Вдруг по радио раздался голос поездного диктора:

— На следующей остановке — разъезд, наш поезд задерживается. Остановка будет продолжаться полтора часа...

— Вот так обрадовали! Ну что ж поделаешь, видимо, дорогу фронту дать надо,— сказал старик.

— Долго все-таки... полтора часа,— огорчилась Лиза.

А лейтенант был рад случайной остановке. Значит, еще целых полтора часа он будет находиться вблизи девушки, которая нравилась ему все больше.

— Итак, друзья мои,— непринужденно обратился

он к Лизе и старику,— мы поговорили о нашем могучем русском языке, прослушали объявление начальника, теперь давайте пить чай.

Чай пили весело. Быстро уничтожили хлеб, сахар, оставалась коробка конфет. Лейтенант угостил конфетами пассажиров в купе, остальные вместе с коробкой протянул Лизе:

— Это вам...

Девушка зарделась, а старик сказал:

— Уважить надо товарища военного...

Тогда, поблагодарив, Лиза взяла из рук лейтенанта коробку и, встретившись с его внимательным взглядом, нахмурилась от смущения.

Поезд остановился. Лиза поднялась с места. Лейтенант пересел на противоположную скамейку и опять достал из полевой сумки немецко-русский словарь. Старик, оставшись один, прилег на скамью, с наслаждением вытянул отекшие ноги.

Вагон быстро опустел. Лейтенант с минуту смотрел в словарь, потом захлопнул его, положил обратно в полевую сумку и поднялся. Весело прищурившись, старик наблюдал за «товарищем военным».

— Вы никуда, отец, не уйдете?

— Нет, нет, идите гуляйте. Я полежу...

...На разъезде Березовка не было ни одной березы. Может быть, они росли прежде. Но разъезд и без берез казался чудесным после душного, пыльного вагона. К железнодорожному полотну подступало несколько домиков. Красные георгины и поспевающие подсолнухи окружали их со всех сторон. За домиками сразу начинался густой бор. Казалось, что ему нет конца-краю. По правую сторону железнодорожного пути раскинулся луг, окаймленный низким кустарником.

На этом тихом, ничем не примечательном полустанке на миг забывалась война, утихала в сердце тревога, все становилось простым и понятным.

Пассажиры разбрелись кто куда. Усталые, раздраженные от долгой и неудобной дороги, всего еще несколько минут назад проклинавшие непредвиденную остановку и ни в чем не повинный разъезд Березовку, они сейчас отдыхали. Их радовала зелень, жаркое летнее солнце, прохладный ветерок. Мужчины, голые по пояс, лежали на траве, подставив спины солнцу.

Лейтенант сошел с полотна, вглядываясь, не мелькнет ли впереди на лесной опушке серое в клеточку платье. Он начинал злиться на себя. За каким дьяволом ему нужно было сидеть, уставясь в словарь? Ведь он радовался остановке поезда... Почему было не выйти вместе с девушкой? А теперь где ее искать? Ходит где-нибудь, любуется цветами и смеется над ним.

Он снова взошел на железнодорожное полотно, взглянул вправо, где раскинулся луг, и увидел там Лизу. Она неторопливо похаживала на лугу и, видимо, собирала цветы. Лейтенант почти бегом бросился к девушке. Чуть запыхавшись, но стараясь и сейчас быть подтянутым, остановился перед ней в тот момент, когда она снова склонилась за цветком. Вот она выпрямилась и подняла на него задумчивые серые глаза.

Лейтенант прикоснулся к ее локтю, сказал:

— Здесь цветов мало. Пойдемте туда, в рощу — там их больше... И как вас звать? Пора бы уж нам знать, как зовут друг друга: сутки едем вместе. Впрочем, тут моя вина. Я ее исправляю... Аркадий Топольский.

— Елизавета Дружинина.

— Хорошо как! — Это у него получилось так удивленно и обрадованно, что Лиза полюбопытствовала:

— Почему «хорошо»?

— Мне с детства это имя нравилось больше других. Может быть, потому что его носила моя школьная учительница. Василису Прекрасную из русской народной сказки я представлял себе именно такой, какой была учительница Елизавета Васильевна.

Девушка молчала.

— Вы едете в Свердловск? — спросил лейтенант, чтобы завязать прервавшийся было разговор, и сразу вспомнил: этот вопрос он уже задавал девушке. Но он не смутился и с апломбом заговорил о «нашем старом городе, который, конечно, архитектурой пока не блещет, но вызывает настоящее уважение», о том, что он, Аркадий Топольский, обязательно после войны закончит строительный факультет...

Девушка молчала. Топольский глядел на нее — высокую и тоненькую, гибкую и сильную. И ему казалось, что он всегда мечтал о девушке вот с такими русыми косами, чуть выпуклым лбом, с глазами то ве-

селыми, то задумчивыми, то строгими. Ему захотелось сказать ей что-то умное, значительное, чтобы она посмотрела на него с восхищением.

— Знаете, Лиза, я надеюсь, я хочу верить, что когда-нибудь по моим проектам в Свердловске будут построены прекрасные здания. Такие здания, которые могут жить века и хранить добрую славу о их создателе. Нет, не хочется зря прожить на этой земле, не оставив о себе памяти...— искренне и с силой закончил он.

Они подошли к роще. Лиза остановилась:

— Я не пойду дальше.

— Но в роще много цветов,— Топольский кивнул на высокие ромашки, белевшие на опушке.— Смотрите, сколько их! Может быть, вы боитесь меня? Но я...

— Я, боюсь вас? — Лиза насмешливо посмотрела на Топольского.— Нисколько не боюсь!

И вошла в рощу, неторопливая, уверенная, отводя от лица ветки осинок.

Топольский сделал несколько быстрых шагов и остановился перед Лизой, преграждая ей путь. Он попытался привлечь девушку к себе, но она отстранилась.

— Лиза, мы все равно рано или поздно будем вместе... всегда,— сказал он.

— Вот как?

Топольский, не обратив внимания на ее насмешливый тон, продолжал горячим шепотом, ловя ее руки:

— Где бы вы ни были, я найду вас!

— У меня есть жених, лейтенант.— Сказав это, Лиза посмотрела на него. Она думала увидеть его растерянность, огорчение. Но ничего подобного.

— Жених...— Топольский скептически усмехнулся.— Ну и пусть. Я его приглашу на нашу с вами свадьбу.

Лиза вспыхнула:

— Вы самоуверенны и... и смешны!

Она подняла букет, сказала холодно:

— Пора на поезд, лейтенант.

Топольский с грустью посмотрел на нее.

— Лиза, вы хотя бы раз назвали меня просто Аркадием.

Девушка не ответила.

Пошли рядом: она — настороженная, отчужденная, он — раздосадованный и сконфуженный.

Проходя мимо деревца, Лиза недостаточно склонила голову, и ветви сбросили с ее головы косы. Они упали на спину двумя золотистыми жгутами. Девушка подала букет Топольскому и стала поправлять прическу. Он смотрел на нее:

— Лиза, не укладывайте так волосы, вам лучше, когда они распущены.— И видя, что девушка продолжает обвивать косы вокруг головы, попросил:— Сделайте это ради меня.

На мгновение руки Лизы остановились. Потом она взяла косы, и они снова легли короной на ее голове.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Вот и каникулы. Горько они начались в этом году. Какие широкие планы строила Лиза, когда ехала домой! Ей хотелось провести несколько опытов с торфом, побывать на торфяном массиве. И отец, если бы был здоров, явился первым советчиком и помощником.

Мать была молчаливой, часто раздражалась на Иринку. Та, грустная, подходила к сестре, жаловалась:

— Папа болен, мне ведь тоже нелегко. А мама сердится на меня — этим горю не поможешь. Я-то ни при чем тут...

Лиза усаживала сестру рядом на крылечко, приглаживала ее волнистые волосы, называла ее так же, как отец:

— Ничего, Аринушка, потерпи. Не сердись на маму и будь поспокойней — уж очень ты егоза.

— «Уж очень». Как бы не так!

— Ну вот вчера.

— Что вчера? — сразу прицепилась Иринка, готовясь дать отпор.

— Вчера я только приехала, прошел какой-то час, а тебя уже и след простыл. Мама тебе хотела что-то поручить, а ты исчезла.

Грызя ноготь большого пальца, Иринка сказала:

— В городки играла...

— Да это же мальчишечья игра! — удивилась Лиза.— Тебя могут пришибить этими городками.

Иринка презрительно скривила губы:

— Как бы не так! А насчет «мальчишечьей игры» ты, пожалуйста, Елизавета, брось.— Иринка всегда в минуту раздражения называла сестру полным именем. Но зато, когда Лиза ей потакала, Иринка не скупилась на нежные уменьшительные имена.

— Городки, — продолжала Иринка, — старинная русская игра. Не грешно поиграть и старым, и малым.

— Кто так говорил? — спросила лукаво Лиза.

— Степан Петрович Шатров,— нимало не смутившись, отчеканила Иринка.

— Вот я и чувствую, что ты чужими словами говоришь.

— Э-э,— протянула Иринка,— не в этом соль,— и, улыбнувшись, посмотрела на сестру,— опять скажешь, не своими словами говорю?

— Не своими.

— Чьими же теперь?

— Теперь словами младшего Шатрова — Якова!

— Я-я-кова — пропела Иринка и, неожиданно вскочив с крыльца, быстро убежала под сарай. Там она схватила стоявшую в углу метлу и усердно начала мести и без того чистую притоптанную землю.— А Яков домой послал фотокарточку.

— Ну и что же?

— Ни-че-го...— снова пропела из-под сарая Иринка.— А Юра тебе пишет письма?

— Пишет.

— Хорошо! — Иринка перестала мести и мечтательно посмотрела вдаль. И только тут Лиза заметила, что ее сестренка становится девушкой. У нее пока еще длинные голенастые ноги, угловатые плечи, но глаза уже не такие беззаботные и озорные, как раньше.

— А ты совсем большая,— сказала Лиза,— и косы стали такие хорошие. Вообще у тебя волосы красивые, густые.

Иринка выбежала из-под навеса, подсела к сестре на крылечко, уткнулась в ее плечо.

— Лизушка, скажи мне правду,— зашептала она, смеясь от смущения,— а сама я... я ведь не очень некрасивая?

Лиза отвела от своего плеча Иринкино лицо, улыбнулась:

— Да ты у нас первая красавица в Соколовке!

— Нет, Лизик, серьезно? — Иринка потрогала свой короткий вздернутый нос, сморщила его.— Нос меня подводит — картошкой...

Лиза сказала строго:

— Ты вот что, Иринка, не очень-то думай о своей внешности. Нашла чем заниматься? Наверное, когда остаешься одна, то и дело вертишься перед зеркалом.

— Ну, знаешь, Елизавета...— рассердилась младшая сестра:— «Вертишься»! Как бы не так...

— Аринушка, не спорь! Бывает, что греха таить.

Иринка отвернулась, сделав вид, что следит за полетом воробья.

Некоторое время сестры сидели молча.

Потом Иринка, угадав мысли сестры, спросила:

— Как ты думаешь, Лиза, поправится папка? — и, не дожидаясь ответа сестры, быстро сказала: — Я думаю, что он выздоровеет.

Лиза промолчала.

Из дома вышла мать. Она прошла мимо дочерей, сняла со стены у крыльца коромысло, взяла ведра. Глядя на мать, Лиза подумала: «Странный все-таки человек — мама. И почему бы ей не сказать, что нужна вода, что нужно сделать то и то. Мы бы с Иринкой наперебой бросились. А она молчит, и мы не знаем... как лучше...»

Лизе стало совсем грустно: «Когда несчастье в доме, все сближаются... живут дружнее, а у нас в семье наоборот — мама словно отдалилась от нас».

За частоколом покачивались высокие кусты малины. Каждый куст еще ранней весной руками отца был аккуратно подвязан к высокой палке. Кое-где на кустах алели поспевающие ягоды. Лиза взяла в сенях маленькую корзиночку, с которой часто бегала в детстве за земляникой.

— Пойдем, Иринушка, поищем спелых ягод для папы.

Боязливо шептались малиновые кусты, бесшумно покачивалась гибкая рябина, росшая по другую сторону частокола, на улице. Рябинка была совсем молодая и тонкая. В этом году она впервые зацвела.

Лиза взглянула на небо. Оно, лазоревое и безоблачное, раскинулось над Соколовкой, как бы опираясь краями на дальние вершины леса. Вот таким же безоблачным, радостным было детство Лизы. Пронеслось оно и никогда уже не вернется. Наступила тревожная юность.

Лиза вспомнила своего дорожного спутника-лейтенанта. После сцены в роще он извинился, весь остаток пути был внимательным и безукоризненно вежливым. Много рассказывал об архитектуре виденных им городов. Но мы, говорил он, после войны будем строить еще больше и лучше. Это несколько примирило Лизу с ним. Расстались дружески.

«Но все-таки...— девушка усмехнулась,— какой он самоуверенный!» И опять подумала об отце. Был бы он здоров, Лиза, привыкшая делиться с ним всеми своими помыслами, непременно бы рассказала отцу о встрече в поезде. «Ах, папа, как же это так? Неужели?..»

Беспомощной и неуверенной Лиза представляла себя без отца.

2

Было только три часа дня. В больницу нельзя идти раньше шести. Лиза решила навестить Шатровых.

Их небольшой дом стоял на соседней улице.

Семьи Дружининых и Шатровых были связаны старинной дружбой. Несмотря на то, что Георгий Тимофеевич на несколько лет моложе Степана Петровича Шатрова, они — давнишние приятели. Дружба крепкая, с юности, очевидно, перешла к ним от их отцов, а к отцам — от дедов, вместе в молодости приехавших «за счастьем» на Урал из центральной России. Георгий Тимофеевич и Степан Петрович вместе работали в плотничьей артели. Оба слыли заядлыми охотниками и рыболовами.

...Степан Петрович Шатров был дома. Во дворе на верстаке он выстругивал короткие, одинаковой длины палочки, напевая что-то. Лиза протянула ему руку. И на мгновение почувствовала себя совсем девчушкой: ее рука утонула в большой широченной ладони Степана Петровича. Высокий, косая сажень в плечах,

с черной в завитках бородой и густой шапкой кудрей, с глазами, светившимися добродушием и умом, Степан Петрович невольно вызывал симпатию. Глядя на него, Лиза часто думала: «Прямо русский былинный богатырь».

Бывало, целые выходные дни проводили в лесу Георгий Тимофеевич и Степан Петрович.

Георгий Тимофеевич любил читать исторические книги. Все прочитанное он передавал Степану Петровичу. И они рассуждали о событиях под Полтавой, о битве на реке Калке, о войнах Ивана Грозного. Потом говорили о боях на Халхин-Голе, участником которых был Георгий Тимофеевич, о войне с белофиннами, разбирали все батальные события по косточкам, спорили и неизменно приходили к одному выводу: слава русского оружия неувядаема.

«Кто к нам с мечом войдет»,— гремел на весь лес голос Степана Петровича,— «...тот от меча и погибнет!» — подхватывал торжественно и грозно Георгий Тимофеевич. И в тот же миг из-под самых их ног, ну всего лишь в одном-двух шагах, вылетала птица. Друзья досадливо махали руками: опять заговорились, упустили дичь... Некоторое время они молчали, немножко сердясь друг на друга и стыдясь того, что забыли самое главное в охоте — осторожность...

После долгих часов и многих пройденных километров охотники часто возвращались ни с чем. И все-таки шли домой удовлетворенные: опять вдосталь наговорились, надышались лесным воздухом.

...Крепко тосковал Степан Петрович сейчас по своему другу, тревожился за его здоровье. Сам был в больнице вчера, видел... Плоховат Тимофеевич.

Шатров положил в одну кучку выструганные палочки, придвинул к ним четыре колесика. Лиза поняла, что он делает тележку с высокими перильцами. Только что начинающий ходить ребенок, держась за такую тележку, делает первые неуверенные шажки.

— Для шестого? — спросила с улыбкой Лиза, кивнув на заготовки тележки.

Степан Петрович махнул рукой:

— Да нет, Лиза, теперь уж для внука, для Ольгиного Мишутки.— Темные глаза Степана Петровича улыбнулись.— Говорил я своей Борисовне, что нам

без шестого ребятенка тоскливо, а она не согласилась.

Шатров спохватился: «Такие-то речи да молодой девушке...»

— Идем, идем в дом. Борисовна, принимай дорогую гостью — невестку!

— Степан Петрович, что вы!..— смутилась Лиза.

— Дело говорю, Елизавета Георгиевна... Вернется наш Юрий Степанович, мы и разговаривать не станем с ним,— свадьбу, да и все!

Из комнаты выскочила черноглазая, невысокая и сухонькая Вера Борисовна.

— Ой, Лизочка, милая моя девонька! — захлопотала она.— Да как я не видала, когда ты вошла к нам во двор-то?

— Борисовна, мечи на стол все, что есть! — гремел Степан Петрович.

Был он излишне шумлив и весел. И Лиза, и Вера Борисовна знали почему: хочется ему расшевелить и подбодрить Лизу. Она же то и дело посматривала на часы, словно стараясь взглядом подтолкнуть маленькую стрелку к шести.

Степан Петрович провел Лизу в горенку. Дом Шатровых был невелик, но вещи, мебель в нем расставлены так, что, по выражению самого Шатрова, «зря не пропадал ни один вершок жилплощади». Старомодный шкаф для платья отступил за круглую железную печь, два стула, не однажды ремонтированные, также были придвинуты в угол, подальше от окон. На переднем плане, занимая почти полстены, красовался новенький, наполовину остекленный книжный шкаф. Он не пустовал. Ровными рядами, тесно прижавшись друг к другу, стояли книги в разнообразных переплетах. И новые, и очень зачитанные — все в строгом порядке. Видно было, что здесь книгу любили. Шкаф был гордостью Степана Петровича. По просьбе старших детей он собственноручно смастерил его. Поглаживая полированную стенку шкафа, Шатров сказал:

— Недавно Ольга из Москвы привезла несколько книг Алексея Максимыча. Теперь он у нас в полном сборе.

Лиза присела на диванчик, выгнутая спинка которого обита веселым ситцем. Перед диванчиком стоял

большой круглый стол. Он выглядел громоздким в этой горнице, но для многочисленной семьи Шатровых был только-только впору.

Много раз длинными зимними вечерами Лиза сидела за этим столом. Здесь две дружные семьи встречали Новый год, праздновали 1 Мая и 7 Ноября. За этим столом Лиза и Юрий нередко готовили уроки.

«Юра... Каким же ты вернешься домой? По-прежнему застенчивым, скромным, с ясными глазами? Или станешь похожим на самоуверенного лейтенанта Топольского?..— мелькнула у Лизы мысль, и снова прежнее:— Отец... Как он? Неужели ему не будет лучше?»

— О чем задумалась, Лизушка? — широкой тяжелой рукой Степан Петрович ласково, по-отцовски коснулся Лизиного плеча.

Девушка улыбнулась:

— Да так... обо всем понемножку, Степан Петрович.

— Думать можно, а унывать нельзя. Понятно?

— Я и не унываю.

— И правильно,— сказал Шатров, взгляд его стал серьезным, потом он негромко и твердо добавил: — Не унывать... что бы ни случилось...

Он быстро отвернулся, коснулся рукой не то глаз, не то бровей.

В смежной комнате хлопнула дверь, раз, другой, третий, послышался топот босых ног. Из-за кухонной перегородки раздался голос Веры Борисовны, что-то наказывающей детям. Тотчас же снова началась беготня: опять хлопнула дверь в сени, потом скрипнули ворота огорода, послышалось встревоженное кудахтанье кур.

Лиза не могла сдержать улыбки. Она знала: если в доме Шатровых начался веселый переполох, значит, семья готовит свое излюбленное летнее блюдо — окрошку. Всегда уж так бывало: кто-нибудь из ребят стрелой мчался в огород за зеленым луком, укропом, свежими огурцами, другой спускался в погреб за сметаной и холодным квасом; третий, если не оказалось в кухонных арсеналах яиц, лез на сарай и, спугивая с гнезда курицу, брал яйцо, снесенное ее предшественницей.

Степан Петрович снял с комода старинный альбом в зеленом бархатном переплете.

— Своих воинов хочу тебе показать.

Перед Лизой замелькали знакомые с детства лица.

— Ну, вот он, Юрий... капитан наш,—Степан Петрович взял из альбома фотокарточку сына и протянул Лизе. Девушка смущенно смотрела на нее: точно такая же карточка хранилась и у нее.

Степан Петрович продолжал переворачивать толстые листы альбома.

— А сейчас ты увидишь нашего краснофлотца. Яшка в морской форме — есть на что посмотреть! Да где же он, вьюн эдакий, затерялся? Здесь же в альбоме был. Вчера, кажется, я на него смотрел. Мать! Ты не брала Яшину карточку?

— Да нет, отец! Там она, в альбоме.

Степан Петрович снова принялся перелистывать альбом. Уж очень хотелось ему показать Лизе своего среднего сына — любимца. Но фотокарточка куда-то исчезла.

На пороге горенки появился остроглазый мальчуган лет восьми, голова которого была в стружках светлых, почти белых кудрей. Из-за плеча мальчика выглядывала другая головка, такая же белокурая. Оба детских личика были настолько похожи, что их трудно сразу отличить одно от другого. Впрочем, на второй головке красовался пышный зеленый бант.

— Как выросли! — воскликнула Лиза и бросилась обнимать детей. Близнецы сказали враз:

— Здравствуйте, Лиза!

Мальчуган, вырвавшись из Лизиных объятий, весело крикнул:

— Окрошка готова, папа!

Степан Петрович, не сводивший с близнецов сияющих глаз, мягко упрекнул:

— Ванюша, Машенька, так что же вы нашу гостью не приглашаете к столу?

Близнецы переглянулись и сразу сделались серьезными.

— Елизавета Георгиевна...— начал Ваня.

— Елизавета Георгиевна, — подхватила быстро Машенька и, радуясь, что прервала брата, поспешно закричала:— Пожалуйста, с нами обедать!

— Подумайте, как официально! — воскликнула Лиза и, обняв малышей, пошла с ними к столу.

Около двух часов провела Лиза в доме Шатровых. Когда она собралась уходить, Степан Петрович, замявшись, сказал:

— Вот что, Лиза. Унеси-ко молочка отцу. Уж не обессудь... Чем богаты, тем и рады... Мать...

Вера Борисовна, краснея, как девушка, сунула в руки Лизе голубой литровый бидончик.

— Невелик гостинец, да что поделаешь... трудное время сейчас...

Она вздохнула, ее болезненное лицо стало еще бледнее.

— Ох, беда!

— Ну, ну, мать, не надо ныть, не надо,— нахмурился Степан Петрович. Он попробовал пошутить: — Ты и в молодости-то веселым нравом не отличалась, все только о ямщике замерзающем песню пела. Ну, ступай, Лизушка, передай Егору поклон. Я завтра зайду к нему.

3

Медленно тянулись летние дни. Дома у Дружининых было мрачно. Казалось, Георгий Тимофеевич унес с собой в могилу все шутки, звонкий смех, самую атмосферу хорошей и веселой семейной жизни.

Умела Анна Дружинина прятать свое вдовье горе — попробуй догадайся, что душа у нее на частички рвется! На работе она была сдержанной, энергичной, быстро и твердо решала дела. До всего доходили руки Анны Дружининой, все видели ее проницательные серые глаза.

— Почему классы плохо побелены? — строго спрашивала она заведующую школой, молодую, не научившуюся еще хозяйничать учительницу.

Анна Федотовна провела ладонью по стене. Ладонь стала совсем белой, зато на стене появились серые полосы.

— Не побелка, а так — припудривание одно.

Учительница смущалась, но не обижалась. На следующий день она сама приходила в поселковый Совет, просила помочь вывезти для школы дрова и песок для спортплощадки.

Дружинина доставала лошадь, советовала заведующей требовать в лесничестве непременно березовые дрова, а при побелке следующих классов в известь обязательно добавлять соли: «Стены тогда пачкать ребячьи спины не будут».

Приходили в поселковый Совет жены фронтовиков — Анна Дружинина делом и словом помогала им.

— Ну что ж, что война,— говорила она,— жизнь идет, государство-то наше существует и будет существовать!.. Мост через речку строить надо! Ясли подремонтировать, веранду для ребятишек соорудить тоже надо. За дело, бабочки и старики! Сводка с фронта нынче хорошая. Наши наступают вовсю — настроение у вас должно быть веселехонькое.

Анна Федотовна улыбалась, показывая белые крепкие зубы. У глаз, на щеках ее уже проступали тонкие морщинки, но улыбка делала Анну Федотовну и моложе, и добрее. И трудно было не улыбнуться в ответ ей.

А о муже она думала часто. Уж очень незаметно к нему подкралась смерть. Прожила Анна Федотовна с Георгием Тимофеевичем более двадцати лет — мирно жили. Вспылит Анна, Георгий Тимофеевич смолчит, улыбнется, пошутит... и все пройдет. Уважал он ее человеческое достоинство, сочувствовал и помогал во всем. Посоветуешься с ним, бывало, выслушает, подскажет, и хорошо и просто на душе сразу сделается.

В доме все напоминало о муже. Вот хотя бы эта русская печь... Анна Федотовна любила перестраивать; то ей хотелось, чтобы печь была посередине (тогда дом будет разделен на две половины: прихожая и вторая — чистая комната), то казалось, что, если печь поставить в сторонку, места куда больше будет. Георгий Тимофеевич соглашался с женой, начиналась перестройка. Муж все умел делать сам: становился то плотником, то столяром, то печником. Жена довольна. А это было лучшей наградой ему. Когда печь вырастала на новом месте и Георгий Тимофеевич соскабливал с широких ладоней последние кусочки вязкой глины, Анна подходила к мужу, прижималась щекой к его небритому подбородку, говорила: «Спасибо, Егорушка».

— Спасибо, Егорушка...— шепчет Анна Федотовна, и руки ее устало опускаются.— Спасибо за все: за ласку, любовь, за слово твое теплое...

Тихо в доме. Дочери ушли куда-то. Им не до матери. Скоро у них свои семьи будут — мужья, дети. Да, жизнь идет к тому.

Мать мучило предчувствие одиночества. Оно-то и вносило холодок в ее взаимоотношения с дочерьми. Старость ее никто так не скрасил бы, как муж — верный жизненный друг. Если бы мать была иной по характеру, она бы по-бабьи пожаловалась дочерям, выплакала горе. Но Анна Федотовна в себе таила боль.

...Она гладит ладонью коленкоровую папку — отчет надо готовить в горсовет. Влажные глаза останавливаются снова на большой русской печи: «Спасибо, Егорушка, за волю, за то, что никогда ты и попытки не делал привязать меня к этой печи. Не мешал идти той дорогой, какой хотелось мне».

Анна Федотовна села за стол. У клеенки на столе подвернулся угол. Анна Федотовна хотела расправить его, приподняла и увидела под клеенкой белый квадратик. На нем надпись: «Моим родным папе и маме от сына». Фотокарточка. Яков Шатров. Анна Федотовна невольно залюбовалась парнем. «Пригожий какой стал — моряк, а был ведь шкет шкетом». Но вот она нахмурилась. Взгляд ее говорил моряку:

«Улыбаешься... А как ты все-таки сюда попал?»

За открытым окном раздался голос Иринки, и сейчас же в подоконник вцепились загорелые руки, потом мелькнули толстые косы, одна, как всегда, расплетенная. Миг, и Иринка, не заметив матери, прыгнула в комнату.

— Значит, у нас дверей нет — только окна...— сказала мать.

— Ой, мама! Да мне надо было быстрее, я...— заговорила громко Иринка, но, увидев в руках матери карточку, осеклась. Смуглое личико раскраснелось, как яркие маки на ее ситцевом сарафане.

— Откуда здесь эта карточка?

Под строгим взглядом матери Иринка еще больше застыдилась, но упрямо закусила губы.

— Ну, что же ты молчишь?— допытывалась мать,— ведь не я же положила ее под клеенку.

— И я не клала.

— Не учись врать!..— Обида на дочь, жалость к себе («и эта, младшая, думает уже о женихах, ей нет дела до материнского горя») усилили раздражение:

— Убирайся с моих глаз!— крикнула она дочери.— А карточка... я узнаю, как она сюда попала!

— Мама...— девочка приблизилась к столу,— отдай мне ее... Отдай...

— Как попала сюда карточка?

Иринка насупилась.

— Убирайся вон,— глухо сказала мать.

Девочка понуро вышла из дому.

...Через огород к речке бежала Иринка. Из второй ее косы тоже потерялся бант, и пышные волосы рассыпались по плечам.

Лиза в конце огорода убирала остатки сена, сгребенного в валы. Она старалась захватить побольше сена на вилы, но это ей плохо удавалось. Вот, наконец, она поддела охапку, вскинула вилы на плечо, и... сено снова упало. Лиза, не заметив, прошла несколько шагов с пустыми вилами на плече. И это так рассмешило Иринку, что она, забыв о своем горе, звонко расхохоталась...

А как ловко отец поддевал вилами сено! Целую копенку, бывало, несет! Вспомнив о прошлом и еще раз взглянув на тонкую фигурку Лизы с пустыми вилами на плече, Иринка внезапно залилась слезами. Она схватила охапку сена и помчалась за сестрой. Сухие былинки кололи, щекотали шею, попадали за ворот платья. Догнав Лизу, Иринка бросила сено к ее ногам и, не сдерживая рыданий, уткнулась мокрым лицом в плечо старшей сестры.

— Аринушка, милая, что с тобой?..— испуганно спросила Лиза, гладя растрепанную голову девочки.

— Ой, Лиза, как нехорошо получилось... Мне и обидно очень, и стыдно, и я... я не знаю, что делать...— Иринка подняла на Лизу блестящие светло-карие глаза и, громко всхлипывая, выпалила:

— Я не хочу-у жить теперь...

Как ни встревожили Лизу слезы сестры, она не могла не улыбнуться.

— Надоело, значит, жить? Не рано ли, Аринка?

Она взяла за плечи сестру, подвела ее к мосткам на берегу озера. Около них носились бирюзовые стрекозы. На берегу щетинилась осока. В раннем детстве сестры вытягивали из воды длинные стебли и ели мягкую, безвкусную сердцевину. Это кушанье они называли «водяным луком».

А вон там, за озером, где над вершинами молодых сосенок алеет огоньком флаг, расположен пионерский лагерь одного большого свердловского завода. Так как рабочие поселка Соколовка помогали строить и ремонтировать его, их дети каждый год отдыхали в этом лагере. Отдыхали там в свое время и Лиза с Иринкой.

Жизнерадостнее и проказливее всех ребят была Иринка Дружинина. Ее заразительный смех, крики звучали в лагере с утра до вечера.

Ушло детство...

Сестры сидели на мостках, свесив в воду босые ноги. Иринка уже перестала всхлипывать, на щеках ее серебрились лишь дорожки от слез.

— Так глупо вышло, Лиза,— говорила она, нахмурив брови и усиленно рассматривая в воде кончики пальцев ног.— Мама хорошая, я люблю ее, но она строгая... я боюсь ей сказать... мне стыдно... Мне нравится Яша, вот я и взяла у них фотографию из альбома.

— Нехорошо, Ирина. Фотография прислана родителям.

Иринка передернула плечами.

— Ну и что же! Если я посмотрю — не убудет карточки! А потом бы я все равно ее положила обратно в альбом.

— Можно было и у Шатровых ее посмотреть.

Иринка вскинула на сестру удивленные глаза:

— Как бы не так! Чудачка. А еще старшая сестра! Что, прикажешь мне к Шатровым по десять раз в день бегать?

Лиза задумалась... Как доказать Иринке, что она поступила нехорошо? Как убедить ее в том, что увлечение ее раннее — ненужное.

Лиза обняла сестренку за острые подвижные плечики.

— Ты пойми, Иринушка, что тебе рано думать об Яше или о ком-то другом... Яков старше тебя...

— Эка невидаль — семь лет!

Лиза растерялась.

— Значит, ты и разницу в годах уже подсчитала?.. Так ты и скажи прямо, как Митрофанушка: «Не хочу учиться, хочу жениться»...

— Как бы не так!

Иринка покраснела и вдруг шлепнула ступней по воде, да так сильно, что сноп брызг, сверкнув в воздухе мелким разноцветным стеклярусом, упал на сестер.

— Сумасшедшая ты девчонка и больше ничего!— Лиза вскочила, отряхивая платье. Иринка расхохоталась.

— А ты не говори, что не следует!— Она тоже вскочила. Сестры стояли друг против друга: старшая — рассерженная, строгая, младшая — смеющаяся, озорная. Мостки дрожали, заливаясь водой. Лакированные листья кувшинок поблескивали на солнце. Лиза поняла: сердиться нельзя — так совсем отдалишь сестру от себя.

— Иринка,— Лиза привлекла ее к себе, сошла с ней на берег,— ну что тебе дался этот Яков? Ты должна думать только об учебе. А у тебя нынче тройка по немецкому...

— Эка невидаль — немецкий!.. Захочу, так и пятерка будет... А Яша...— девочка мечтательно сузила глаза,— он такой смелый... моряк Черноморского флота. Форма-то какая у него... А воюет-то как! Зря не наградят.— Она взяла за руку сестру, доверчиво заглянула ей в глаза: — Да я, Лиза, вот увидишь, ради него буду на одни пятерки учиться!..

— Ну, как сказать...— с сомнением покачала головой Лиза, в то же время тронутая искренностью сестры.

— А вот вы все увидите!— Иринка повернулась на одной ноге и, подпрыгивая, помчалась по лугу к тому месту, где берег озера был крут и с него можно «здорово бултыхнуться» в воду.

Лиза задумчиво смотрела вслед сестренке. «Что-то из тебя получится, стрекоза?» Тревога и грусть охватили девушку. Мама... Она — умная, справедли-

вая, очень любит дочерей. Умело приучила их к труду, к учебе. «Но, мама, почему ты не умеешь задушевно говорить с нами? «Стыдно об этом сказать маме»...— говорит Иринка. Да и мне, если не стыдно, то как-то трудно и неловко говорить матери о своем, девичьем, сокровенном. Больно и обидно, что так получается».

И Лиза сейчас, как никогда, почувствовала, что ее, старшей сестры, долг и обязанность руководить Иринкой, помогать ей. Лиза задумалась. Справится ли она? Будет ли она для Иринки по-настоящему старшей сестрой? Ведь и у нее самой вся жизнь впереди еще.

4

В начале августа Лиза получила вызов из института. Помощь студентов на уборке урожая в годы войны была необходимой. Девушка обрадовалась вызову.

В последний день перед отъездом Лиза пошла на кладбище. Моросил теплый дождь. Ей хотелось добежать скорее до могилы и там вволю поплакать, пожаловаться на то, что очень трудно жить одним, что от Юры письма стали приходить все реже.

Кладбище было старое, запущенное, заросшее малиной. Каждое лето ребята ходили сюда за ягодами, и мрачное место оглашалось их веселыми криками, звонким ауканьем.

Сегодня, наверное, из-за дождя, здесь было тихо и безлюдно. Лиза осторожно пробиралась сквозь заросли малины по узкой тропинке. Могила отца уже подернулась травой. Цветы, посаженные месяц назад, пышно цвели. Лиза села на узкую деревянную скамеечку — последний подарок Степана Шатрова своему другу.

...Малинник шелестел, шумели вековые сосны. Но вот дождь стих. Небо заметно поголубело. На листьях заиграли солнечные блики, еще ярче стали цветы на могиле.

Девушка ничего не замечала. Она не плакала. Она думала о том, как ей жить, думала о будущем. Отца нет, но Лиза будет стараться в жизни все делать так, как бы хотелось ему. А отцу хотелось

видеть в дочери сильного, энергичного человека. Добрый, мягкий, Георгий Тимофеевич не любил слабых. Лиза будет сильной...

Вдруг ближние кусты дрогнули, раздвинулись, и Лиза увидела две белокурые детские головки, в спутанных кудрях торчали сухие листья, иголки хвои. Щеки и рты близнецов Шатровых были измазаны малиной.

Ваня приложил палец к губам и прошептал Лизе:

— Тише!— и, обратясь к сестре, хихикнул:— Найдут они нас — фиги две!

Но тут же со всех сторон раздались десятки пронзительно звонких голосов, и Лизу с младшими Шатровыми окружила детвора. Трещал кустарник, ребятишки кричали:

— Вот и нашли!

— Удрали вперед и думают — не найдут их!

— Зато мы видели...

— ...как везли машины...

— Новехонькие...

— Какие машины, куда? — встрепенулась Лиза.

— Да на болото.

— Болото завтра же будут чистить,— крикнул черноголовый карапуз.

— И потом торф добывать!— малыш взмахнул рукой и воскликнул в азарте: — Всю зиму добывать будут!

— А зимой вот и не будут!

— Будут!

— Не будут!

Спор решила Лиза:

— Нет, ребята, торф зимой не добывают.

— Не добывают,— повторил Ваня Шатров и уперся руками в бока, подражая отцу. Обращаясь к черномазому мальчугану, юный Шатров с расстановкой спросил: — А скажи, цыганенок, с чем этот торф едят?

— Да, с чем?— тоненько, не без ехидства, пропищала Маша Шатрова.

Черноглазый обиженно шмыгнул носом:

— И не едят его вовсе. Он горит, от него тепло...

Лиза поспешила выручить мальчугана.

— Правильно! Торф — топливо. Его у нас в стра-

не очень много. Торф — самое дешевое топливо. У нас в Соколовке его тоже много. Даже вот здесь, на кладбище, видите, какая земля темная. Это от торфа. А на Шум-болоте его кругом полным-полно.

Лиза присела на скамейку, обняла за плечи худенького черноглазого мальчика.

— Слышал, по утрам вон с той стороны гудки гудят?

— Ага... слышал.

— Это большой-пребольшой завод — Уралмаш... Наш соколовский торф этот завод кормить будет.

— Мы же говорили, что торф едят! Правда, Ваня?— сказала Маша Шатрова, ревниво поглядывая на Лизу: почему не с ней, а с «цыганенком» Лиза так ласкова?

— Так вот, ребятишки, без торфа и завод иной работать не будет, и электростанция ток не даст.— Лиза другой рукой притянула к себе Машу:— И еще торф может есть земля.

— Право?— удивился Ваня. И по его лицу можно было прочесть, что он уже видит, как земля с раскрытым ртом подбирается к штабелям первых опытных кирпичей, возвышающимся сразу за домом Шатровых.

Лиза улыбнулась. Хорошо с детьми. Не хотелось от них уходить.

— Чтобы поля давали большой урожай, их удобряют мелкой торфяной крошкой.

— Хм! — Этот несколько презрительный звук сквозь зубы принадлежал опять-таки юному отпрыску Шатровых.— Вот машины торфяные — шибко интересны.— И он выжидательно посмотрел на Лизу.

— Расскажите нам!— раздалось сразу несколько голосов.

— Ребята, хочется вам всем быть торфяниками?

— И будем, а что?

— Ну, слушайте... Машины будут сами делать из торфяной земли кирпичи, сами раскладывать их по полю для сушки.

— Здорово... Сами!— прошептал черноглазый.— А как зовут эти машины?

— Багеры и стилочные машины... Пойдемте посмотрим их!

Ребята ответили восторженными возгласами. Они схватили Лизу за руки.

— Пойдемте!

— Багеры мы, ребятишки, посмотрим, а стилочных машин еще нет,— сказала Лиза, прощаясь взглядом с могилой отца.— Их пока не выпускают, но обязательно будут выпускать.

— Будут!— подтвердили юные Шатровы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

— Весь третий курс — на разгрузку угля!— прозвучал знакомый голос секретаря комитета комсомола.— Прошу, товарищи, не задерживаться. Лекции переносятся на вечер. Ответственной за работу назначается Остапчук.

— Опять наша Васса в начальство попала!— пропищала Лора Волоскова. Она, маленькая, аккуратно причесанная, только один завиток около уха топорщится, подлетела к Вассе, жарко зашептала ей:— Ты уж, Вассанька, своему-то курсу нормы чуточку, на один мизинчик, убавь, а то в прошлый раз я просто обессилела под конец.

Васса взметнула густыми, сросшимися на переносье бровями:

— Большая норма тебе на пользу... фигурка изящнее будет. Ну, двинулись!

Накрапывал мелкий, нудный осенний дождь. Хмурое небо нависло над крышами. А Васса ликовала:

— Как хорошо, что дождик!

— Да уж чего хорошего!— возражали ей.

— Как «чего хорошего»? Уголь не пылит! Уж верьте опытному человеку.

Студенты должны были выгрузить каменный уголь с платформы, а потом в тачках и на носилках перебросить его на склад. Завод, только что эвакуированный с запада, не успел проложить железнодорожную ветку.

Лиза работала быстро. Она нагрузила носилки, потом тачку, которую подкатил к ней Боря Петров,

потом еще носилки. Раскраснелась, пот блестел на лбу, длинная коса свешивалась через плечо, платочек сполз с головы. Васса, подойдя с порожними носилками, подняла его.

— Подожди минутку, платок подвяжи,— сказала она Лизе с покровительственной нежностью.— И косу спрячь, вот так!— она уложила Лизину косу в узел, закрепила ее на затылке своим гребешком.

— Вот и хорошо!

— Товарищи, темпы замедлили! Поторопимся.

От завода на разгрузочную площадку спешили люди с лопатами.

— К нам на помощь, — догадалась Васса. — По двенадцать часов отработали и идут!

В группе людей были преимущественно женщины. А вон совсем седой сутулый старик. Мелькнуло веселое, но бледное лицо тонкого и высокого подростка.

Лиза предложила:

— Девочки, Васса, давайте скажем, что мы весь уголь сами разгрузим!

Васса и Боря Петров вышли навстречу рабочим, стали убеждать, что студенты справятся одни. Начался спор, который решительно прекратила пожилая женщина.

— Спасибо... да время-то не ждет! Уголь надо немедля...— Она первая подкатила тачку к груде угля и взялась за лопату.

— Сводка нынче опять та же, что и вчера,— сказал подросток.— Немцы продвинулись к Сталинграду. Наступают.

Ему никто не ответил. Кто-то вздохнул и закашлялся. Через некоторое время раздался старческий голос:

— Наступать — это еще не значит побеждать.

И больше никто ничего не говорил. Работали сосредоточенно, упорно. Васса оглядела студентов. «Агитировать нечего! Никто не уйдет отсюда, пока не уберем весь уголь!»

...Возвращались с работы в сумерках.

Кто-то неуверенно протянул:

— Может быть, не ходить на лекции?

— Наш курс должен быть на лекциях, все как один!— возразила Васса.

— Остапчук, ты откуда... с Украины?—вдруг спросил Боря Петров.

— Да. Из-под Винницы.

На миг смолкли все голоса. Казалось, каждый из идущих прислушивается к звуку своих шагов по неровной булыжной мостовой.

— Там родные Вассы,— шепнула Лиза Боре Петрову.

Они шли немного впереди других.

— Знаю...— Боря поправил толстые очки в роговой оправе, вздохнул и кашлем заглушил вздох. Лиза тронула Борю за рукав ватной стеганой куртки:

— Переживаешь, что не на фронте?

— «Наследственная близорукость, усугубленная беспощадным чтением книг», — определил первый врач.— Боря не без горечи усмехнулся.— Так примерно высказались и шесть остальных.

— Боря, пойдем на военный завод работать...

Петров замедлил шаги. С восторгом и уважением он смотрел на Лизу.

— Решено, Дружинина, завтра же к директору завода!

— Нет, к директору института!— вмешалась Васса Остапчук.— Будем требовать, чтобы он организовал воскресник, будем пилить дрова для общежития, доставим уголь для института. Завод кое-что дал институту из своих топливных фондов.

Когда Васса говорила таким категорическим тоном и фразами, немного напоминавшими доклад, спорить было бесполезно.

— После одного директора мы пойдем к другому, — шепнула Лиза Петрову. Васса опять услышала.

— Не пойдете. На заводе опытных работников и без вас достаточно. А вот попробуйте в трудные военные годы специалистами стать.

Боря и Лиза заговорщицки промолчали. Лиза тихо обняла Вассу, и ей показалось: по-детски трогательно дрогнул подбородок чернобровой дивчины.

Кажется, именно с того памятного вечера две девушки, одна с Урала, а другая с Украины, по-настоящему и подружились.

Кажется, именно с того же вечера и Боря Петров стал особенно внимательно относиться к Лизе. Лиза понимала, что нравится ему, но держалась с ним просто, без какого-либо кокетства.

Борю Лиза уважает, как умного, способного студента и хорошего, чуткого товарища, и только. Неужели он этого не понимает? Ведь все знают, как ждет она писем с фронта от Юры Шатрова. Зачем же Борис постоянно старается встретиться с нею, ловит каждый взгляд ее?

Вот и сейчас. Стоило ей поднять «настоящую» ношу дров, как он уже смотрит на нее испуганными глазами. Она нахмурилась: «Чего доброго еще, бросит колоть дрова, кинется помогать мне... подымут нас на смех девочки!»

Но Борис только суховато упрекнул:

— Лучше лишний раз сходить за дровами, чем так много набирать...

Дрова, правда, сыроваты, но, разгоревшись, они начинают весело потрескивать. Кажется, что от одного треска их в комнате становится теплее, веселее. Васса обнимает круглую железную печь, которая обогревает две комнаты.

— Хорошо, что топка в нашей комнате, а то бы совсем замерзли: мальчишкам лишний раз истопить лень.

— Я им не завидую,— говорит Лиза, наблюдая, как от ее давно не просыхавших валенок поднимается пар,— лишены они такого удовольствия! Сидеть перед печкой — как хорошо! Мы с Иринкой часто сидели перед очагом. И сказки рассказывали,— Лиза улыбнулась.— Иринка любит рассказывать... Насочиняет столько, что сама запутается.

— А у нас на Украине кизяками топят,— сказала задумчиво Васса,— дров нет... Они тоже хорошо горят. Не пылают, как дрова, а обугливаются, золотятся,— Васса вдруг закрыла глаза рукой:— Ой, мамо моя!

— Вассанька!.. Васса! Может быть, она жива.

Васса ничего не ответила. Она снова смотрела на огонь, теребя вышитую кофточку.

— Давай, Лиза, заниматься. Читай дальше, что у тебя там написано?

Лиза начала читать конспект лекции и остановилась.

— Ну, что же ты? Сама не разберешь, что написала?

— Карандашом написано.

— Давай тогда я буду читать.

И Васса ровно, только медленнее обычного, начала читать:

— Фрезерный способ добычи торфа применяется тогда, когда... Ты слушаешь, Елизавета?

— Слушаю, Васса.

Но Лиза не слушала. Она думала: «Мне, конечно, трудно: умер папа... Материально нелегко... Нет давно писем от Юрия. Но Вассе труднее. Вся семья... вся семья по ту сторону фронта! У Вассы, вот у кого я должна учиться стойкости. Папа сказал: «Счастлив тот человек, который умеет переносить самое трудное в жизни и быть веселым!»

...И в напряженные военные годы молодежь оставалась молодежью. Веселый шум стоял в коридорах института после лекций, в общежитии, в кухне, где всегда была очередь к электрическим плиткам, там и тут слышались шутки, остроты, взрывы хохота. Весело, с волчьим аппетитом съедали студенты свой незатейливый обед — картофельную похлебку.

Регулярно вывешивались на стене очередные номера стенгазеты «Колючка», студенты охотно ходили в кино, на каток.

И какая радость охватывала всех, когда голос диктора сообщал о взятии советскими воинами нового населенного пункта!

Какая радость была, когда приходили письма! Их здесь ждали не меньше, чем на фронте.

Лиза тоже получала письма. Вести были хорошие.

Лиза Дружинина и Юра Шатров вместе учились в школе. Как-то, в восьмом классе, Лиза разрезáла Юриным перочинным ножом бумагу для лозунгов и нечаянно поранила руку. Надо было видеть, как взволновался Юрий!.. Побежал за бинтом, неумело перевязал руку и... выбросил за окно свой дорогой перочинный нож.

Уже в десятом классе Юра попытался объясниться, написал ей записку, вложил в книгу. «Лиза, быть настоящим человеком, чего-то достичь мне хочется ради тебя, в первую очередь...»

Лиза ничего не ответила, как будто не видела записки... И Юра молчал.

...Воюет капитан Шатров, защищает с бойцами Ленинград... Бережно хранит Лиза Дружинина память об их дружбе, подолгу смотрит на фронтовую карточку Юры.

Письма от Юры Шатрова Лиза любила читать одна, вдумываясь в каждое слово, мечтая.

Вначале Юра скупо рассказывал о фронтовых событиях, часто вспоминал школу, писал о дружбе, ласково упрекал Лизу за то, что редко пишет. Потом стал писать ей нежнее... И, наконец, сказал прямо: «Люблю тебя, Лиза».

Но сама Лиза еще не знала — любит ли она Юру. Знала, что он ей дорог, что ей очень-очень хочется встретиться с ним. А вот любит ли? И временами казалось забавным, как это можно любить Юрку Шатрова, с которым вместе еще в детский сад ходили, в песке строительством занимались.

Весть о героической смерти Зои Космодемьянской в свое время потрясла Лизу. Она, эта девушка, о подвиге которой говорила вся страна, была ровесницей Лизе Дружининой.

Лиза не выступила с речью на комсомольском собрании, но сердце ее откликалось каждому слову Вассы, которая гневно говорила о злодеяниях фашистов и страстно призывала студентов учиться еще лучше, не ныть, не сгибаться перед трудностями.

А ночью в постели, укрывшись с головой, Лиза думала о Зое, о Вассе, о себе.

Лиза никогда не переоценивала ни своих способностей, ни своих сил. И в эти бессонные ночи она начала понимать, что ей многого недостает. Надо воспитывать свой характер. Надо быть волевой, смелой, безупречной... То она рвалась на фронт, в госпиталь, то на завод и с трудом усмиряла свои порывы. В несколько дней Лиза похудела, лицо стало строгим, задумчивым.

«Думаешь ли ты о Зое?— писала она Иринке.—

Да? Я — постоянно. Я вижу ее, как живую, перед глазами. Мне кажется, что я давно-давно знала ее. Свои мысли и поступки я проверяю, отвечая на вопрос: «А как бы она поступила?».

Лиза считала своим долгом воспитывать младшую сестру.

«Давай, сестренка, дадим себе слово быть достойными нашей Зои...»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Шел третий год войны... Лиза училась на четвертом курсе Московского торфяного института. Лекции, зачеты, экзамены. Теперь Лиза занималась еще настойчивее. Иногда она давала себе задание в выходной день пробыть в читальном зале библиотеки института три часа, а просиживала там четыре-пять.

Часто Лиза отрывалась от книг и конспектов: цепляясь одно за другое, набегали воспоминания. И опять Лиза стоит в больничной палате у отца. В руках у нее — голубой бидончик Шатровых. «Папа, вот молоко...» Вначале Лиза не понимает, что говорит сестра: «Он вас не слышит... только что скончался». Почему-то запомнился этот голубой бидончик. Он валяется на полу в палате. Лиза растерянно смотрит на лужу молока...

Рано умер отец. Никто не подозревал, что в нем затаилась эта страшная болезнь — рак... Горько. А ведь именно отец дал Лизе направление в жизни. Ему она обязана и выбором своей специальности. И опять вспомнилось... Нет, не до занятий студентке Дружининой сейчас.

...Однажды отец пришел домой оживленнее обычного. Обращаясь к дочери, сказал:

— А я что-то принес, Елизавета. Взгляни-ка сюда... Может, заинтересуешься.

Он достал из кармана небольшой сверток. Осторожно развязал узел носового платка, развернул газету. В серых с голубизной глазах Лизы появилось было любопытство, но вскоре она разочаровалась: на клочке газеты лежали комки коричнево-черной, самой обыкновенной земли.

— С Шум-болота принес,— сказал отец...— Что ты на это скажешь?

Лиза знала страсть отца к поискам. То он приносил из леса какой-то необыкновенный кусок дерева, то цветок, то гриб небывалой величины. Однажды в нескольких километрах от поселка нашел пластинку слюды, а вскоре обнаружил целую залежь ее. Вся семья радовалась открытию! Написали в областное геологоуправление. Прибыли геологи. Наличие слюды они действительно подтвердили, но разработки вести не рекомендовали. Запасы были незначительны. Это огорчило Георгия Тимофеевича: уж очень ему хотелось, чтобы в родном поселке, где работала всего-навсего одна маленькая деревообрабатывающая артель, было организовано какое-нибудь производство. Георгий Тимофеевич мечтал о том, чтобы поселок вырос в крупное промышленное предприятие. Он твердо верил: есть в окрестностях и другие богатства, кроме леса. Ведь недаром Соколовка находится на золотой уральской земле.

Лиза очень любила и уважала в отце эту искательскую страсть. Она сама была заражена ею.

Но сегодня она смотрела на отца с недоверием: «Земля. Обыкновенная земля. Что нашел в ней отец?» Георгий Тимофеевич, угадав мысли дочери, сказал:

— И все-таки, Лиза, эта земля необыкновенная.

Он прошел за кухонную перегородку к русской печи. Лиза последовала за ним. Георгий Тимофеевич положил комочки на шесток, чиркнул спичкой, поджег их. Темно-бурая земля задымилась, потом стала похожа на горящий уголек.

Лиза воскликнула обрадованно и удивленно:

— Торф!

— То-то...— снисходительно сказал отец и, глядя в оживленное лицо дочери, добавил:

— Э! Да я вижу, ты и сама тоже загорелась!.. Значит, заинтересовалась? Вот это хорошо! Страсть люблю людей с огоньком в душе. А торфу у нас, кажется, кругом полным-полно. Все Шум-болото — торфяное.

...Шум-болото! Лиза с детства любила эту обширную зеленую равнину, окруженную кольцом белоствольных берез. Кое-где там встречались зыбкие

места да блестели «окна», наполненные холодной светлой водой. Сестры Дружинины не боялись такой зыби. И что тут страшного? Ляжешь и лежишь, покачиваешься.

Были и другие прелести на Шум-болоте. Ну, кто из жителей Соколовки не пробовал щавеля! Бывало, Лиза и Иринка, надев сапожки, с корзинками в руках отправлялись на болото за щавелем. Мать всякий раз наказывала не подходить к «островку»! Говорили, что там под корнями чахлых берез водятся змеи.

Еще школьницей Лиза мечтала об осушке Шум-болота. Сколько огородов и садов можно сделать!

Огороды соколовцев, примыкающие к болоту, отличались плодородием — особенно хорошо росла капуста. Даже в засушливый год здесь вырастали кочаны больше футбольного мяча, белые, тугие, сочные.

Да, будь жив отец, они исходили бы окрестные леса, болота, переговорили обо всем, что волновало Лизу. Она с детства привыкла делиться с отцом. С ним они, пожалуй, были бо́льшими друзьями, чем с матерью.

Но время берет свое. Оно лечит. Свято сохраняя добрую память об отце, Лиза научилась подавлять горе. Тщательно подготовившись к очередному экзамену или зачету, она думала: «Папа был бы сегодня мною доволен».

Матери о своих успехах в учебе Лиза писала мало. Еще со школы между матерью и дочерью установилась молчаливая договоренность. Мать решила, что не будет подгонять в учебе дочь: «Ты сама должна знать свой долг». И Лиза старалась хорошо учиться.

Мать просматривала дневник. Если отметки ее удовлетворяли, она скупо улыбалась и говорила: «Хорошо». Если же она была недовольна, то замечала: «Родной язык знаешь только на четверку? Маловато».

В письмах Анна Федотовна больше интересовалась житейскими вопросами: улучшилось ли питание в столовой, не подослать ли что-нибудь еще из дому. Наказывала не есть хлеб всухомятку. «Хоть с одним кипятком, но все-таки лучше». Беспокоилась, не износились ли у дочери валенки, наказывала чаще мыть и расчесывать косы.

Перестав получать от Юрия письма, Лиза спросила у матери, получают ли Шатровы. Мать ответила: «Не знаю, в чем дело, дочь, почему он тебе не пишет. А узнавать к Шатровым я не пойду. И буду очень недовольна, если мои дочери сами женихов будут искать, а не женихи их... Думай лучше об учебе».

Лиза даже смутилась, читая письмо. «Может быть, я действительно не права, заговорив с мамой об Юре,— растерянно думала она.— Но ведь Юра для мамы был как сын, мы вместе росли...»

Мысль об Юрии все больше тревожила Лизу. Не видя его несколько лет, Лиза награждала Юрия всеми положительными качествами, какие ей только хотелось в нем видеть. Он был самый умный, самый бесстрашный, самый ласковый и преданный.

«Ранен?.. На особом задании?..— тревожно думала Лиза.— Что случилось? Неизвестность страшнее самых тяжелых вестей!» Наконец, не выдержав, Лиза написала Шатровым. Но на другой день она получила письмо от Иринки. «Юра ранен,— писала сестра.— Видимо, уж очень тяжело ему, так как письмо Шатровым написала какая-то женщина, военный врач. Я сама читала. Юра лежит в госпитале в Бузулуке...»

2

Лиза отпросилась на несколько дней, чтобы съездить в Бузулук.

Но почему же так тревожно на душе? Всю дорогу Лиза думала об Юрии, представляла встречу с ним. Он тяжело ранен, лежит в бреду. Наверное, очень изменился. Лишь бы все обошлось хорошо; какое бы ранение ни было, лишь бы выздоровел.

В маленьком вестибюле госпиталя Лиза в ожидании присела на жесткий диван, раскрыла чемоданчик. Он был почти пуст. Лиза привезла Юрию только два томика стихов его любимого поэта Маяковского да вышитую украинскую рубашку. Васса придумала рисунок и помогала подружке вышивать. Лиза разгладила складочки у ворота рубашки. «Славным кареглазым хлопцем будет в такой рубашке Юрка!» Она подняла голову от чемоданчика, когда услышала шаги по лестнице. К ней подошла пожилая женщина в

белом халате поверх военного кителя. Лиза поспешно вскочила:

— Можно пройти к Шатрову?

Женщина в военном кителе молчала, испытующе глядя на Лизу. Лизе стало страшно.

— Сядьте!— Это было сказано с ласковой настойчивостью.— Я должна опечалить вас... крепитесь... Шатров... два дня назад...

И, увидев помертвевшее лицо девушки, военврач приказала медсестре:

— Василькова, дайте валерьянку!

Сестра подбежала к Лизе, но девушка сказала с трудом:

— Нет, зачем же... Не надо.

Военврач положила руки на плечи Лизы, заглянула в ее сухие глаза.

— Не надо отчаиваться... Вы комсомолка!— тихо сказала она. Ее полные щеки в мелких морщинках молодо вспыхнули, она еще тише добавила:— Вспомните... Зою...

Лиза молчала, стараясь побороть рыдание. Наконец овладела собой:

— Спасибо вам... Где он похоронен?

— Вы подождите меня... Я сдам дежурство и провожу вас.

— Нет... Зачем же?

— Провожу и расскажу вам о нем...

...После длинной от бессонницы и тоски ночи, проведенной в неуютной бузулукской гостинице, ранним апрельским утром Лиза шла на вокзал.

И на всю жизнь ей запомнились на окраине города тихая речушка с прозрачным утренним ледком у берега, да желтые корки тыкв, выброшенных сюда еще осенью, да невыносимо жалостливый стук железа под ветром на чьей-то крыше...

3

«Моя родная Иринка!

Ты поймешь меня, ты уже не маленькая, сестренка, ты у меня стала большая, умная.

Аринушка, мне очень тяжело. Я никому не говорю об этом, даже Вассе. Да могу ли я ей жаловаться:

у нее вся семья погибла. Один брат остался и тот на фронте. А Васса никогда не жалуется. Только похудела да еще строже стала к себе и к другим.

А я тебе пожалуюсь... Где бы я ни была, Юра всегда со мной. Я занимаюсь, а думаю о нем. Сижу на лекции, и мне слышится не преподавателя голос, а его. Смотрю кинокартины о фронте, мне кажется, что вот-вот мелькнет лицо моего родного Юрки.

Ты знаешь, Иринка (только маме не говори об этом), я даже учиться хуже стала. Получила одну тройку. И Васса молчит, и Боря Петров молчит, а видно, что в душе осуждают меня. И правильно делают. Им-то ведь тоже нелегко. У Бори своя трагедия — на фронт его не взяли.

Я борюсь с тоской, стараюсь выполнять свой долг — учусь, первая рвусь на субботники... Но горе точно сковывает меня. Я тебе рассказываю все, мы ведь договорились рассказывать друг другу все.

Теперь о твоих стихах. Я, как всегда, буду строгой: они мне понравились по смыслу, а вот по форме, по-моему, они очень корявы. Кой-где нет никакой рифмы. Ну разве можно рифмовать: увидел — гибель. По-моему, нет. А содержание — неплохое. И ненависть школьницы к врагу хорошо передана. Ты еще поработай над ними и отдай в школьную стенгазету.

Кончаю! Пришли девушки с пятого курса и предложили желающим помочь им работать в госпитале. Я пойду. Боюсь, но пойду. Это письмо отправляю, а завтра еще напишу и маме и тебе.

Ну, пиши мне обо всем. Поцелуй за меня маму. Привет Шатровым. Как они там? Тебя крепко обнимаю и целую. Твоя сестра Елизавета».

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Хрустели под кирзовыми походными сапогами хрупкие мартовские льдинки. Высокий и плечистый, он шел бодро и твердо, размеренно помахивая полевой сумкой. И хоть на вид он казался спокойным, но что делалось сейчас в груди майора Говорова!

Через несколько минут он обнимет сына, которого не видел еще ни разу в жизни. И щеки майора, кото-

рые много месяцев лизал фронтовой ветер, порошила горячая земля, вздыбленная снарядами, казалось, уже чувствовали теплоту другой щеки — детской, пухлой и бесконечно родной.

Вот она — улица Мичуринцев, 16. Маленький домик. Желтые ставни. Перед окнами — палисадник, торчат два жиденьких тополя, и воткнута прямо в снег елка — наверное, Андрейкина, новогодняя.

Максим Говоров открывает калитку. Мартовским солнцем залит крошечный дворик. Посреди двора — мальчишка в красном бушлатике ковыряет лопаткой осевший под солнцем снег.

Полевая сумка падает на снег, рядом лежит детская лопатка с зазубринками. Максим, на мгновение закрыв глаза, прижимает к груди сына, а тот потихоньку теребит его погон.

— Андрюша... Андрейка ты мой!— Говоров подбрасывает сына и держит его долго-долго над головой, а карапуз болтает ногами. Потом отец смотрит в детские глаза и удивленно и радостно смеется:— Милый ты мой, да ты ведь тоже зеленоглазый, в батьку!

— Папа... Мой папа!— щебечет мальчуган. Он, словно вспомнив что-то, смеется звонко, радостно и повторяет раздельно:— Мой па-па, па-па...

А майор, слыша его смех, опять удивляется: и когда это успели так серебряно зазвенеть ручьи — ведь утро совсем морозное, и снег кругом лежит такой твердый.

Он снова прижимает к себе Андрейку и приникает щекой к пухлому и прохладному от мороза личику сына.

2

Уже целых десять часов Говоров был дома. Он ходил по комнате в одних шерстяных носках, и это ему казалось забавным. Раза два произнес вслух, не обращаясь ни к кому: «Я дома». Звучало непривычно и очень хорошо. Присев на диванчик, он сказал жене:

— Странно как-то!.. Когда вернусь совсем домой, буду снова инженером.— Он затянулся папиросой, задумчиво выпустил дым:— Непривычно и немножко вначале неловко будет, Нина...

Она села рядом, отмахиваясь от табачного облачка.

— Прости. Я так же нещадно курю, как где-нибудь в землянке. Это плохо. Обещаю уменьшить порцию раз в пяток, пока дома.

— Ничего тут непривычного нет,— сказала Нина Семеновна.— И, если бы тебя сейчас демобилизовали, сразу бы привык. А ведь пора бы: у тебя все-таки тяжелое ранение было.

— Было, да зажило... Знаешь, Нина, перед тобой я не рисуюсь, да и не в похвалу себе скажу: чем не грешен, тем не грешен. Я рад, что вернусь снова на фронт. Хочется войну до конца довести. А он близок.— Максим Андреевич улыбнулся. Его резко очерченные, строгие губы как-то по-детски раскрылись, и лицо на миг стало беззаботным. Но вот лицо его посуровело: — Заживем после победы иначе, на жизнь смотреть будем по-другому, чем до войны. Ответственнее... Я, Нина, как и каждый фронтовик, узнал теперь цену жизни. Дорогая она! И поэтому, друг мой,— он притянул к себе жену,— хочется прожить вторую половину жизни,— а она, ей-богу, больше первой,— по-хорошему прожить, не зря. И красивее...

— А ты все такой же...

— Какой?— он погладил Нинины покатые, очень женственные плечи.

— Мечтатель, что ли... Ну, хороший...

— Почему «ну»?.. Ты у меня скупая-прескупая на ласку. Нормы ее у тебя по-прежнему мизерные, карточные.

— Ну, ну... не сердись...— и Нина притронулась к темным, с каштановым отливом волосам мужа.

В кроватке зашевелился Андрейка. Отец неуклюже, на цыпочках поспешил к нему. Сын спал, длинные прямые ресницы его изредка вздрагивали.

В комнате был полумрак. Лампочку прикрыли газетой, чтобы свет не мешал Андрейке.

Лампочка время от времени мигала, и тогда в комнате становилось совсем темно. За стеной (там жили хозяева дома, к которым Говоровы были поселены как эвакуированные) раздавался равномерный стук песта в ступке.

Максим Андреевич тихо-тихо баюкая, стал

ладонью похлопывать бочок мальчика. Вполголоса он запел ту песенку, которую пел раньше про себя еще не родившемуся сыну:

По проселочной дороге
Шел медведь к своей берлоге
И, шагая через мост,
Наступил лисе на хвост.

Максим Андреевич снова подсел к жене.

Она, его женушка, в чем-то изменилась за три последних года. Нет, не постарела. Только в ее взгляде, улыбке, вместо прежней застенчивости, появилось выражение спокойного довольства собой. «Это оттого, что она стала матерью»,— подумал Максим Андреевич и обнял жену.

— Выше плечики, Нинусь. Почему сутулишься? Не смей! Плечи — твоя гордость, только, чур, не зазнавайся!

Говорову хотелось шутить, дурачиться. Его зеленые глаза в черных густых ресницах озорно блеснули.

— А ты знаешь, наш хлопец-то,— кивнул он на сына,— чуть-чуть рыженький, каштановый.

— Глупости!— дернула плечами Нина. Она-то, между прочим, знала цену своим плечам.

— Нет, в самом деле, Нинусь...— глаза Максима смеялись,— мы с тобой не рыжие, а сын рыженький... Да ты не смущайся! Это он в мою бороду! Я только на фронте заметил, что она у меня с рыжим оттенком.

Нина улыбнулась. Она устала — за день столько волнений!.. Тихонечко зевнула.

— Что-то долго нет Маши... Соскучился я по своей сестре-матери!.. Сколько времени, Нинусь?— Он взял ее руку, на которой блестели новенькие, кирпичиком, золотые часики.— Уже восемь часов вечера. Нравится тебе подарок?

— Очень нравится,— оживилась Нина, взглянув на часики,— такие маленькие. Знаешь, я думала вначале, что это заграничные...

Максим Андреевич отрицательно покачал головой.

— Нет, наши, отечественные! Я в Москве их купил. Заграничные большей частью так себе. Вид один.

— Ну уж, ты скажешь...

— Да, да!..

— Там у них бывают прекрасные вещи... Вон соседи получили такую богатую посылку, там и материал... и серебряные ложечки, и даже фарфоровый сервиз... И ты понимаешь, Максим, он прекрасно сохранился в посылке.

Говоров отстранился от жены, поднялся с дивана.

— Я воевал, Нина! И потом, запомни: твой муж — офицер, инженер, а не барахольщик!..

Нина с тревогой взглянула на мужа, пряча за уши жиденькие, но искусно подвитые волосы. Она встала, прижалась к нему.

— Извини меня, если я не так сказала...— и она испуганно всхлипнула, готовясь заплакать.

Максим Андреевич уже сердился на себя: «Женщина ведь она... любит безделушки. А я так резко... Обидел!»

Он погладил жену по голове.

— Успокойся, Нина.

Сжал ладонями ее голову, смотрел напряженно, не мигая, в лицо.

— Ты меня... очень ждала, Нина? Очень?

— Ну, разумеется, ждала, очень. Странный вопрос и неуместный.

«Никакого порыва, взгляда, жеста!»— Максим Андреевич опустил глаза, задержал в груди готовый вырваться вздох... Но тут же как бы отрезвел. Собственно, что это такое? Жена и прежде скуповата была на ласку. Но разве дело в бурном выражении чувств? Появление ребенка, новые заботы — каково ей, не приспособленной к жизни. Говоров опять с нежностью взглянул на жену: «Она просто устала».

— Максимушка, родной мой,— раздалось в комнате, и невысокая худенькая женщина в поношенной плюшевой шубке с лисьим воротником порывисто кинулась к нему. Из-под платка выбились черные с сединой прядки волос.

— Маша!

— Братушка ты мой!

Она трогала его маленькими руками и все хотела дотянуться до волос, до глаз, до лба его. И Максим Андреевич склонил к ней темноволосую, вихрастую, как и в детстве, голову.

3

Мария Андреевна, единственная сестра Говорова, была старше своего брата на одиннадцать лет. Родителей Говоровы лишились рано. Максима воспитала сестра.

До сих пор Максим Говоров считает себя виноватым перед сестрой: из-за него она не вышла замуж.

...Тепло, благодарно он смотрит на сестру. Она суетится около стола. У нее вечно много дела. Сорок пять лет, а кажется она старше, лишь глаза молодые, искрящиеся.

— Тебе налить?— спрашивает она брата и, не дожидаясь ответа, наполняет его стакан чаем, пододвигает сахар, берет чашку Нины, наливает ей.

— Сегодня у нас только один родился, мальчик. Чувашик, курносый, щекастый...— Мария Андреевна улыбается: — Не ребенок, а груздочек. Отец на фронте сейчас. На побывку в прошлом году приходил, так же, как ты, после ранения.

Мария Андреевна хлопает себя по лбу, вскакивает с места.

— Эх, и память!.. Нина, варенье-то мы и забыли... Клюквенное, Максим! Сахару не было, так я меду достала, на нем и сварила.

И вот из какого-то тайника в углу, за сундучком, она извлекает небольшую стеклянную банку варенья.

Уже давно полночь. У Нины — сонные глаза. Она сидит молча, иногда принужденно улыбается.

— Пора спать, детушки,— сказала Мария Андреевна, но сама же опять заговорила:

— Максим, и когда только война кончится?— Она подняла платок к глазам, боязливо шепнула:— Вот уедешь снова...

— Ну и что же, поеду,— ободряюще произнес Максим Андреевич: — И поеду, и снова вернусь.

— Дай-то, бог,— прошептала Мария Андреевна, поправляя свою белоснежную косынку.

Мария Андреевна, фельдшерица-акушерка, настолько привыкла к косынке, что и дома не могла без нее обходиться.

— Когда останавливался в Москве,— заговорил Максим Андреевич,— зашел в главк.— Он смущенно

улыбнулся.— Полюбопытствовал, где инженеры-торфяники требуются.

— Ну, и где требуются?— спросила Нина.

— Везде... Но я авансом дал согласие поехать в родные края — уральские.

Заулыбалась, порозовела Мария Андреевна, подошла к брату:

— Домой, на Урал, ой, хорошо, Максимушка! Я тоской изошлась по нему... Сколько лет ведь!.. С Андрейкой за грибами ходить будем, охотиться научи его, Максим...

И опять встревожилась:

— А вернешься ли?

— Вернусь, Маша, вернусь! Вот увидишь. Чертовски глупо погибать, когда довоевать осталось пустяки! Нина, — обратился он к жене, — а ты как смотришь, если после войны мы двинемся на Урал?

Рассматривая искусно переплетенную бахрому скатерти, сделанной еще матерью Говоровых, Нина вяло протянула:

— Мне все равно. Есть пословица: «Куда иголочка, туда и ниточка». Только...— она подняла голову,— уральские торфяники — это, кажется, глушь беспросветная.

— Вот уж совсем нет!— убежденно взмахнула рукой Мария Андреевна.— Что ты, Нина? Там сплошные леса кругом — хвойные, и сосна тебе, и ель, а пихты — красавицы, и цветов, ягод, грибов разных... Раздолье для любителей.

Максим Андреевич добродушно засмеялся:

— Убедила!— кивнул на жену, которая молча пошла за перегородку, подумал: «Неужели Урал ее испугает?»

Из-за перегородки мелькнуло платье Нины, а затем выглянула она сама, бросила на мужа ласковый, зовущий взгляд.

Он прошел к ней.

— Эх ты, ниточка моя!

— Что?— она удивленно обернулась к нему, забыв о подушках, которые собиралась взбить.

— Слушай, Нина,— сказал Говоров вполголоса и дружески просто, — неужели тебе всегда хочется быть только ниткой?..— Он усадил жену на край кровати,

сел рядом.— А ты не задумывалась над тем, что мне тебя иногда хочется и иголкой видеть — так сказать, правофланговым, направляющим?

— Нет, не задумывалась,— чистосердечно призналась она.

— А ты вот подумай как-нибудь на досуге Представь, Нина, мне порой хочется и посоветоваться с тобой, поспорить и, черт возьми, соглашаться не для видимости, а душой и рассудком. Вот когда интересно жить-то будет! Надежными товарищами мы должны быть друг другу, помимо того, что мы муж и жена. А?— Он снова обнял ее.— Понятно тебе?

Нина кивнула:

— Вообще-то понятно... Но знаешь, Максим, хотя ты чуть-чуть старше меня — только на год, а я как-то привыкла считать тебя опытнее, умнее,— она шаловливо ткнулась лицом в его грудь:— Ты у меня м-у-дрый!— И уже серьезно добавила:—Мне кажется, что настоящая жена именно так, как я должна рассуждать. Раз мне хочется идти за тобой, я иду. Вот и все.— Она взлохматила его волосы.

— Ну ладно, поговорим об этом в другой раз! Соскучилась все-таки немного?

— И ты все еще спрашиваешь?..

В другом углу комнаты разбирала свою узкую постель Мария Андреевна. В воображении ее шумел уральский бор, звенели на золотистом от купавок лугу непоседы-кузнечики.

«...На Урал,— шептала счастливая Мария Андреевна.— Ведь будто посоветовался с сестрой.—Она вздохнула.— Но вернись, вернись сначала цел и невредим с фронта. Вперед пока забегаешь, ой, Максимушка...»

4

Попугай на ветке сирени получался яркий, радужный, как живой. Нина, прищурив глаза, смотрела на свою работу — ей нравился попугай. В глазу птицы не хватало точки — зрачка, и он казался мертвым, но Нина не замечала этого.

Мария Андреевна дежурит ночью в родильном доме. Сегодня днем она свободна... а уж коли свободна, можно весь день «наводить чистоту». Сердце

Марии Андреевны не переносит в доме пылинки, ржавого пятнышка на вилке, малейшей желтизны выстиранного белья. Нине это нравится, и две женщины, не сроднившись, все-таки живут дружно, прислушиваясь к мнению друг друга.

Нина к Марии Андреевне относилась безразлично, но считала ее «удобной». Ежегодно, когда Мария Андреевна уезжала в отпуск, Нина буквально «болела от быта», как она выражалась. То в момент, когда суп нужно было ставить на плитку, выяснялось, что в доме нет соли... то придет прачка стирать, а мыло как сквозь землю провалится. Комнатные цветы при Маше совсем иначе росли и цвели. К тому же Мария Андреевна умела шить: своего маленького племянника она обшивала целиком, да и снохе нет-нет да что-нибудь смастерит.

Нина любила рукодельничать. Сколько узорчатых салфеток было связано ее руками, сколько расшито шелком диванных подушек, над которыми подчас засиживалась она до полночи. Это была приятная, не портившая рук работа.

...Мария Андреевна перемывала чайную посуду. Раз в неделю посуду она мыла обязательно с содой. Максим Андреевич говорил: «Если стакан побывает у сестры в руках, примешь за хрустальный!»

На краю сахарницы в затейливом рисунке темнело пятнышко. Мария Андреевна прищурила глаза — пора уже на очки переходить, нечего храбриться...

— Нина, взгляни-ка сюда,— попросила она,— никак не пойму, снаружи это пятнышко или соринка внутри, в стекле.

Нина Семеновна неохотно оторвалась от вышивания, посмотрела на сахарницу.

— Внутри...

Марии Андреевне хотелось поговорить о Максиме, помечтать об Урале. Убирая посуду в незатейливый фанерный шкафчик, подвешенный на стене, задернутый вышитой и накрахмаленной занавеской, Мария Андреевна сказала:

— Будем жить на Урале, мебелью обзаведемся, Максиму дадут квартиру, наверное, сразу.

— Да...— мечтательно произнесла Нина Семеновна.— Мне бы хотелось жить в настоящей квартире.

в отдельной, со всеми удобствами. А то ведь и в Белоруссии у нас квартира была средненькая

— Вот уж и нет!— возразила Мария Андреевна.— Там было очень славно, всем знакомым нравилось. А особенно эти шкафчики в стенах... внутренние. Там шкафчик, тут шкафчик... А веранда... Как вьюнки-то по шнуркам тянулись!.. Теперь, поди, наше гнездышко разрушено...

Мария Андреевна вздохнула.

Но не в ее характере было долго грустить. Тут же с улыбкой она продолжала:

— А Максим-то наш какой бравый стал!— Она села, забыв о посуде, опустив на колено руки, державшие чайное полотенце.— Только все-таки он другой теперь. Пошел на фронт, все равно мне мальчишкой казался, а теперь — настоящий мужчина. Ты, Нина, не заметила, кой-где на висках-то у него ровно проседь?

— Нет, не заметила. Максим возмужал. Что ты хочешь, ему теперь уже тридцать два года.

— Тридцать второй,— поправила Мария Андреевна,— только тридцать второй, а уже майор. Впрочем, что это я говорю! Разве в чинах дело-то? Важно, жив-здоров! Не чин молодца красит, а молодец его.

— И все-таки чин, должность имеют значение,— мечтательно улыбнулась Нина и отложила в сторону рукоделие.— Что ни говори, а приятно нам, женщинам, когда мужчина имеет не только вид, но и вес в обществе. Ну, что ты на меня смотришь так? Ведь вес в обществе не у каждого. А у того, у кого он есть, значит, и ум и деловитость налицо. Вот и выходит, что не на чин женщина смотрит, а на деловую сторону человека.

И в памяти Нины пронеслось далекое. Она с подругой идет по шоссе... Вдруг блестящая новенькая машина останавливается, поравнявшись с ними... Вежливое приглашение. Они сели... «Что говорить, симпатичнейший был этот Федор Иванович, начальник треста или даже главка. Да, конечно же, главка!»

Нина снова взялась за рукоделие... «Впрочем, очень хорошо, что я вышла замуж все-таки за Максима. Он тоже становится видным человеком, потом, не отнимешь у него приятной наружности и молодости. Нет,

конечно, я по-настоящему люблю Максима». А вслух она проговорила:

— Хочу для Максима вышить косоворотку, василек с колосьями — сочетание поразительное.

Мария Андреевна просияла:

— Вышей, Нинушка, ему рубашку, вышей. И брось ты этого попугая, успеется.

Пришли с прогулки отец с сыном, оба веселые. На бледном после госпиталя лице Говорова — слабый румянец.

После обеда, когда Мария Андреевна вышла зачем-то во двор, Говоров сказал жене:

— Я с тобой хотел серьезно поговорить, Нинуся,— он взял из ее рук вышивание.— Будет рукодельничать, отдохни. Одной диванной подушкой больше — меньше — какая разница?

— Тебе не нравится мое увлечение вышиванием? А я думала, наоборот. Почти все жены офицеров здесь, в Канаше, посещают кружок художественной вышивки... Чудно вышивают. А тебе вдруг не по душе это пришлось,— она пожала плечами.

— Мне никакого дела нет, милая, до чужих жен. Я считаю, что у тебя... интересы...— он помолчал, разгладил Нинину вышивку на столе, задумчиво заметил:— Попугай получился неплохой, только в глазу сделай точку, а то он слепой.

Свернув вчетверо рукоделие, отодвинул от себя, повернулся к жене.

— Прости, Нинуся, но я тебя по-дружески пробрать хочу. Ты молодая женщина, нужно какую-то специальность приобрести... Дело тебе нужно, пойми это! Можешь пойти работать, учиться. Лучше, по-моему, учиться пока. На курсах ли, в институт... — Максим Андреевич взял руку жены, потерся о нее подбородком: — Не колется? Пора бриться...

Нина молчала.

— Ну, так как ты думаешь?

Нина чуточку задумалась, а потом решительно сказала:

— Я буду учиться, Максимчик! Я ведь в школе чудно училась. У меня грамот с полдюжины хранится...

Максим Андреевич обрадовался:

— Вот и договорились! Так заседание наше и решило: учиться.

Веселый, с высоко поднятой головой, он прошелся по комнате и снова остановился перед женой.

— А теперь нам предстоит решить вопрос — видишь, какой у меня официальный тон — кем быть? На кого учиться?

Нина загадочно улыбнулась:

— А я, пожалуй, уже решила. Буду преподавателем.

— Если так, то совсем хорошо. По рукам, Нина Семеновна... Маша, где ты? Давайте по этому случаю разопьем бутылочку портвейна. По-моему, не грешно? За будущего преподавателя!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Прошел еще один год.

Близился победный для нашего Отечества конец войны. Радостно и весело было слушать сводки Совинформбюро о положении на фронте.

Весна. Апрель. Кто-кто, а студенты особенно чувствуют приближение весны. На скамейках институтского двора там и тут молодежь. Из окон общежития торчат голые спины ребят. Взобравшись на подоконник, в одних трусах, студенты принимают ранние солнечные ванны.

Однажды утром в комнату девушек без стука, с шумом ворвались полуодетые ребята. Девушки не успели рассердиться на вторжение, так как по всем коридорам и комнатам неслось одно радостное, счастливое, мощное:

— Победа!

— По-о-бе-да!

Это было 9 мая — исторический день. Девушки и юноши пели, и среди других голосов слышался голос Лизы Дружининой.

А вечером, когда все песни уже были перепеты, когда дружными, жизнерадостными стайками исхожены главные улицы столицы, Лизе сделалось грустно.

Почти все подружки ждали с фронта кого-нибудь.

Некого было ждать Лизе. Потихоньку она всплакнула об Юре Шатрове.

Но грустить было нельзя. Близилась ответственная преддипломная практика. А потом каникулы. Урал. Можно себе представить, как прыгает сейчас Иринка от радости. Да и мама, наверное, теперь душевнее с дочерью станет. Иринка заканчивает нынче десятый класс. Куда пойдет учиться ее вострушка-сестра? Ой, только бы она замуж не выскочила! Яков Шатров вернулся домой еще полгода назад. Иринка что-то подозрительно молчит, на вопросы о нем не отвечает.

Ей, Лизе Дружининой, суждено быть студенткой еще один год, а там она — инженер. Диплом — путевка в жизнь — будет в руках.

И Лиза представляла себя шагающей по нескончаемому полю со штабелями черно-бурого торфа, который издали кажется бархатным. Целые составы поездов с торфом идут с участка инженера Дружининой на заводы, электростанции, в города для жилых домов... Нет, все-таки очень хорошо чувствует себя человек, когда впереди у него столько интересного, важного, целая жизнь впереди.

Как-то Лиза шла по коридору института. От одного из оконных простенков отделился Боря Петров.

— Лиза, тебе там внизу письмо лежит,— Боря грустно усмехнулся, медленно, словно нехотя, проговорил: — Заказное... авиапочтой...

Лиза повернулась и бегом стала спускаться вниз.

Петров вздохнул, снял очки, посмотрелся в оконное стекло: нет, пожалуй, без очков он был бы совсем никудышным на вид. Глаза близоруко щурятся, и никакой-то в них выразительности и мужества. Где уж нам!

Вечером в комнате девушек — оживление. И хотя свет в комнате погашен и пора спать, но никто из четырех девушек и не думает о сне. Размечтались о будущем, когда они переступят порог студенчества и шагнут в широкую жизнь.

Лора Волоскова вздохнула:

— Я пришла к заключению, девочки, очень печальному заключению,— не выработала я в себе еще привычки к самостоятельной работе.

— И, может быть, не выработаешь...— беззлобно заметила Майя Кац.

— Может быть,— грустно согласилась Лора. — Безвольный и лирически настроенный я человек.

Под Вассой Остапчук скрипнула кровать. Резко повернувшись на другой бок, девушка спокойно сказала:

— Жизнь тебя, Лорка, потрет хорошенько, лирику лишнюю из тебя отожмет, и, глядишь, человеком станешь. И воля появится.

— Правда, Васса? — обрадовалась Лора. — Может, позднее воля появится?

— Непременно, если захочешь. Скажем так, тебе, будущему механику, не дают для агрегатов деталей. Ты приходишь к начальнику участка: «Иван Иванович, очень прошу вас, помогите...» Снова деталей не дают. Идешь теперь к главному инженеру... «Я настаиваю...» Опять нет толку.

— Васса! — вмешалась Лиза,— разреши мне за тебя докончить твое повествование.

— Пожалуйста.

— Слушай, Лора. Дальше, не добившись желаемого, ты направляешься к самому директору. Летишь, на ходу опрокидывая стулья. Вбегаешь, но директор занят — ему не до тебя: «Подумаешь, какой-то инженер-цыпленок!» Дальше все идет, как примерно в рассказе Чехова... Твой взгляд падает на пресс-па́пье, — Лиза понижает голос, зловеще продолжает: — твой взгляд падает на мраморное пресс-папье, и у тебя появляется соответствующее желание...

— Глупости! — обиделась Лора. — Я никогда не решилась бы на такое, хотя здесь затрагиваются и государственные интересы.

— А если не решишься, значит, ты поступишь антигосударственно... — констатирует Майя, подавляя смех: — Ну вас, хватит на производственные темы! Ясно, что Лорку работа закалит, только ты не нюнь зря. Давайте лучше о личном помечтаем... — Майя встала с кровати и босиком прошлепала к столу, звякнула графином с водой.

— Ах, девочки, да мы же и забыли!.. Дружинина, и тебе не стыдно? Кто обещал еще на лекции рассказать об этом. . как его, Топольском? Она же, девочки, лирическое письмо получила!

— Да я Вассе уже рассказывала.

— А нам? — обиженно протянула Лора.— Вот ведь скрытная.

— Расскажи, Лиза,— попросила Васса. — Когда ты мне рассказывала, я думала о том, как бы мне покрепче распечь на бюро одного парня с третьего курса. Такого Митрофанушку родители выпестовали! Да и времени у нас с тобой было мало.

Лиза молчала.

— Ну, что ты улыбаешься? — сказала Майя.— Рассказывай.

Лиза рассмеялась:

— Майка, да у тебя кошачьи глаза, что ли?

— Интуиция! — глубокомысленно заявила Майя.

— Собственно, девочки, и рассказывать нечего... Встретились мы с Аркадием Топольским в поезде. Больше никогда нигде не встречались. Увидела письмо — очень удивилась.

— А когда прочла?.. — спросила любопытная Майя.

— Еще больше удивилась. Тогда в поезде он мне показался самоуверенным таким, но умным. Он строителем собирался стать. По-моему, он добьется чего-то в жизни. И вот сегодняшнее письмо... Признаюсь, девочки, взволновало оно меня чем-то.

Васса в темноте потянулась к выключателю.

— А ты, если начала, так выкладывай все. Прочти письмо, нам со стороны ведь виднее, а? И решим, стоит тебе волноваться или нет. Правда, мои дивчины?

— Правда! — Лора села в кровати, заложив за спину подушку.

Лиза потянулась к тумбочке.

— А я думала, ты его хранишь под подушкой,— заметила Майя.

— Не ехидничай, Майка! — оборвала ее Васса.

Лиза, не обидевшись на Майю, добродушно ответила ей:

— Нет, не спешу с этим. Слушайте, что он пишет: *«Лиза!*

Вспомните поезд, остановку на полустанке. Белые ромашки в роще! А заодно с этим и высокого, худого и черного, как жука, лейтенанта Аркадия Топольского. Вспомнили? А я вас очень часто вспоминал и на фронте и после. Стихами грешил в госпитале.— Вам их посвящал. Кое-какие из них, несмотря на вашу чрезвы-

чайную строгость, решил послать вам. Коротко о себе. Ранен был. Год с лишним провалялся в госпитале. За это время подготовился и, когда получил отпуск, сдал за третий курс института. Теперь я от вас отстал всего на один курс. Вот и все.

Если Вы меня хоть немножко помните, черкните. Буду до глупости рад. Еще раз повторяю: думаю о вас часто. И попробуйте запретить — мне так нравится!

Аркадий Топольский».

— Вот это, действительно, воля у человека,— завистливо сказала Лора,— не то, что у меня. В госпитале занимался, сдал за третий курс и, наверное, без троек.

Майя отбросила с плеч курчавые волосы:

— Во всяком случае, письмо без сюсюканья. Если не рисуется, право, он неплохой парень.

— Лиза, так значит, он высокий? — спросила Лора. — Это хорошо, не люблю коротеньких. А шевелюра у него цвета воронова крыла и, я догадываюсь, непременно пышная...

— Было бы куда лучше, если бы ты догадалась, что у него под шевелюрой,— проворчала Васса. Больше в этот вечер она ничего не сказала. Не имела привычки Васса Остапчук высказывать своего мнения до тех пор, пока оно у нее определенно не сложится.

А Лиза в ту ночь долго думала о Топольском. Вспомнились отдельные строчки его стихов, и сам он часто представлялся ей то на полустанке, то в госпитале... Все спят, а он один ночью, прикрыв газетой настольную лампу, читает.

Она знала: обязательно напишет ему ответное письмо.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Степан Петрович Шатров посмотрел в открытое окно. По дороге разгуливал длинноногий петух, выпятив радужную атласную грудь. Тяжелый гребень сваливался набекрень. Куры окружали своего повелителя.

Шатров стряхнул за окно пепел с папиросы и медленно повернулся своим грузным корпусом к сыну.

Яков тоже курил. Но курил он не так, как отец, а с шиком. Откидывая кудрявую голову на спинку стула, вытягивал яркие полные губы трубочкой и выпускал дым под самый потолок. Синие глаза его следили за тающей струйкой. Шатрову вспомнилось, как удивлялся он: почему у второго сына глаза — синь, когда у него, Степана, они карие, а у жены черные. Был тогда Степан Петрович совсем молодой — вот и мучился в догадках, пока тайное беспокойство не угадала мать. Словно невзначай, старуха однажды, пестуя внука, сказала:

— Глазыньки-то у Яши — матушкины, как две капли...

Степан Петрович не удержался:

— Хороши «матушкины»... — Он кивнул на жену: — У матушки-то не белее сажи, а ему ровно кусочек летнего неба на глаза достался.

— А я баю вовсе не об Вере, — резонно заявила старуха,— а о своей родной матери, которая Яшеньке-то прабабушкой приходится. Дуракам одним невдомек, что и глаза, и волосы по родству через много колен передаются.

Степан Петрович тогда усмехнулся, но, что греха таить, его беспокойство прошло. Второй сын стал так же мил ему, как и первый.

...Яков перестал курить и, подхватив лежавший на полу костыль, поднялся со стула.

Степан Петрович сурово сказал:

— А ты сядь...

Он погладил волнистую бороду, постучал костяшками больших жилистых пальцев о подоконник.

— Я тебя вот о чем хотел спросить, сынок...

Яков кивком головы откинул с широкого чистого лба черные цыганские кудри. Сел, улыбчиво глядя на отца.

— О чем, папа? — спросил он мягко, певуче. Отец мрачно, в упор смотрел на Якова.

— Долго ли ты нашу семью будешь позорить?

Сын не опустил глаза под тяжелым отцовским взглядом.

— Вот уж никак не думал, что я — позор семьи! — голос Якова дрогнул от обиды. — Воевал честь честью,— он провел ладонью по двойному ряду колодок

на форменке, добавил с той же полуулыбкой: — И грудь в крестах, и голова не в кустах!

Степан Петрович поднялся со стула, медленно прошелся по комнате.

— Кресты, Яша, вещь хорошая, но прошлая. И попробуй ты меня сверни с этого мнения. Я о другом речь вести собираюсь. — Он мельком взглянул снова в окно и вдруг поманил сына: — Ну-ка, валяй сюда!

— Куда? Я и так здесь...

— Нет, вот сюда, к окну.

Яков улыбнулся (отец не без причуд!), подошел к окну.

Степан Петрович резко распахнул створку — стекло со звоном вылетело из рамы.

— Э, черт!.. Все в доме еле дышит,— рассердился Шатров. — С такими помощниками, как ты, и крыша придавит — не заметишь!

Яков стоял молча.

Степан Петрович, тронув его за плечо, кивнул на петуха:

— Смотри.

— Смотрю, — пожал плечами Яков. — Не видел я куриц, что ли?

— А ты на петуха смотри... Не узнаешь?

— Что?! — смешался вдруг Яков.

— Вон, смотри, он опять уже к другой прицепился... — Степан Петрович презрительно оглядел сына.— Что, все еще не узнаешь себя? — И уже не сдерживаясь, закричал: — Петух! Бабник! Шалопай... Людей не совестишься нисколько!

Шатров быстро зашагал по комнате, словно искал чего-то. Яков молча наблюдал. Усталый, Степан Петрович сел. Седые кудри его взлохматились, клетчатым платком он вытирал со лба пот.

Яков забыл у окна костыль. Опираясь о стол и стул, подтянулся к отцу.

— Не сердись, папа... — и обнял его, но Степан Петрович сердито стряхнул с широких плеч руки сына.

— Уйди, Яков... зол я на тебя... Дай-ка курева...

Яков протянул ему серебряный портсигар, на крышке которого была вытиснена целующаяся пара. Женщина — полуобнажена. Ни слова не говоря, Степан

Петрович высыпал папиросы на стол, щелкнул крышкой портсигара и выбросил его в окно. С улицы послышались одурелые крики петуха. Степан Петрович впервые за этот день улыбнулся.

2

Поздно вечером Яков явился домой под хмельком. В семье никто не удивился. С ним такое случалось частенько. Удивились другому.

Когда Яша снял свою флотскую фуражку, близнецы даже вскрикнули от неожиданности: буйных кудрей не стало — голова Яши блестела, как отполированный синеватый шар.

— Пригож парень...— иронически вымолвил отец.

А мать только вздохнула и тихонько нырнула в горенку приготовить для сына постель. Пусть скорее ложится, а то опять отец не выдержит... и начнется перепалка. «Спал бы... Молчал бы, сынок!» Но из горенки, куда Вера Борисовна молча и упорно вталкивала Яшу, раздался его бархатный голос:

— Отец, пожалуйста, на минутку... Хоть я и петух, по-твоему, но рассуждать могу по-человечески.

Довольный относительной гладкостью речи Яков продолжал более настойчиво:

— Ну, папа, не сердись... Говорить буду! На давешний твой вопрос ответ хочу дать...

В кухне Степан Петрович нарочито громко зашелестел газетой: «Поймет, что его никто не слушает!» Два раза в горенке появлялась Вера Борисовна, что-то ласково шептала сыну, но он обнимал ее, целовал в щеку и вежливо выпроваживал.

— Пошли отца, мама... В кухне малыши уроки готовят — не хочу мешать им...

В дверях появился Степан Петрович.

— Замолчи, щенок! Иначе я... Надоело мне на тебя смотреть!

— Сядь, отец,— Яшка ногой пододвинул отцу табурет.

Степан Петрович сел, прикрыв ладонью глаза. Ему было мучительно больно. Уже полгода прошло, как вернулся с фронта Яков. Вернулся он инвалидом — ниже колена у него ампутировали ногу. Мать его

баловала. Только и слышалось: «Отдохни, Яшенька... Поспи, Яша. Покушай, Яшенька...» Младший брат и сестра ласкались, угождали, без конца просили рассказать о войне, об орденах, за что получены они.

Ласковый, добрый, Яков, как умел, утешал родителей, горевавших об Юрии. Для матери он старался сделать все, что возможно было в его положении. По утрам приходил на кухню, где заревом пылали дрова в огромной русской печи, занимавшей собой добрую треть дома. Яков не брезговал никакой работой: рубил в корытце капусту на пироги, сбивал в глиняной плошке сметану на масло. Малышам он сплел из ивовых веток — зеленых и коричневых вперемежку — высокие корзиночки для ягод.

Отцу угодить было труднее. Всякий раз, когда он приходил с работы, стаскивал с себя высокие резиновые сапоги и парусиновую спецовку (торфяное болото было еще не все осушено), сын в его глазах читал немой вопрос: «Когда займешься делом?» А Яков был в растерянности: чем ему заняться? чему учиться? Любил и умел Яшка душу вкладывать в дело, которое приходилось ему по нраву. А во что попало душу вкладывать жаль. Артистом он не сможет стать. Кем же быть?.. И ему становилось тоскливо.

Как-то Яков вышел на улицу подышать вечерним воздухом, шелест тополевых листьев послушать. Но надо же было попасться на беду Тоньке Рябковой! Уговорила, позвала к подружке на именины, а потом увела к себе домой в свою горенку с тюлевыми занавесочками, с кроватью, на которой возвышался пружинный матрац, с пирамидой подушек под самый потолок.

Вот и сейчас он пришел от Тоньки...

— Сядь, папа, поговорим по душам... — повторил Яков. Он тряхнул головой, как бы откидывая со лба несуществующие кудри, засмеялся, погладил круглую голую макушку: — Сбрил... Ха-ха... А знаешь почему, отец, сбрил я кудри? Чтобы тебе угодить...

— Гм... нашел, чем угождать — больше ничем не догадался?

Яков качнулся на стуле, полез в карман, протянул отцу смятую пачку папирос.

— Закури, отец,— он опять засмеялся,— и портсигара нет, и кудрей нет.

— Как же ты мне все-таки хотел угодить, когда сбривал свои кудри? — полюбопытствовал Степан Петрович.

Яшка оставил папироску, ухмыльнулся:

— Отбою нет от баб... та тянет, другая тянет. Угощают, о кудрях моих песни распевают. Надоело. Решил сбрить, меньше бабы липнуть будут...

— Тьфу ты! — сплюнул отец. — Никто к тебе не липнет, разве одна-две дуры, на которых в поселке уже давным-давно никто не смотрит... Ты мне вот что скажи, когда ты делом займешься. Не думай, что я тебя прокормить не смогу, прокормлю и пенсии твоей как-нибудь хватит. За другое душа болит. Неужели ты, фронт пройдя, оболтусом жить собираешься? Впрочем, я зря порох трачу. О чем с тобой говорить, когда ты пьян, как сто чертей!

— Нет, отец, неправ ты... Я трезв... — Яшка вдруг уронил бритую голову на стол, придавил широким лбом пачку «Беломора». — Эх, отец, не понимаешь ты меня! — Он рванул ворот рубашки. — Трудно мне теперь.

В кухне приглушенно всхлипывала Вера Борисовна.

Степан Петрович с минуту сидел не шевелясь, потом положил жесткую квадратную ладонь на голову сына, сказал спокойно и веско:

— Успокойся, Яков. Не дури. Не нюнь... Знаю, что тебе трудно. Но твоя жизнь вся впереди, дурень. Радуйся этому. Сделай жизнь свою славной, чтобы ни самому, ни родителям не было стыдно.

Яшка поднял голову. Синие глаза его от слез казались крошечными озерками.

— Эх, отец! Дело совсем даже и не в том, что ноги я лишился. Я об этом бы давно уж забыл, если бы...— Яков вдруг всхлипнул,— если бы не мечта моя давнишняя — с самого раннего детства она во мне живет.

— Какая мечта?

— Артистом я хотел быть, оперным.

Степан Петрович спрятал в усах улыбку:

— Ну что ж, согласен. Голос у тебя, говорят, неплохой. В школе хвалили, но в артисты, по-моему, зря нацеливаешься. Голос для оперы у тебя, ой, жидковат...

— Понимаешь, папа, есть во мне все-таки какой-то дар!

Степан Петрович с сомнением, но не без любопытства посмотрел на сына.

— Есть ли в тебе дар, мне о том не шибко ведомо, а вот что дурь есть — так можно не сомневаться.

— Артистом не смогу быть — факт! Хромой. И не то, чтобы вся жизнь у меня пропащая, а так, без горения придется жить...

Яшка оживился, зачем-то застегнул на все пуговицы ворот рубашки и весь как-то подтянулся, расправил крепкие плечи.

— Вот когда воевал я, душа горела. И не жаль было мне ее отдать, если бы потребовалось. Вот и теперь, отец, хотелось бы жить и работать, гореть, а не дымить.

Отец молчал, изредка тяжело вздыхая. Он сейчас почти не слушал Якова. Мысли, как и много раз за день, вернулись к старшему сыну — Юрию.

А Яшка продолжал:

— Убежден, есть во мне «искра божья» — талант какой-то есть... А вот к чему приложить его? Понять надо самому и решить...

Степан Петрович сказал беззлобно, устало:

— Не был бы ты на одной ноге, я бы тебе показал... Посыпались бы из глаз божьи искры... И тебе, и мне, наверное, полегчало бы...

3

Анна Федотовна с дочерью, приподняв один край тяжелого кованого сундука, подтолкнули под дно круглое поленце и выкатили его во двор.

Иринка лукаво посмеивалась: мать — руководящий работник, и вдруг допотопный кованый сундук!.. Просто смех.

Иринка заперла калитку на засов. Если мать сама о своем авторитете не заботится, то дочь не забывает о нем. Не хватало, чтобы кто-нибудь увидел, как председатель поселкового Совета возится с каким-то мещанским сундуком!

Анна Федотовна, тихо напевая, начала вынимать вещи: старомодную плюшевую шубу с маленьким лисьим воротником, атласный сарафан, о котором Иринка подумала: «На подкладку только и годен!»

Взглянув на шубу, Иринка досадливо поморщилась: «И как я забыла, что у матери есть такая музейная шуба? А как она нужна была!» (Когда школьный драматический кружок ставил «Юбилей» Чехова, Иринка, игравшая роль старой чиновницы, выпросила шубу у школьной сторожихи и надела «горжет» из старой бараньей овчины.)

Потом мать достала вишневого цвета платье со стеклярусной вышивкой, два больших кашемировых платка. Все эти вещи она бережно развесила на протянутых через двор веревках. «Пусть попечется на солнышке, чтобы моль не съела». Особенно бережно мать расправляла на веревке черную суконную тройку отца. Иринка сидела на крылечке и старалась представить папу в этом черном узком и длинном костюме, а мать — в вишневом платье. Она ни разу не видела родителей в таких смешных нарядах.

Мать села на крылечко, задумалась. Она себя в вишневом платье хорошо помнила. Привез его муж из города, когда не было у них еще ни Лизы, ни Иринки. Скоро фасон стал немодным. Георгий Тимофеевич говорил, чтобы она перешила платье, а ей все недосуг было. «Перешью, Егорушка, беспременно перешью...»

— Мама, ты что-то сказала?

— Нет, не тебе... Где ты так поцарапалась? — дотронулась мать до ноги Иринки.

— А, малину расчищала.

Иринке очень хотелось, чтобы теплая рука матери задержалась хоть минуту на ее коленке. Мать справедливая, заботливая, но ласки от нее не выпросит ни тихоня Лиза, ни она сама, Иринка, такая хитруша и вьюн.

— Вот и ты скоро от меня уедешь, оставишь меня совсем одну, — сказала мать.

Иринка натянула на колено ситцевое в цветочках платье, ответила утешительно и весело:

— Ничего, мамушка, один год ведь только тебе одной-то придется.

— Кто это тебе сказал, что один год?

— Ну, а как же... Лизе ведь остается учиться в институте только год...

— А после она поедет работать куда нибудь еще дальше, за Москву.

Уголки пухлых губ Иринки иронически опустились:

— Как бы не так. За Москву!.. И совсем нет. Лиза приедет работать сюда, на наше торфопредприятие.

Анна Федотовна повеселела. А ведь в самом-то деле славно бы получилось. Лиза приедет инженером, будет работать. А она, пожалуй, дома посидит... Общественных нагрузок на ее долю хватит, а в поселковом Совете ей уже тяжело. Молодежь пусть поработает.

Анна Федотовна поднялась с крыльца. Иринка тоже пошла за ней к сундуку, взглянула в него и разочарованно протянула:

— Уже все-е...

Сундук был пуст. Впрочем, не совсем пуст — в углу его лежала картонная коробка, которую мать тотчас же взяла оттуда.

— А почему же тогда сундук был такой тяжелый? — спросила Иринка, сделав вид, что совсем не заметила, как мать вынула коробку.

— Сундук кованый, видишь, сверху и с боков железом обит — вот и тяжел.

Мать направилась в дом, Иринка было за ней...

— Иди принеси воды. Да вон, разве не видишь, платок кашемировый упал... Это твой будет, а тот, что висит, Лизин... Да не спорь... По величине-то они совсем одинаковы, только рисунки на них разные. Тебе поцветастее. Я уж твой вкус знаю — чистый попугай...

Посреди двора, поросшего кое-где молодой изумрудной травой, лежал кашемировый платок. Поле кремовое, а на кайме — цветы. Иринка растянулась около платка на земле. Платок ей нравился. Во-первых, громадный... Но дело не в громадности, а в цветах. Такие цветы, яркие и пышные, растут разве в тропических странах. Дальше — мотыльки... Они тоже ничего... а еще дальше — между цветами и мотыльками — высокие башни.

«Ну, а где же мама? И чего она не убирает свое приданое? Хватит, погрелось на солнце».

Мать была занята. Войдя в дом, она открыла картонную коробку. На миг с лица Анны Федотовны словно исчезли морщинки: оно оживилось, помолодело.

В коробке лежал подвенечный наряд. Анна Федотовна вспомнила свою молодость, как стояла под вен-

цом с Георгием Тимофеевичем. Потом мысли перенеслись к старшей дочери. Уже невеста. Но Лиза — молодец, она не думает пока о замужестве. Только учеба в голове — и правильно. Замужем-то еще успеет нажиться. Анна Федотовна прошлась по дому. Вот эту вторую комнату она отдаст Лизе. Пусть молодой инженер кабинет себе здесь оборудует. К двум полкам для книг нужно приспособить еще третью — пригодится. В таких условиях, да под материнской опекой, живи, работай, дальше уму-разуму учись.

Право, хорошо они с Лизой заживут. Столько лет ее старшенькая дочурка жила вдалеке от родителей, пора побыть годок-другой и в родном углу...

Анна Федотовна бережно сложила подвенечный наряд в коробку — память о молодости.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Когда Яков Шатров ушел на фронт, Иринка была шестиклассницей. В школе на Иринку Дружинину Яков не обращал внимания. Зато ей Яша казался самым красивым и умным. Синеглазый, чернокудрый, он нравился многим девочкам. Больше всего Иринку пленял его голос — учителя говорили, что у него хороший баритон. Ни один мальчишка в школе не мог так петь!

Иринка часто вспоминала Якова. Она расспрашивала младших Шатровых, есть ли от него письма, от ребят же узнала, что он служит во флоте и подрывает немецкие корабли. Яков стал в ее глазах настоящим героем. С трепетом Иринка ждала его возвращения. В том, что он вернется, девушка не сомневалась.

Ей шел восемнадцатый год, когда однажды ранним утром хлопнула калитка и в дом вбежала Вера Борисовна.

— Яшенька наш приехал!

Иринка только что проснулась и лежала в постели. Раньше ей казалось, как только она узнает о приезде Якова, побежит к нему здороваться. Целоваться они не будут: это, пожалуй, стыдно... Но обязательно скажет: «Я вас все время ждала, Яков! Я знала, что вы вернетесь!»

Но Иринка не вскочила с постели. Она в тот день долго не вставала, притворялась спящей, благо, был выходной. Она рисовала себе встречу с Яковом. Вот она в маминином белом шерстяном платке с длинными кистями идет за водой к колодцу. (Колодец у ворот домика Шатровых.) Яков подходит к ней... В белом платке Иринка очень красива... Но тут Иринка спохватилась: весна, тепло, а она в шерстяном платке! Яков может подумать: «Как старуха закуталась!»

Иринка стала рисовать встречу по-другому: вот она выходит за огород, к озеру, за первыми цветами — они такие желтые, яркие, пусть их называют «куриной слепотой», но ведь все равно цветы! У Иринки в руках целая охапка. Ах! и она роняет цветок за цветком на землю. Появляется Яков, собирает цветы и подает ей. Хотя нет, он же... ему трудно склоняться.

Потом Яков грустно смотрит на нее, говорит о своем ранении. Но Иринка прерывает его: «Не надо, Яша! Ты мне все равно дорог. Ты будешь учиться, будешь хорошо, умно жить и забудешь о своем несчастье. Я же буду гордиться тобою. Ты для меня настоящий герой, Яша»...

Ни одна из воображаемых встреч так и не сбылась. Целый месяц Иринка избегала Якова: на нее нашла такая робость, что ничего она с собой не могла поделать.

Однажды Иринка возвращалась вечером из кино. Впереди шли двое: мужчина и женщина. Мужчина был с костылем. Женщина называла спутника Яшей. Сомнения не было. Впереди шел Яков Шатров. Так близко от него Иринка оказалась впервые. За все время она видела его только издали или в окно, украдкой.

Иринка прислушалась к разговору. Женщину она тоже узнала: молоденькая щекастая вдовушка Антонина Рябкова жила неподалеку от Шатровых. Поравнявшись со своим домом и пропустив вперед Иринку, Антонина вполголоса спросила Якова:

— Зайдешь али прямым сообщением домой?

Яков что-то ответил ей, и раздалось сдержанное хихиканье. Потом они направились к воротам Антонининого двора.

Иринка бросилась бежать. Она бежала и плакала.

Слезы текли по щекам, по губам. Иринка слизывала соленые капельки, но тут же появлялись другие. О чем плакала Иринка? Она так и не могла разобраться в себе. Только одно поняла сейчас: ненавидит она Якова Шатрова, смотреть на него не хочет.

2

Сквозь круглые роговые очки глядят большие черные глаза, близорукие и очень добрые. Очки сидят на крупном носу, вьющиеся волосы тронуты сединой.

И Лизе, и Иринке Софья Захаровна кажется красивой. Попробуйте докажите им обратное.

Софья Захаровна в длинном сатиновом халате окучивает в огороде картошку. Картошка растет на небольшой квадратной гряде, которая здесь называется «полем». Название свое «поле», пожалуй, оправдывает, так как по соседству с ним — полдесятка крошечных грядок с капустой, морковью и луком.

Иринка и Лиза легко перемахнули через невысокую изгородь и незаметно подошли к своей любимой учительнице. Софья Захаровна напевает.

Ну что еще другое может напевать Софья Захаровна, кроме кусочка из оперы «Евгений Онегин», когда у нее хорошее настроение.

> Я вам пишу — чего же боле,
> Что я могу еще сказать...

Иринка прыгнула в борозду между грядами и, стоя на коленях, протянула руки к Софье Захаровне, изобразив на смешливом лице страдание.

> Теперь, я знаю, в вашей воле
> Меня презреньем нака-а-з-а-ть!

— Лиза приехала!.. Девочки, милые!

Софья Захаровна выпрямилась, сняв очки, сунула их в карман халата, обняла сестер.

— Ох, Лизочка! И почему ты все-таки пошла учиться на инженера. Торфяная романтика? Впрочем, я здесь совершенно неправа...

Софья Захаровна закинула на плечо тяпку, которую за четыре военных года жизни в Соколовке освоила превосходно, и, высокая, худая, быстро пошла между грядами к дому.

В доме две квартиры для учителей. Огород разделен тоже на две части.

Выпрямив стебелек цветущего мака, прибитый дождем к земле, Софья Захаровна продолжала:

— Да, я, конечно, неправа... Ты, Лизочка, захотела быть инженером и им будешь. Все это хорошо. Но, Ирина, милая! Почему ты не хочешь быть филологом! Как чудесно ты написала сочинение: «Образ Татьяны»! Изумительно...

...А ты, Лиза, прекрасно выглядишь... Волосы стала носить по-другому. Так лучше. Какие милые спиральки у тебя на висках... Наверное, на бумажки закручиваешь, как Ирина? Она, когда в десятом начала учиться, смотрю, вдруг приходит с кудряшками.

— Нет, Лиза не закручивает, у нее природные,— не без зависти заметила Иринка и, потрогав свои гладко зачесанные черные волосы, вздохнула. И вздох Софья Захаровна услышала.

— А тебе, Ира, очень хорошо с гладкими волосами, кудряшки тебе не идут...

— Успокаивайте!

— Нет, нет, в самом деле, так лучше, — вмешалась и Лиза.

— Софья Захаровна, в доме жарко... Посидимте здесь, на меже.

— Я вас хотела чаем угостить...

— Спасибо. В другой раз...

Они сели на межу. Шевелились яркие шелковые лепестки мака, торчал на упругих стеблях растопыристый желтый укроп, стая стрижей носилась над огородом.

Любила Лиза Софью Захаровну. Словно на праздник, шла она, бывало, на ее уроки русского языка и литературы.

Наглядевшись на своих бывших учениц, Софья Захаровна опять надела очки.

— И все-таки мне немножечко грустно, девочки. Ни одна из вас — моих самых способных учениц — не станет филологом... Ты, Ира, будешь, наверное, геологом или механиком. Что ты так на меня смотришь, угадала ведь, а?

Иринка отрицательно покачала головой. Лиза загадочно улыбнулась.

— Ну, а кем же?

— Я, Софья Захаровна, поступлю в университет... И знаете кем буду? — Иринка вобрала в себя воздуха, мечтательно сощурилась на стаю удаляющихся стрижей: — Журналистом!

— Чудесно, Ириночка, чудесно, девочка...

Пока сидели на меже, Софья Захаровна не спускала с Иринки умиленных глаз.

В дом все-таки пришлось зайти.

Посидев у Софьи Захаровны полчаса, Иринка заспешила:

— Ну, я пошла... А ты, Лиза, останься, расскажи Софье Захаровне о Москве.

— А ты, Ира, куда?

— Режим, Софья Захаровна.

— Какой «режим»?

— С двух до пяти часов — подготовка к экзаменам.

Уже от порога Софья Захаровна вернула Иринку. Она поспешно порылась на письменном столе, протянула девушке небольшой листок.

— Программа для поступающих в университет, на отделение журналистики — пригодится.

Когда Иринка вышла, учительница, приподняв штору, посмотрела на улицу, где проходила младшая Дружинина. Походка у нее твердая, уверенная, по сторонам Иринка не любит глазеть, смотрит только вперед...

— Ирочка — волевая девушка... Мне кажется, я не ошибаюсь,— сказала Софья Захаровна.

3

Помахивая связкой книг, Иринка шла берегом озера к дому — это ближний путь. По тропинке можно пройти к задам своего дома. Вот здесь, на берегу речки, именно так — с охапкой первых весенних цветов — Иринка мечтала встретиться с Яковом Шатровым. Забавно... Больше она об этом не мечтает. Яков совсем не тот, каким она его представляла. А все-таки очень хорошо, что «это» прошло. В университете будут интересные встречи, знакомства. Говорят, журналисты — народ живой, своеобразный. Лизе кажется несколько поспешным ее решение стать журналисткой. Пусть ду-

мает, что угодно. На самом деле, к такому решению Иринка пришла очень давно — недаром она еще в младших классах писала стихи. Стихи теперь она не пишет, даже Софья Захаровна мягко заметила, что они «бледноваты». Ну и пусть! Зато статьи, большие, в газете называемые «подвалом», она непременно будет писать. Сто листков бумаги испортит, а чтобы статья за ее подписью в газете была бы честь честью.

Иринка поправила высунувшийся из связки книг листок программы приемных экзаменов в университет, ускорила шаги.

И вдруг она невольно остановилась. Навстречу шел Яков Шатров.

Иринка хотела свернуть с тропы в густую траву, но, тряхнув головой, пошла прямо. «Как бы не так! Испугалась! Будет она еще из-за какого-то Якова путаться в траве!»

Он, в белой рубашке с отложным воротничком, слегка прихрамывал, опираясь на палку.

Отрастающие волосы торчали ежиком над высоким выпуклым лбом.

Расстояние между Яковом и Иринкой все сокращалось. Оба замедлили шаги. Иринка остановилась. Остановился и Яков.

— Здравствуйте! — Яша улыбнулся.

Иринка почувствовала, взгляд его скользнул по ее шее, плечам, прикрытым только короткими рукавчиками-крылышками. Девушка не смутилась, а рассердилась. Она неприязненно посмотрела ему прямо в глаза и... не могла удержаться от восхищения: «Яркие какие! Синие!»

— А я иду и гадаю: свернет девушка с тропинки или не свернет. И угадал — не свернет. — Яков наморщил лоб.— Вы, видать, девушка, с этаким целеустремленным и твердым характером...

— Не вам судить о моем характере, позаботьтесь лучше о своем!

Тряхнув толстыми черными косами, Иринка гордо прошла мимо Якова, задев его связкой книг. И странное дело, Яша не воспользовался случаем... пропустил такую девушку! А ведь все козыри шли сами в руки. На узкой тропинке да не чмокнуть, хотя бы шутя, девушку в щеку.

Не то растерянно, не то задумчиво посмотрел он вслед Ирине.

Иринка уже скрылась за кустами ивняка, а Яков все еще стоял, глядя на серебристую под ветром зелень луга. На тропинке белел небольшой листок с печатным текстом. Яков машинально поднял его и сунул в карман. Потом он улыбнулся. Улыбка была немножко грустной.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Говорил Аркадий о себе много и живо: иногда веско, с достоинством, иногда с теплой шуткой, как говорят о хорошем задушевном товарище. Хвастовства в его рассказах, как нередко бывало у фронтовиков, не замечалось. Это подкупало.

— Вас, Лиза, только двое в семье было, ну, а нас,— Аркадий растопырил пальцы,— целых пять душ детей... Мы дружными росли, только вот беда — учиться не все стали. Когда с Украины мы приехали сюда на Урал, я пошел в третий класс. Забиякой рос, ребятишки меня в предводители выбрали — ничего, что совсем новенький, приезжий... Да, я ведь об учебе начал!.. А младшие три братца учились очень недолго, один только восемь классов закончил. Пока я дома был, заставлял их, а потом ушел в институт и в армию, тогда ни черта не стали слушаться родителей.

Лиза улыбнулась.

— Нет, я серьезно, не шучу... Они меня слушались,— как же! — я для них авторитет был. Моя фотография висела ежегодно на доске отличников учебы в школе... Сестра выскочила замуж... двое детей у нее сейчас, а сама младше меня на два года... Кстати, Лиза, мы ведь, наверное, с вами ровесники? Мне двадцать четыре.

— А мне двадцать два скоро.

— Хорошо...

— Почему «хорошо»?

— Да просто так, хорошо, да и все.

Потом после короткого молчания он произнес:

— Ну, хватит о своей родословной... после десятилетки пошел в институт на строительный факультет. По-

том — война. Помните, мы с вами встретились, тогда я ездил танки принимать. Вернулся на фронт и вскоре после этого из строя выбыл. Снаряд так в бок поцеловал, что пришлось около года в госпитале проваляться. Лежал в гипсовом корсете, скука страшная! Стал учиться и сдавать за третий курс. Об этом я вам писал...

Лиза не умела и не любила рассказывать о себе, но умела слушать других. Слушая Аркадия, Лиза сейчас думала о том, что тогда, в поезде, он показался ей совсем другим — несколько угрюмым, надменным. Сейчас он больше походил на тех ребят, с которыми приходилось Лизе сталкиваться в повседневной студенческой жизни,— непосредственных и веселых. И в то же время Аркадий внушал Лизе настоящее уважение: фронтовик, ранен. Он уже успел пройти суровую школу жизни, у него есть чему поучиться.

Первая их встреча состоялась полмесяца назад. На свердловском вокзале Аркадий встретил Лизу, приехавшую из Москвы, а через час проводил ее на пригородный поезд в Соколовку.

Сегодня — второе, более продолжительное свидание. Топольский не изменился. Был он по-прежнему худой и смуглый. Пышные волнистые волосы аккуратно зачесывал над невысоким, перерезанным двумя изломанными морщинами лбом.

Аркадий сказал:

— А я думал много о нашей встрече, Лиза. О первой... У меня даже стихи есть на этот счет... Видите, какой поэт нашелся, не шути, брат!

— Прочтите, Аркадий, что-нибудь из стихов,— попросила Лиза.

Топольский улыбнулся, задумался. Они шли дальней аллеей парка. Вот аллея оборвалась. Они подошли к калитке.

— А парк-то остался позади! — заметила Лиза.

— И мы совсем не заметили! — Аркадий взял Лизу за обе руки. — Хорошо ведь получается, что не заметили!

Лиза опустила глаза и тихо наклонила голову.

— Пойдемте, Аркадий, обратно.

— Нет! — Он кивнул на калитку: — Я сейчас взгляну, если путь открыт, мы выйдем туда. Смотрите, там

полотно железной дороги... С одной стороны — сосновый лес, с другой — роща.— Аркадий хитровато прищурил глаза, провел ладонью по волнам волос. — Вам здешние места никакие другие не напоминают?

— Напоминают...

Лизе тоже вспомнился тот далекий полустанок.

Она мягко высвободила свои руки из рук Аркадия и, сорвав ветку березы, начала ощипывать листики. Калитка оказалась незапертой, и Аркадий с Лизой вышли из парка.

Стоял летний полдень. Солнце, до сих пор нещадно палившее, спряталось за тучи. Воздух сразу стал легче, свежее. Где-то в отдалении раздался паровозный гудок.

Аркадий помахивал, словно веером, серой записной книжкой. Он ждал, когда Лиза еще раз попросит его прочесть стихи. Но Лиза молчала. В светло-сиреневой кофточке и белой полотняной юбке, стройная, тоненькая, молча шла рядом.

Лиза начинала понимать: Аркадий ей не безразличен, ведь недаром вспоминался он ей время от времени за эти два года.

— Лиза о чем-то, о ком-то задумалась,— сказал Аркадий, сбоку взглянув на девушку. Пушистые ресницы девушки дрогнули, но глаз она не подняла.

Тропинка, вьющаяся в густой траве возле железнодорожной насыпи, была узкой, и Аркадий пропустил Лизу вперед. Косы Лизы сложены на затылке тяжелым узлом. Ветерок шевелил легкие завитки около ушей. Аркадию хотелось обнять девушку, но он не решался.

Лиза обернулась к Аркадию, он вдруг умолк, смущенно улыбнулся и с деланным равнодушием начал подбрасывать на ладони записную книжку.

— Ну, прочтите стихи, Аркадий, вы обещали!

Аркадий начал читать. Лиза слушала невнимательно. Присев на большой белый камень, она вертела в руках какую-то былинку. Она не знала: хорошие стихи были или нет. Лизе в них нравилось то, что автор думал о ней, ждал ее, звал, что ему, раненому, стало бы сразу легче, если бы пришла она.

Аркадий закончил и сунул книжку в карман. Девушка молчала.

— Не нравятся? —спросил Аркадий.

— Нет, хорошие. Понравились.

Аркадий смотрел на Лизу и думал, что она изменилась к лучшему за эти два года. Он скользнул взглядом по хорошо развитой девичьей груди, стройным загорелым ногам. Он потянулся к Лизе, хотел привлечь к себе, но она поднялась с камня. Лиза почувствовала себя и беспокойно, и радостно, но на Аркадия взглянула доверчиво. Под ясным взглядом Топольский словно отрезвел. Не обнимая девушку, он крепко поцеловал ее в щеку.

— Мне пора... Мама просила кое-что купить в городе. Я ведь за покупками приехала,— растерянно пролепетала Лиза.

Аркадий, улыбаясь, кивнул:

— И я за покупками...

Он взял ее под руку, и они пошли обратно той же тропинкой.

Крепко держа Лизин локоть, заглядывая ей в лицо, Аркадий спросил:

— Когда, Лиза?

Девушка поняла — он спрашивает о следующей встрече.

— Скоро... Здесь же...

Солнце уже давно выплыло из-за туч.

Под его лучами серебристо поблескивали рельсы. Убегая неизвестно куда, они звали и манили вперед.

Лиза взобралась на насыпь, встала на узкую полоску рельса. Каблуки туфель соскальзывали, и тоненькая девушка, смеясь, клонилась то влево — в сторону соснового бора, то вправо — к плечу Аркадия. Клонилась, а сойти не хотела. Аркадий подал ей руку и сам встал на рельс. Шли они не в ногу, качались, чуть не падали... и это их веселило.

2

В клубе поселка Соколовка сегодня вечер. Выступает клубная художественная самодеятельность.

Лизе идти не хочется, но Иринка тормошит ее:

— Пойдем... Ты посмотришь, какой там драмкружок сильный, некоторые, как настоящие артисты.

Иринка вплетает свои толстые косы одна в другую и около ушей завязывает по пышному бордовому, как

маковый цвет, банту. Потом Иринка просит Лизу стать рядом с ней. Лиза встает.

— Для чего тебе это нужно?

Иринка ставит над своей головой лопаточкой ладонь, которая касается виска Лизы.

— Нет, не подойдет! — Иринка огорченно вздыхает.

— Что не подойдет?

— Да, понимаешь, Лизушка, я хотела у тебя попросить, помнишь, то платье в цветах, которое тебе мама с папой подарили, когда ты закончила десятилетку. Оно подошло бы мне по цвету, но будет длинно: ты выше меня на полголовы.

Лиза улыбается. Ей хочется обрадовать сестру.

— Не огорчайся, Ирусик, я из этого платья уже выросла, а тебе оно как раз будет впору.

Лиза достает из чемодана крепдешиновое платье, которое всегда волновало ее воспоминанием о начале студенческой поры.

Иринка берет платье, бережно расправляет на нем складочки.

— Ты мне, Лизушка, даешь его на вечер сегодня или насовсем?

Лиза задумывается, потом тепло улыбается:

— Насовсем.

— Лизочка, милочка, тысячу раз спасибо,— Иринка чмокает сестру в щеку. — А как ты думаешь, не надеть ли мне на голову газовый шарфик, ну тот самый, что ты мне подарила в честь окончания школы?

Лиза качает головой.

— Нет, не надо, Иринка. Будет слишком ярко и, пожалуй, безвкусно.

Иринка любит все яркое, но сейчас сразу соглашается с сестрой. Лиза замечает:

— А ты что-то уж очень долго вертишься перед зеркалом?

Иринка улыбается.

Лиза собирается на вечер неохотно и идет только ради Иринки, которую мать одну, пожалуй, и не отпустит.

С подойником в руках появилась Анна Федотовна, молча прошла мимо вертевшейся перед зеркалом Иринки. Слышно, как за кухонной перегородкой течет в кринку струйка процеживаемого молока.

— Мама, налей нам с Лизой по кружечке!

— Пейте, хоть по две...— мать вынесла дочерям пузатую кринку молока и две чайные чашки, задержалась у стола.

Иринка повернулась около матери — платье ее раздулось колоколом. С жеманным поклоном Иринка спросила:

— Анна Федотовна, хороша ли ваша младшенькая?

Мать скупо улыбнулась:

— Хороша Аннушка — хвалит мать да бабушка!

— Ой, мамушка, эту пословицу ты не оправдываешь. Нас ты никогда не похвалишь,— она потерлась щекой о материно плечо, запрятала ее седую прядку волос под платок.

Анна Федотовна легонько отстранила дочь от себя.

— Ну, хватит ластиться. К экзаменам сегодня готовилась?

— Так точно, мамушка!

— А ты что нос повесила, не одеваешься? — спросила мать старшую дочь.

Лиза только улыбнулась в ответ.

В то время как сестры Дружинины собирались на вечер, Яков Шатров сидел дома, запершись в маленькой комнатке. Еще после обеда Маша принесла ему туда чернильницу, а Ваня чистую тетрадку. И он засел...

Маша и Ваня уже успели три раза сбегать выкупаться и теперь пришли домой. И вот, пожалуйста, ходи на цыпочках, не дыши, не шелохнись.

Старший брат, запирая дверь за собой, так и сказал близнецам:

— Не дышите!

Попробуй не дыши — вон как жарко! Ваня полез ковшом в кадку с водой. Ковш вырвался из его рук и пошел ко дну огромной кадки.

— Клюкой надо поддеть его, рукой не достать,— заметила Маша. Она начала снимать со стены, с гвоздика, клюку и, сняв, зацепила концом ее горшок на полке. Горшок упал и разбился вдребезги.

— Маша, Иван, что вы там грохочете? — раздался голос Якова, но сам он так и не вышел в кухню.

Ребята стали собирать глиняные черепки, перешеп-

тываясь на Яшкин счет: «Ишь, барин, и шуметь нельзя, а перед мамой за горшок небось не заступится».

Яков писал, черкал, мял бумагу, бросал и начинал снова. Он писал заметку в районную газету «Голос рабочего» о клубной самодеятельности поселка. Старался, чтобы заметка получилась у него «по-художественному». Заметка ему не очень нравилась, хотя он переписывал ее в шестой и последний раз. Был он доволен, пожалуй, одним только началом.

«И вот открылся занавес, на сцене клуба поселка Соколовка появился в лихой пляске слесарь торфопредприятия Матвей Аверкиев...»

Дальше заметка шла в более сухом и официальном тоне: перечислялось, что подготовили кружки художественной самодеятельности, кто активные участники ее, сколько дали концертов.

Поставив под заметкой свою фамилию, Яков вдруг задумался и приписал: «Товарищ редактор! Если мою заметку будете печатать, то напечатайте ее под псевдонимом...» Тут Яша снова задумался.

«Под псевдонимом...— и дописал: — Я. Иринин».

3

До начала концерта, в ожидании, когда побольше соберется народу, в клубе начались танцы.

Яркие банты Иринки мелькали то там, то тут. Лиза не танцевала. Она никогда особенно не увлекалась танцами, сегодня к тому же было скучно. Будь здесь Аркадий — другое дело. Вспоминать подробности последней встречи, все, что сказано было Аркадием, стало для Лизы необходимостью. Вот и сейчас она словно ощущает теплоту руки, державшей ее локоть, она даже слышит голос Аркадия. Он спрашивает ее: «Когда, Лиза?». И она отвечает ему мысленно: «Скоро. Осталось совсем немножко до нашей встречи».

Лиза рассеянно наблюдала за танцующей сестрой и думала: «Интересно, понравится ли Иринке Аркадий, когда она его увидит? А если нет? Не беда, а вот маме...» Лизе очень хотелось, чтобы Аркадий Топольский пришелся матери по душе.

К Лизе подсел Яков Шатров. Сегодня он был по-

военному подтянут, аккуратен. Чувствовалось, к своей матросской форменке он относится с уважением. И действительно, Яков надевал ее только при «особых случаях». На именины или к своим знакомым вдовушкам Яков ходил в сером гражданском костюме. Форменка его была выутюжена, виднелась чистая полосатая тельняшка.

Лиза уже кое-что слышала о Якове и поэтому смотрела на него несколько недоверчиво.

Яков начал расспрашивать Лизу об ее учебе, о Москве.

Увидев среди танцующих Ирину, он сказал:

— А вашу сестру я совсем недавно узнал.

— Ну и что же? — Лиза вопросительно посмотрела на него.

— Да ничего,— Яков провел рукой по коротышкам-волосам. — Пришел домой, рассказываю маме: встретил, мол, у речки интересную девушку с книгами, с виду она такая-то и такая-то, а на кого она похожа, никак не пойму. А мама и младшие братишка и сестренка — все в один голос мне: «Да это же Иринка Дружинина!» Выросла она — не узнать.

Лиза слушала его рассказ, и ей почему-то не хотелось верить, что живет Яков не в ладах с отцом и по нескольку дней не бывает дома. Неожиданно для себя Лиза спросила:

— Яша, а почему вы не выступаете в самодеятельности? Ведь у вас хороший голос. Я помню... Юра даже завидовал...

— Да знаете, что-то не хочется... Я выйду покурю, пожалуй. Да и жарко здесь. — Вытащив из кармана пачку папирос, Яков тут же поднялся и ушел.

Лиза сидела сконфуженная, подозревая, что сказала о пении некстати.

Яков вскоре вернулся и сел опять рядом с Лизой. Она обрадовалась. Чтобы сгладить неловкость, спросила:

— Яша, не знаете, с кем моя сестрица танцует? Такой длинный, в полосатом костюме.

Яков усмехнулся:

— Не знаете? Оригинальнейшая личность. Мед!

— Мед! Какая сладкая фамилия!

— Если бы это была фамилия! — Яков ироничe-

ски усмехнулся. — Прозвище. Отец рассказывал, что Позвоночников этот, главный механик, вообще ко всем липнет со своей вежливостью, а работы его на грош ломаный не чувствуется,— Яков презрительно выпятил нижнюю губу: — Ну, а требованиям вашей сестры он вполне отвечает. Вкусы ведь у вас, женщин, самые непонятные... Да... Сестрица ваша с Медом танцует уже третий раз.

— Ирине нет никакого дела до этого Меда,— вступилась за сестру Лиза. — Ей лишь бы потанцевать!

Яков промолчал, усмехнувшись: «Вначале всегда так, лишь бы потанцевать!» Ему казалось, что Мед танцует хуже всех, хотя Позвоночников танцевал хорошо. Он свободно держал Иринину руку, а Яков был убежден, что он сжимает ее. Но вот аккордеон замолк. Танцы прекратились. Ирина направилась к Лизе. Яков невольно провел рукой по своим коротким волосам: кажется, полжизни он бы отдал за то, чтобы у него сейчас же появились его черные цыганские кудри.

Якова Ирина не удостоила даже взглядом, Лизе она сказала:

— Идем, там во втором ряду Виктор Власьевич занял для нас место.

— Какой Виктор Власьевич? — спросила удивленно Лиза.

— Да тот, с кем я танцевала! — весело ответила Иринка, увлекая сестру за собой. Яков остался один. Он держал руку в кармане и мял программу экзаменов, оброненную Ириной на тропинке.

После концерта Яков нарочно задержался у выхода и пошел только тогда, когда поравнялся с сестрами Дружиниными. Сзади них шел Позвоночников. Из клуба вышли все вчетвером. У Позвоночникова прекрасное настроение. Сегодня он побывал в Свердловске, успел приобрести в ювелирном магазине прекрасный кавказский кувшинчик с чудесной росписью. Узкогорлый кувшинчик явно предназначался для доброго кавказского вина, но Позвоночников к веселящим напиткам был равнодушен. Он просто любил изящные вещи, которые так украшают комнату. Но главное, конечно, не в покупке. В Свердловске он в первую очередь зашел в «Торфотрест». Очень удачно! Управляющий был на месте. Отлично принял его, обещал дать ряд доба-

вочных механизмов, сказал, что осенью к ним на предприятие обязательно приедет главный инженер. Позвоночников высказал свою неудовлетворенность организацией труда на их торфопредприятии и кое-что предложил для улучшения ее. Управляющий согласился с ним. Позвоночников был уверен, что управляющий остался о нем самого положительного мнения. Иначе почему бы он стал так тепло жать ему руку при прощании и даже встал с кресла, чтобы проводить до двери кабинета. Нет, не даром он был с ним любезен.

— Нет, недаром столько песен про любовь поется! — промурлыкал Виктор Власьевич. Голос у него слабенький, бабий. Ирина чуть не прыснула, но потом вдруг стала серьезной. Если бы те же слова спел Яков Шатров! И она невольно взглянула на Якова, который шел справа. Яков словно ждал этого. Он ответил Ирине пристальным и непонятным для нее взглядом. А затем протянул ей листок.

— Это вы там, у озера, на тропинке обронили. Вам же нужно готовиться к экзаменам.

— Да, да, Яков, спасибо вам! — ответила за сестру Лиза.— Вы знаете, как она искала программу, весь дом вверх дном перевернула.

— Спасибо... — пролепетала Ирина. Она что-то еще хотела сказать Якову, но к ней обратился Позвоночников:

— Ирина Георгиевна,— и опять Ирина чуть не захлебнулась от смеха. «Откуда он узнал ее отчество? И как забавно звучит: «Ирина Георгиевна!» — Вы завтра будете вечером дома? Я хотел вам занести томик Чехова, вы там найдете пьесу, о которой мы говорили на концерте. У меня Чехов — полный...

И хотя Иринке завтра вечером нисколько не хотелось сидеть дома — она думала с Лизой покататься на лодке,— и хотя полное собрание сочинений Чехова у них тоже было, Иринка, вызывающе посмотрев на Якова, вежливо ответила Позвоночникову:

— Заходите, пожалуйста, Виктор Власьевич... Я буду дома.

Яков продолжал молчать, только у переулка, куда ему нужно было свернуть, он спросил у Лизы:

— На какой факультет поступает ваша сестра?

— На историко-филологический.

— А отделение? — В голосе Якова Лиза уловила нетерпение. Она, кажется, начинала кое-что понимать и ответила с улыбкой: — На отделение журналистики...

— Добре!

Яков и Лиза попрощались. Лиза догнала сестру. Яков секунду постоял на повороте в переулок. У него прямо руки чесались — запустить палкой в вихляющуюся узкую спину Позвоночникова. Но он только вздохнул... Впрочем, палку он все-таки бросил через забор в чей-то огород.

Яков впервые шел, не опираясь ни на костыль, ни на палку... А ведь отец, пожалуй, прав: «Научусь ходить на протезе — незаметно будет... Геройства, конечно, тут нет никакого; вот Алексей Мересьев — другое дело!»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Чем бы ни занимался Яков, ему хотелось еще и еще раз развернуть небольшой листок районной газеты. Заметка напечатана. Вот она! На третьей полосе разверстана на две колонки. Небольшая заметочка получилась, но не в размере суть. Ее напечатали, почти не изменив, даже начало таким же осталось. Правда, конец почему-то оказался серединой, а середина концом. «Ну, ничего. У меня же еще нет своего стиля!» А псевдоним! Яков смотрит на тесный рядок четкого шрифта: «Я. Иринин».

Была бы Ирина Дружинина постарше да попроницательнее, она без труда бы прочла: «Я — Иринин». Да, Якову хотелось, чтобы она считала его хоть чуточку своим. Это желание появилось совсем недавно и крепло с каждым днем. Его злила мысль: «Почему этот веснушчатый болтливый Мед липнет к Ирине? Неужели на что-то рассчитывает?» Сам Яков ни на что не рассчитывал. Ему хотелось одного: быть с Ириной хорошими товарищами и... чтобы на нее все-таки никто не глазел.

Отец дома будет только завтра: он уехал на совещание производственного актива на соседнее торфопредприятие, которое соревновалось с соколовским. Жаль! Так хочется поскорее увидеть отца и, наконец,

ответить на его тревожный вопрос: «Когда займешься делом?»

Близился вечер. Яков распахнул окно. Около дома расхаживал тот же длинноногий петух с радужной грудью. Яша шугнул его:

— Кыш... проклятый! Пора тебе на седало!

Он отвернулся от окна, сел на стол, взял ложку, не глядя на мать. Вера Борисовна после смерти Юрия порядком сдала. Стала еще более тихой и незаметной. Она смотрела на всех грустно и жалостливо. Степан Петрович, оставаясь с ней наедине, пытался приласкать ее, ободрить. Она безучастно слушала его, не отзывалась на ласку. Все чаще начала прихварывать, жалуясь то на головную боль, то, бледнея, прижимала к сердцу маленькую морщинистую руку.

Яков в этот вечер не мог оставаться дома. За ужином съев одну-другую ложку свежего творога со сметаной, поднялся из-за стола.

— Не глянется творог-то, что ли, Яша? — спросила мать, готовясь налить сыну стакан молока.

— Нет, нет, мама, не надо,— остановил ее Яков,— ничего не хочется.

Мать насторожилась, вид у сына какой-то озабоченный, беспокойный.

А когда Яков, выйдя из-за стола, потянулся к полочке над дверью за фуражкой, мать тихо спросила:

— До утра, поди, уходишь? — Она стояла перед Яковом, сложив под фартуком руки. И сейчас еще длинные и густые ресницы ее медленно опустились на впалые подглазницы.

— Мама... — Яков шагнул к матери, но тотчас же брови его страдальчески сдвинулись к переносью. — Черт! Протез неудобно надел.

Мать присела около плечистого крепкого Якова, и показалась ему совсем маленькой-маленькой. Она терла и гладила его ногу. Прикосновения легкой материнской руки были удивительно приятны. Боль постепенно утихала.

Яков долго смотрел на согбенную узкую и худенькую спину матери, потом наклонился, бережно приподнял Веру Борисовну. Она была такая добрая, бесконечно любящая и грустная.

— Мама...— Яков положил руки на плечи матери,

положил осторожно, будто боялся сломать их.— И как это я мог тебя огорчать, мама? — сказал он прерывистым шепотом. Резко вскинул голову, весь преобразился и совсем уже другим, ободряющим тоном произнес:— Ну, ничего, мама, теперь, кажется, все будет по-другому...— и шагнул в открытую дверь в сени.

«Ой, Яшенька, сердце-то у тебя доброе, детское, но вот беда какая, править-то ты собой не можешь. Что-то с тобой будет?» — думала мать, глядя ему вслед.

Вечерело. Над дорогой посреди улицы висело серое облако пыли: только что по поселку прошло стадо. За речкой, в стороне торфяного болота, пел голосистый девичий хор. Яков прислушался, но не мог разобрать слов. «О, да это ведь поют девушки, которые приехали позавчера на торфосезон из Мордовии! А поют хорошо и дружно. Так и хочется им подтянуть».

Побродив бесцельно по улицам и переулкам, Яков решительно пошел в хорошо знакомом ему направлении.

Когда Яков проходил мимо открытых окон дома, у Дружининых был в гостях Мед. Он сидел за столом, на котором лежал томик Чехова, аккуратно обернутый в голубую канцелярскую бумагу.

До Якова донесся сладкий голос:

— Москва чудесна!..

«Вот открытие сделал!» — подумал насмешливо Яков, прислушиваясь.

— Каждый раз, когда я прохожу по улицам столицы, по ее шумным проспектам, мимо шикарнейших магазинов...

«Только магазины ты там и заметил...»— Яков еще раз прошелся под окнами, скрытый кустами акаций.

— ...Меня охватывает какое-то невообразимое чувство восторга, чего-то особенного...

«...Пой, ласточка, пой!..» — Яков сорвал листок акации.

— ...Очень жаль, Ирина Георгиевна, что вы не были в Москве.

— Еще побываю! — раздался веселый и громкий голос Ирины.

Яков почувствовал, что лицо его вспыхнуло.

Зазвенела посуда, Анна Федотовна спросила:

— Будете, Виктор Власьевич, с нами чаевничать?

— Да, Виктор Власьевич, пожалуйста,— сказала Ирина.— У нас — малиновое варенье, свежее...

— Ну что ж, коли малиновое и свежее, то пожалуй,— промолвил Позвоночников еще более сладким голосом.

«Однако Меда здесь не так уж плохо принимают». Оставаться под акацией дольше было нельзя — кто-то шел по улице, и Яков шагнул к калитке Дружининых. Когда он шел сюда, он думал увидеть только одну Ирину. «Но раз не получается, посидим в компании!»

Мед в это время ставил на стол бутылку второсортного портвейна. Вытянув не без усилий пробку, он осторожно открутил ее со штопора и снова всунул в горлышко бутылки.

— Чтобы градусы не исчезли! — объяснил он.— Анна Федотовна, вы уж извините за вольность. Это,— он кивнул на бутылку,— в честь моего приятного знакомства с вами. Сам я спиртное не употребляю, но ради вас...

Анна Федотовна молча кивнула головой.

— Я одинок...— сказал Позвоночников и грустно вздохнул.

Ирину все это очень забавляло. Впервые в жизни за ней явно ухаживают... Как в старом романе. «Он, наверное, хочет быть моим нареченным!» И Иринка еле-еле сдержала озорной смешок, ставя на стол граненые бокальчики.

Мед первый поднял бокальчик.

— Итак, будем добрыми знакомыми!

Без стука открылась дверь, и на пороге появился Яков.

— Будем знакомы! — откликнулся он, снял флотскую фуражку и размашисто поклонился.

Он старался преодолеть чувство неловкости, хотел быть смелым, независимым и от этого держался слишком развязно.

Анна Федотовна нахмурилась. Осуждала она поведение Якова и свое недовольство не раз высказывала Шатровым. Однажды, изрядно подвыпив, Яков зашел к Анне Федотовне, стал расспрашивать о дочерях. Она тогда попросту выпроводила его, заявив: «Заходи трезвым или совсем не являйся. Не люблю пьяных среди трезвых».

Еле-еле выпросила Ирина ее согласие на приход Позвоночникова. Только убедившись, что дочь и не думает принимать ухаживания («Он такой смешной и некрасивый!..»), Анна Федотовна успокоилась.

Как огня, боялась мать увлечений своих дочерей. Им нужно только учиться пока, и все, а потом уж думать о женихах и семье. Тогда не запрещу... И с женихом познакомлюсь, и совет дам, и свадьбу справлю. Без материнского спросу нельзя! Мать худого детям своим не посоветует.

Сейчас, когда Яков стоял у порога за ее спиной, мать с неприязнью подумала:

«Вот-те раз! Еще один явился!» Она вопросительно-строго посмотрела на Лизу, та недоуменно улыбнулась: «Я тут ни при чем». Иринка покраснела и явно не знала, что делать. «Явился — так и стой у порога незваным гостем»,— сердито подумала она, но тут же ей стало жаль Якова, захотелось усадить его рядом с мамой и сестрой. «Но мама недовольна, она сердится... Как быть? Хоть бы Лиза помогла!» И старшая сестра, словно услышав младшую, приветливо сказала:

— Проходите, Яша!

Черные брови Иринки на секунду сбежались к переносью, потом крылышками взметнулись вверх, она улыбнулась, и напряженно-звонко повторила за сестрой:

— Садитесь к столу... гостем будете!

Мать кинула на Иринку выразительный взгляд: «Тебя-то кто спрашивает?» — и нахмурилась.

Яков видел, Анна Федотовна ему не рада. Но отказаться от приглашения сестер не мог. «Можете дуться, Анна Федотовна, можете не разговаривать... Иринка улыбается!»

Он прошел к столу, подхватил по пути табурет, стоявший около печки. Заметив еще с порога, что между стульями Иринки и Позвоночникова есть небольшое расстояние, Яков втиснул свой табурет между ними.

Мед поморщился, но тут лицо его приняло всегдашнее любезное выражение; налил Якову вина.

Было видно по всему, Мед приготовил какой-то витиеватый тост. Ему не сиделось на месте, и он несколько раз начинал:

— Друзья мои! Мой...

Но Яков, обращаясь к девушкам, преимущественно к Ирине, произнес:

— За студенчество!

Лиза и Ирина весело закивали и выпили.

— Изумительное время было! — Позвоночников тоже выпил.— Помню, в нашем институте, когда я учился... а это было...

— ...во время оно,— вставил Яков и, не слушая Меда, обратился с добродушной улыбкой к Анне Федотовне, видя, что она не притронулась к бокальчику.— А вы что же медлите, мамаша?

Анна Федотовна вспыхнула.

— Для кого мамаша, а для тебя Анна Федотовна!— Она посмотрела на Иринку, потом на Якова.— Тебе-то что студенчество славить? Ты среди него не был и не будешь... и другим не мешай! — сказала она властно, блеснув холодновато-серыми глазами.

Яков неловко поднялся из-за стола.

— Мешать не буду...— Заметно прихрамывая, он пошел к двери, на ходу бросив Анне Федотовне: — А студентом быть собираюсь.

У порога приостановился, спросил.

— Ирина, ты когда едешь в университет? Я хочу вместе с тобой — я ведь еще не знаю, где он и находится.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

— Лиза, мама сказала, что ты поедешь в город сегодня.

— Да, поеду!

— Завидую... — Иринка бросила на пол веник, широко улыбнулась.— А мама в наказание дел мне надавала — ух ты, сколько! — Иринка опустилась прямо на пол, рядом с веником, поджав под себя босые ноги.

— Ты сама виновата — чего тебе вздумалось этого Меда приглашать?

— А вот вздумалось, да и все!

Она помолчала. Потом, внимательно следя за руками Лизы, гладившей белье, сказала:

— А какое ты платье наденешь?

— Какое-нибудь, не все ли равно...

Лиза начала старательно гладить кофточку, не поднимая глаз на сестру.

— Ты всегда о платьях.

— Как бы не так «всегда»! Обо всем. О чем угодно могу говорить...— Иринка вскочила и, задрав голову, важно произнесла: — В том-то и соль — тряпки не мешают моим стремлениям!

— О, подумайте!.. Как она рассуждает! — промолвила Лиза.

Сестры стояли рядом, улыбаясь друг другу, и очень схожие, и в то же время разные. У обеих тонкие черты лица, густые, дугами темные брови, яркие губы.

Но у Иринки подбородок немножко выдался вперед, у Лизы овал лица круглее, женственнее. У младшей — черные волосы с глянцевитым отливом. Волосы Лизы светлее Иринкиных, топорщатся, слегка завиваясь на висках. Кудряшки Лиза обычно прячет за уши, но они ее не слушаются и нет-нет да спустятся к щекам.

Иринка пониже Лизы, кажется более крепкой и подвижной.

Младшая сестра всегда смотрит прямо, глаза у нее любопытные, озорные. В правом, около зрачка,— серое пятнышко. Глаза Лизы — серые, задумчивые и всегда почти чуть грустные, подчас они кажутся совсем темными, подчас голубыми.

Лиза отложила в сторону выутюженную кофту матери, взглянула на Иринку:

— Ты что же, Ирусик, задумалась?

— А ты знаешь, Лизушка, не тебе меня надо спрашивать, а наоборот.

— Почему же «наоборот»?

— За последнее время ты стала что-то задумчивой и... как же выразиться... вялой, что ли...— Иринка засмеялась, нагнулась, подняла с полу веник.— В общем, вяленой рыбой!

— Насмешница!

— Ты бы взяла меня с собой в город,— попросила Иринка.

Лиза перестала раскладывать белье.

— Придумаешь тоже... Умница! А кто будет к экзаменам готовиться? — Лиза опустила глаза.— Мне

нужно зайти к подруге... договориться, когда поедем в Москву...

— И все?

— Ну сходим, может быть, еще в театр...

Лиза забрала в охапку белье и прошла от стола к шкафу.

— Мети пол, Ирина! Целый день с ним возишься... И заниматься тебе пора.

Иринка неохотно зашаркала по полу веником.

2

«Иринка, да разве ты поймешь, что у меня на душе!» — думала Лиза. Но она и сама не смогла бы объяснить, что с нею происходит. Внезапно пришедшее чувство и настораживало и радовало ее. Нет таких сил, которые бы сейчас остановили Лизу от встречи с Аркадием.

Днем, что-либо делая по дому, она все время помнила об Аркадии, представляла его рядом с собой. Мысленно беседовала с ним: возражала, смеялась, соглашалась, он приникал горячими губами к ее губам, но Лиза, счастливая, отстраняла его от себя... «Не надо, Аркашенька».

Теперь Лиза думала: «Как ошибочно первое впечатление! Тот лейтенант, с которым она познакомилась в поезде, словно был кто-то другой — не Топольский. Ведь ее Аркадий совсем не такой самоуверенный и развязный».

...Какое счастье делать для любимого все, что ты делаешь сейчас,— причесываться, одеваться и радоваться всему вокруг, радоваться до того, что все кажется необычным, а сама ты — вся какая-то легкая, воздушная и бесконечно молодая и веришь сейчас, что никогда не состаришься.

Несколько дней прошло после их последней встречи, а кажется — год протянулся. До отхода поезда осталось два часа — как скоротать их?

— Лиза! Что ты будешь пить — молоко или чай? — слышится голос Ирины. «О чем это она? Молоко... чай... Ну, прямо смешная! Можно чай, или молоко, или ничего...» — улыбается Лиза, укладывая косы, как нравится Аркадию.

3

Стояла пора, когда лето спорит с осенью. В жарком воздухе нет-нет, да и чувствуется дыхание прохлады. Лазоревая ширь неба лишь кое-где задета мутью молочных облаков. Солнце яркое, спокойное.

Лиза вышла из дому, на минуту задержалась на крыльце. Черемуха, выросшая за четыре года в развесистое деревцо с густой кроной, приветственно зашелестела. Девушка надела сегодня гладкое легкое платье с короткими рукавами. Это батистовое платье было когда-то нежного фисташкового цвета, но вскоре полиняло и, к удовольствию Лизы, стало совсем белым. Белизна волнистой оборочки у ворота оттеняла нежную, с ровным загаром девичью шею.

Лиза стояла, будто прислушиваясь к шороху листьев черемухи.

Все вокруг нее глядело ласково и радостно. И только несколько желтых листьев черемухи говорили: осень все равно придет. Лиза дотянулась до одного, другого желтого листка, оборвала, бросила на землю. Спрыгнув с крыльца, побежала к калитке, оглянулась на черемуху: «До свидания, черемушка... Мне некогда с тобой разговаривать...»

4

Слабые предвечерние тени ложатся на большой белый камень около железнодорожной насыпи. Прячутся в траву отцветающие ромашки, сонно и лениво в чаще леса пропела и смолкла птица.

Аркадий сел на камень. «Неужели не придет Лиза?»

Нет, обязательно придет. Просто каждая минута ожидания кажется бесконечной. Он знал по опыту. Чувство Аркадия Топольского к Лизе не было первым. Он сам считал себя сердцеедом и гордился своими «победами». Молоденькая учительница английского языка Аллочка до сих пор «безумно влюблена» в Аркадия. Одно то, что она ему подарила в день рождения часы, говорит о многом. Он, честно, не хотел брать от нее подарок, но попробуй не возьми — обидишь человека! «А все-таки как она мило, черт возьми, преподнесла эти часы!»

Запомнилась Аркадию и красивая студентка, которая ни на кого не хотела смотреть, а ему продолжительное время отвечала взаимностью, пока он сам к ней не охладел.

Этими победами Топольский не хвастался перед товарищами, но в душе был доволен собой. К своим увлечениям он относился снисходительно, оправдывая непродолжительность их тем, что не встретил еще «настоящую девушку», которую мог бы полюбить. Он искал такую девушку... умную, красивую, которая стала бы любящей и преданной женой.

«Правда, есть женщины некрасивые, но с богатым внутренним содержанием... Может быть, такие кому-то и нравятся... Но, как говорится, на вкус и цвет товарищей нет. Я одним внутренним содержанием увлечься никак не могу! Пусть у такой девицы будет ум Сократа и душа, переполненная лирикой. Нет уж, увольте. Внешнее оформление для меня играет существенную роль!» — так иногда раздумывал Аркадий Топольский.

Встретив Лизу, он сказал себе: «Это то, что я искал. Лиза — порядочный человек и красивая женщина. Она меня... увлекла... зажгла... Лучше мне не найти».

Но обо всех этих «трезвых размышлениях» сейчас забыл Топольский, ожидая Лизу. И, чем больше он ждал, тем сильнее его охватывало нетерпение и боязнь потерять ее. «Ведь Лиза не такая, как все... а вдруг она остынет? Нет, нельзя ее терять! Уйдет она, и опять потянется цепь маленьких и совсем не нужных ему увлечений».

Сумерки сгущались. Серел белый камень. Молчаливый и непонятный, стоял за спиной лес.

— Лиза!..

Она шла торопливо, радостно улыбаясь Аркадию. Белое платье шло к ней: Лиза, взволнованная и порывистая, была удивительно хороша сейчас. И оттого, что она сама впервые осознала красоту свою, ей было особенно весело.

Аркадий бросился к ней, но Лиза отстранила его, отступила на шаг. «Неужели не любит? Неужели я ей неприятен?» — Он помрачнел. Сдерживая дрожь в голосе, спросил:

— Лиза, ты меня любишь?

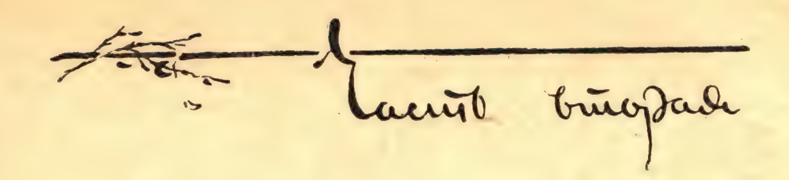
Лиза не ответила. Она долго смотрела себе под ноги на тропинку, потом вдаль, следя за убегающей дорожкой.

— Любишь?

Девушка молча кивнула: «Да».

Аркадий привлек ее к себе, послушную и доверчивую.

Они углубились в лес, потеряв тропинку. Звезды мигали в просветах ветвей. Росистая трава опутывала ноги.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Осень стояла сухая, теплая. Крупными кровяными каплями алела на серо-зеленых мшистых кочках клюква. Падала на ягоду желтая осенняя листва. Но клюквы было так много, что желтая «скатерть» не могла прикрыть спелые ягоды.

Анна Федотовна с Иринкой набрали полные корзины. Присели отдохнуть возле кустиков порыжевшего багульника. И мать и дочь были довольны хорошо проведенным воскресным днем.

Анна Федотовна работала уже не председателем поселкового Совета, а лишь секретарем. Поселок очень разросся, появилось много новых участков торфопредприятия — работы утроилось. А здоровье Анны Федотовны стало хуже, силы не те, что были. Да, кроме того, Анна Дружинина привыкла на жизнь смотреть прямо, не вилять перед ней. Поняла, что знаний у нее маловато, образования настоящего вовремя не приобрела — ну, и нечего хорохориться. Ясно ведь: не под силу быть председателем такого большого поселкового Совета. Народ в Соколовке грамотный — рабочие ква-

лифицированные, не говоря уже об инженерах и техниках. И Анна Федотовна без лишних переживаний и объяснений заявила на исполкоме горсовета о том, что председателем она будет только до следующих выборов. Председатель горсовета пробовал ее уговаривать, но она негромко и коротко заявила: «Нет», что означало — будет так, как она решила.

— В общежитии после занятий-то, поди, в очереди стоите к электрической плитке и с голоду еле на ногах держитесь. Кухарки! — произнесла Анна Федотовна после молчания.

— Как бы не так — «еле на ногах»! — Иринка собрала в горсточку сосновые иголки и сухие листочки, что лежали в корзине поверх ягод. — Ты уж скажешь, мама! Плиток на кухне в общежитии полным-полно! Ну, в крайнем случае, у каждой плитки не больше трех человек.

— Ох ты мне... По три человека! — Анна Федотовна покачала головой и внимательно посмотрела на Иринку. Ей показалось, что щеки дочери несколько побледнели, но она ничего не сказала, не пожалела ее вслух. «Пусть побольше увезет сметаны, яичек, а то заморит себя»,— подумала мать.

Перекатывая на изрезанной глубокими линиями ладони крупную ягоду, мать спросила:

— Ну, а Яков-то как устроился? В том же общежитии, где и ты?

Иринка вдруг заметила, что у нее развязался ботинок, склонилась над ним.

— Нет, он совершенно в другом корпусе и на другой улице. Университет имеет ведь два общежития.

Мать поднялась и сказала повеселевшим голосом:

— Хватит, Ирина, отдыхать. Пойдем. Табун, небось, скоро пригонят.

«Не нравится маме Яков...» — незаметно вздохнула девушка. Они пошли по лесной дороге, над которой шатром нависли ветви хвойных и лиственных деревьев. Золотыми пятачками лежали березовые листья, похрустывали под ногами сухие хворостинки. Держа на одной руке корзину, склонившись набок от ее тяжести, Иринка, быстро семеня ногами, шла впереди матери.

Проходя мимо росшей у самого края дороги черемухи, которая редко встречается по опушкам ураль-

ских лесов, Иринка ухватила ветку, тряхнула. Дождь желто-красных листьев осыпал ее.

— Озорница,— проговорила мать, любуясь дочерью, и улыбнулась. Но улыбка быстро исчезла, и лицо Анны Федотовны омрачилось. Она ускорила шаги, догнала дочь, пошла рядом с нею.

— Вот что, Иринка... скажи... из-за чего ты с Лизой поссорилась перед отъездом?

— Что-то я не помню, мамушка! Мы ведь с сестрицей вообще-то дружественные народы.

— А ты припомни! — сказала Анна Федотовна строго и настойчиво.— Вы еще в своем разговоре черемуху какую-то трясли...

Иринка посмотрела на мать. Та ответила ей выжидательным и долгим взглядом, каким может смотреть только мать и от которого почти невозможно ничего утаить.

— Вспомнила?.. Рассказывай!..

Иринка переняла корзинку с одной руки на другую.

— Я мыла посуду, мамушка, и громко пела песни. Настроение у меня было исключительное!

— Ну, о своих настроениях ты после расскажешь...

— Пела я «Черемуху»...

— Веселая песня — нечего сказать!

— Мамушка, когда у меня настроение хорошее, я могу и похоронный марш весело спеть!

И она шаловливо затянула:

> За окном весенняя распутица,
> Ночью вы-па-л небольшой моро-з...
> Мне недолго добежать до проруби,
> Даже не запрятав русых кос...

Мать остановила ее:

— Не виляй! Я спрашиваю: чем ты обидела Елизавету?

— Мамушка!.. Я не виновата. Я даже не нагрубила и полсловечка ей.— Иринка остановилась и повела рукой.— Ей просто песня не понравилась!

— Вот как!?

— Да, вот так. Когда Лиза вошла и услышала, что я пою...

— Ну и что она? — тревожно спросила мать.

— ...Она села на стул и...

— Что... «и»?

— ...И ничего не сказала.

Анна Федотовна с досадой отвернулась от дочери.

— Разве у тебя что-нибудь выведаешь? Тянешь-тянешь ее, как корову за хвост, а она знай себе — му-у, му-у...

Иринка звонко расхохоталась.

— Му-у, му-у-у! А у меня, мамушка, лучше получается и громче... Даже эхо отвечает.

— Му-у-у! — громко закричала Иринка.

— У-у-у!— повторила глухо и отдаленно лесная чаща.

— Рассказывай дальше...

— Значит, я запела... Лиза молчит, тихонечко вытирает слезы. «Лиза, ты чего же плачешь?» — «В глаз соринка попала — никак не могу вытащить...» Я хотела ей вытащить соринку, а она говорит, что уже выпала. Ну, выпала — и хорошо. Я снова вовсю пою. И вдруг — на тебе! Лиза ка-а-к на меня закричит: «Перестань ты эту глупую песню петь!» Нет, ты подумай только, мамушка! «Перестань!» Как бы не так! — перестану я петь, если меня так грубо обрывают. Я пою снова.

— Как же, разве ты перестанешь, коль тебя об этом просят!

— Вот именно! — горячо подтвердила Иринка.— Пою дальше, Лиза больше не кричит на меня... Ну, я перестала. А Лиза все сидела и куксилась. И чего, не пойму, из-за пустяков обижаться?

Мать ничего не ответила. Она думала-думала: «Что-то сердце мне предсказывает... ноет...»

...Матери не спалось. Стекла окон дребезжали под монотонным осенним дождем. Шумел ветер, раскачивая голые деревья, и черемуха у крыльца царапала ветками стену дома.

Анна Федотовна вышивала по канве полотенце. На одном конце уже красовались буквы «Е. Д.», вышитые мельчайшими синими и красными звездочками.

Электрическая лампочка под старинным эмалированным абажурчиком освещала комнату и одинокую фигуру матери, склонившуюся над полотенцем. Пестрая кошка Муська мурлыкала, свернувшись в мягкий клубок на разостланной по полу белой телячьей шкурке.

Мать отложила рукоделие, подошла к комоду, вынула какой-то сверток. Возвратившись к столу, развер-

нула раскроенное тонкое полотно. На уголке одного отреза осторожно карандашом помечено: «Для Лизы»...

«Наволочки.. Надо отдать кому-нибудь, пусть выстрочат,— думает Анна Федотовна,— славно получится узор «виноград».

Хочется к приезду Лизы из института приготовить для нее все необходимое. Мать усмехнулась, что-то вспомнив. Дочь соседей Валя отлично училась в педагогическом институте, а общественница была — другой такой, говорили, среди студентов всего города не сыщешь. Она и в комсомоле — вожаком, и в самодеятельности — заводилой. И вот теперь Валя третий год живет в Соколовке. Как окончила институт, словно переродилась. Мать рассказывает (да еще и хвалится), что девка за хозяйством следит, платья научилась хорошо мастерить. В поселке ее в клуб руководить кружком тянули и лекции читать перед кино просили — ни в какую... Сидит себе украшается, жениха ждет. Видно, у Вали закваска-то на учебу некрепкая была. Пока училась, первой хотелось быть, а потом, как окончила институт, в домашность, в бабье дело ударилась. А может, подумала, что знаний у нее хоть отбавляй и учиться ей уж нечему.

Нет, Анна Федотовна не хотела бы видеть своих дочерей такими. Ширь в жизни человеку дана необъятная, и пользоваться ею надо. Материнское сердце радовалось бы и гордилось за дочерей, если бы они никогда в жизни на достигнутом-то не останавливались. Себя Анна Федотовна и по сей день ругает: успокоилась, окончив курсы. Да, потом надо было и на рабфак поступить, и в институт. Впрочем, время тогда другое было, условия не те, что у нынешней молодежи.

«Нет, семьей мои дочери успеют обзавестись, а вот лишний год поучиться, поработать до замужества — это все равно, что пять после него. Взять хотя бы Лизу. Отец покойный говорил, что у девушки склонности к исследовательской работе, дескать, есть. Значит, развивать в себе их надо. Поживет у меня на готовом, все для нее сделаю и скажу: «Не сиди лишний раз над тряпками с иголкой — читай больше, учись — не отставай от людей».

Анна Федотовна оторвалась от шитья, гордо, по-молодому тряхнула головой: «Хочу, шибко хочу, чтобы

дочери не просто подучившимися бабенками по жизни шли, вцепившись в локоть мужа, а наравне с ним, а может, и пошире шагали!»

Мать вздохнула, задумчиво погладила полотно своей широкой с набухшими жилками рукой. И подумала о том, как много переделали ее руки всякой работы: стряпали, стирали, косили, заплетали детские косички. Делали и другое: красили книжные полки в клубе, шили детское белье для открывающихся в поселке яслей, неумело, но старательно выводили белилами лозунги на красных полотнищах. И тем, что руки ее трудились не только для домашнего гнезда, Анна Федотовна в душе, втайне от других, гордилась.

«Времени — полночь, а сон не манит»... Она снова взялась за полотенце. «Нет, не шьется!.. И что это Лизушка расплакалась из-за песни?..»

Ветер усилился. Жалобно зазвенели провода. Мать прислушивалась... Ей показалось, что кто-то постучал в сенную дверь. «Нет... — это черемуха бьется голыми ветками».

Руки опять потянулись к вышивке, и глаза, прищурившись, стали вглядываться в рисунок... Но, вместо рисунка, мерещилось заплаканное лицо дочери. «Лиза, что с тобой?»

2

Софья Захаровна смутилась и молча смотрела на Анну Федотовну большими немигающими глазами. Ее руки с длинными пальцами боязливо прикрывали листок бумаги — письмо к Лизе.

И надо же так случиться!

Софья Захаровна повернула обратной стороной листок.

— Садитесь, пожалуйста, Анна Федотовна. Как Ирочка устроилась? Она была в это воскресенье дома?

— Была, Софья Захаровна.

Анна Федотовна зашла на минутку, по пути. Хотелось узнать, не было ли от Лизы письма, сама она получила пока телеграмму с сообщением о том, что дочь доехала благополучно.

Анна Федотовна знала, как привязана Лиза к своей бывшей учительнице. Последнее время девушка ча-

сто ходила к ней. Мать тревожилась — невеселая, похудевшая, уехала из дому ее старшая дочь. Что случилось? «Нечего от матери таиться, самой надо все рассказывать, а не ждать, когда тебя об этом просить будут», — так решила Анна Федотовна, хотя видела, что у дочери на душе не все ладно. А теперь обвиняла себя: почему бы не расспросить Лизу?

Софья Захаровна, рассказывая о том, что получила от Лизы открытку, в то же время мучительно раздумывала: «Не сказать ли матери? Почему Лиза скрыла? Все равно сказать придется...» Но решила пока не говорить. Раньше времени начнутся упреки матери, помешают Лизе хотя бы некоторое время учиться спокойно.

Анна Федотовна, вздохнув, поднялась.

— Ну, извините за беспокойство, Софья Захаровна... Иду мимо, думаю, дай зайду — по пути ведь.

Уже стоя у порога, мать сказала:

— Один уж год остался... доучиться и, может, в наши края приедет.

Софье Захаровне показалось, что Анна Федотовна при этом посмотрела на нее, словно говоря: «Напрасно от матери таитесь! Мать все равно душой почувствует...»

3

Возвращаясь домой, Анна Федотовна перебирала в памяти слова старой учительницы, вспоминала ее смущенное лицо. «Она что-то знает о Лизе! Что-то знает». И глухая тревога заставляла ее ускорять шаги...

— Доброго пути вам! — вдруг остановил ее незнакомый человек, отирая платком потный лоб. — Скажите, где здесь управление торфопредприятия помещается?

Анна Федотовна остановилась.

— Контора, или как вы сказали, управление, совсем близко. Мне в ту же сторону.

— Ну, значит, мы попутчики! — Он расстегнул свой серый, военного образца плащ со следами погонов на плечах.— Жарко! Воздух холодный, осенний, а, когда идешь, пот прошибает.

Анна Федотовна сбоку посмотрела на спутника и

невольно подумала: «Этого, видать, мать-природа характером не обошла. Не свернешь его, покуда не убедится сам... Ишь, ведь подбородок-то какой упрямый. И по земле идет, как хозяин, твердо, осанисто».

Незнакомец снял фуражку, опять вытер платком высокий лоб.

— Хорошо! — сказал он не то ветру, который заиграл его волосами, не то Соколовке и лесу с торфяными болотами, подступающими к самому поселку. Анна Федотовна, еще раз взглянув с любопытством на него, решила: «Служащий, верно, какой-то, в командировку...» И, кивнув на чемодан, сдержанно спросила:

— С поезда ровно идете... а что-то совсем с другой стороны?

— Вы правы, с поезда,— согласился он,— и совершенно верно — с другой стороны... Болотом шел...

— Заблудились?

— Нет.— Он остановил на Анне Федотовне зеленые глаза. — Сам решил пройти так... — и улыбнулся чему-то.— Хорошая у вас здесь залежь. Богатейшая!

Анна Федотовна показала на дом, где помещалось управление.

— Вот мы и пришли, в разговорах-то... Сюда вам...

— Спасибо!

Анна Федотовна помедлила:

— У нас, что ли, работать-то будете?

— У вас... — охотно ответил он, приветливо глядя на Анну Федотовну и любуясь строгой увядающей красотой ее.— Главным инженером к вам послали... Посмотрим, что из этого получится.

В это время из управления вышел Шатров. В комбинезоне он казался еще более громадным. Анна Федотовна сказала:

— Принимайте-ко долгожданного.

— Неужто... главный? — под густыми пышными усами Шатрова затеплилась радостная улыбка. — Познакомимся! — Он протянул широкую ладонь: — Шатров — багермейстер.

— Говоров,— пожимая руку, ответил главный инженер.

— Вот вас-то нам как раз и недоставало! — Степан Петрович смотрел на Говорова добрыми умными гла-

зами.— С дороги-то, поди, проголодались? Давайте-ка зайдемте в нашу рабочую... Вот она — рядом.

В столовой, отдавая гардеробщице плащ, Говоров спохватился:

— Извините, пожалуйста, но попрошу... там бутылочка в кармане.

Шатров смущенно закашлялся: «Э, худо дело. Руководящая-то единица, кажется, со слабостью к спиртному...»

А Говоров извлек из кармана пол-литровую зеленоватую бутылку, посмотрел на свет:

— Живы, малявки! Пожалуйста,— снова он обратился к гардеробщице,— полстакана сюда воды, только не очень холодной, если можно. И, обернувшись к недоумевающему Шатрову, пояснил: — Для сынишки... В поезде купил у одного зоолога... Живородящие рыбки. В детстве я ими до умопомрачения увлекался — об уроках забывал.

— А я больше по голубиной части действовал,— пробасил Шатров и гостеприимно потянул Говорова к столику: — Вот давайте сюда. Присаживайтесь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Вот она, Москва осенняя. Она и сейчас хороша. Под скупым осенним солнцем по-прежнему радостно горят рубиновые кремлевские звезды. Серебристо-голубые ели стоят спокойные и строгие. А у дальней стены Кремля, близ Исторического музея, — высокий куст рябины. Листья у нее начинают желтеть. Ярко-красных ягод больше, чем листьев. От тяжести кистей гнутся ветви.

«Сегодня обязательно должна приехать Васса,— вспоминает Лиза,— ее одной нет в нашей комнате».

Лиза ждала Вассу и... боялась встретиться с нею. «Я же теперь не та... Совсем не та...» — шептала Лиза, чувствуя, что вот-вот заплачет. Она слышала перекличку гудков легковых машин, шелест катящихся троллейбусов, возгласы, обрывки разговоров, свистки милиционеров...

Шеренги чугунных столбов с круглыми матовыми фонарями освещали витрины. Над крышами домов в

вечернем небе переливались радужные цветные рекламы.

Город жил шумной и многообразной жизнью, а Лиза чувствовала себя выключенной из этой жизни.

«Что делать? Что?!» — в сотый раз спрашивала она себя. Хотелось поговорить с близким, родным человеком, раскрыть душу.

«Если и завтра еще Васса не приедет — прямо с ума можно сойти,— думала Лиза. Усталая, расслабленная, она еле держалась на ногах. Ее тошнило. Кружилась голова.— Это, наверное, оттого что я целый день ничего не ела»,— решила она.

Во дворе студенческого общежития Лиза услышала за собой быстрые шаги. «Васса!» Лиза остановилась. Ласковые руки обхватили ее.

— Васса! — Лиза повернулась к подруге и, не подымая глаз, уткнулась лбом в ее плечо.

— Лизанька, как я соскучилась! Почему ты не ответила на последнее письмо? Что молчишь? Плачешь?! Лиза! Не плачь! Что случилось? С мамой, сестрой?

— Со мной, Васса...

— Ну, ну! Не унывай! Пойдем-ка сядем вон на ту скамейку разберемся в твоем настроении.

— Ты смеешься, Васса...

— Да нет, Лизушка. Ты не обижайся. Это от радости...— Васса была убеждена, что с Лизой ничего серьезного не произошло. «Экая чувствительная! Наверное, влюбилась в этого... как его?.. в Топольского, вот теперь и кручинится дивчина...»

У Вассы было чудесное настроение. Она приехала всего лишь два часа назад, а уже обегала весь институт, просмотрела новую коллекцию разновидностей торфа, собранную второкурсниками.

— Что у тебя случилось?

— Васса...— Лиза закрыла лицо руками. Слезы сочились между пальцами. Ей было обидно и стыдно за себя — Я... вышла замуж...

— Вот как? — Васса внимательно и сердито посмотрела на подругу. Сколько раз они вместе осуждали студенток, которые, выйдя замуж, «снижали успеваемость», потом просили отсрочить сдачу экзаменов, потом шли в декретный отпуск, а иногда оставляли институт. Редкие получали диплом да и, как правило, на

государственных экзаменах «плавали». Как-то Васса заявила: «На месте министра я издала бы указ: отчислять всех студенток, во время учебы вышедших замуж! Это мешает подготовке полноценных специалистов!»

И вот, пожалуйста, её лучшая подруга выскочила замуж! В такое-то время!..

— Лиза, ведь нам предстоят диплом, госэкзамены...— с упреком сказала она.

Лиза тяжело вздохнула.

— Институт я, Вассанька, обязательно закончу — как бы трудно мне ни было.

— Ой, лыхо мне... — Васса обняла подружку, погладила ее плечо. — Ну, расскажи хоть, как твоя свадьба прошла, что ли?

Лиза горько усмехнулась, глядя в одну точку.

— Да, кажется, и рассказать-то нечего — вот что плохо.

2

Васса Остапчук вынула из тумбочки привезенные гостинцы. Их ей насовала тетка, жившая под Винницей, почти чудом спасшаяся от немцев. Тетка и племянница до войны не видели друг друга в глаза. В семье Вассы говорили о занозистом и горделивом характере тетки. Но, оставшись после войны, как и Васса, одинокой, дальняя родственница приняла ее как самую желанную гостью.

Васса поставила на стол банку моченых яблок, нарезала толстого слоеного сала, положила на блюдечко несколько маринованных огурцов.

Лиза задумчиво смотрела в окно. «Мама сейчас одна. Что она делает? Может быть, принесла домой работу, сидит, пишет, старательно выводя каждую букву... А может быть, шьет? Штопает чулки? Мама! Если бы ты знала... Прости... Поймешь ли ты, мама? Я жестоко поступила с тобой. Найдешь ли ты силы когда-нибудь забыть обиду?»

Из тьмы осеннего вечера выступало бледное стареющее лицо матери. Серые строгие глаза глядели проницательно и грустно...

Остывал стакан чаю. Подперев голову кулаком, сидела задумчивая Васса, смотрела на вздрагиваю-

щие плечи подруги. В ней боролись противоречивые чувства: нежность и досада.

Васса вздохнула, надкусила огурец, но есть не стала.

— Перестань, Лиза! Хватит... Надо, наконец, решить... Я не очень разбираюсь в подобных вопросах,— тут Васса не смогла сдержаться, добавила:— К счастью, непрактична в них!.. Связаться с каким-нибудь остолопом никогда не поздно... Лиза!.. Не обижайся на меня! Я злюсь... Но, черт возьми — мне обидно за тебя и досадно. Впрочем, хватит об этом... Садись ужинать!

Лиза поела только маринованных огурцов.

— Какая спесивая стала — не хочет нашего хуторского, — обиделась Васса, но, сообразив, весело расхохоталась над собой:— От це здорово! Я и не догадываюсь, что тебе, может, теперь одно нравится, а другое — нет...

Рассмеялась и Лиза, признавшись:

— Я и сама себя не узнаю.

И обеим вдруг стало на минуту весело и легко. Подружки сидели друг против друга, думали об одном и том же. В Лизе впервые шевельнулось чувство материнства, до сих пор заглушаемое горечью и страхом.

Васса точно угадала ее мысли:

— Ничего, не бойся. Рожай.

— Хорошо,— краснея, кивнула Лиза.— Ты знаешь, Васса,— начала она тихо.— Я много-много раз думала о том, что... я еще студентка и что страшно огорчу маму... И потом... наконец, просто стыдно иметь ребенка без отца... Обо всем этом я думала, но все-таки решила: пусть он у меня будет.

Васса улыбнулась.

— Правильно решила, Лиза! Грош цена той женщине, которая боится ребенка. Но, Лиза,— Васса озабоченно посмотрела на подругу: — как ты будешь с ним, куда денешь его, когда придется ходить на лекции?..

— Будет страшно трудно,— вздохнула Лиза.

В Вассе сразу же проснулся комсомольский вожак.

— Ну уж ты очень-то не горюй — поможем как-нибудь... Коллективом!

Как помочь Лизе, чем, Васса еще не знала. Она только понимала одно: помочь необходимо.

— Отдадим в ясли,— сказала Лиза.

— Идея!— обрадовалась Васса.— А ходить в ясли за ним мы вместе будем.

Густые черные брови Вассы встали «домиком», как всегда в минуту серьезного размышления.

Лиза отпила остывшего чая, на секунду задумалась:

— У тебя ко мне, Васса, может пропасть всякое уважение после того, что я тебе скажу... Но молчать перед тобой не хочу.

Она жестко усмехнулась:

— Я, кажется, довольно скверный, а больше того — слабенький человек...

— Подожди, подожди, Лиза, я, кажется, ослышалась. Ты сказала, что ребенок будет без отца. Позволь, моя дивчина, как это понимать? И кто в конце-то концов твой Топольский?

— Я и хочу тебе рассказать... Он говорил: любит меня, будем вместе... Сюда приедет. А мне теперь даже безразлично: приедет он или нет. Я буду одна.

— Да ты что говоришь? — Васса от удивления даже хлопнула себя по бедрам. И Лизу неожиданно рассмешил этот ее простой, бабий жест, ну никак не свойственный комсомольскому вожаку. Лизе представилась вдруг мать Вассы. Наверное, она была говорливой, полной и добродушной женщиной.

— Васса, ты похожа на свою маму?

Губы Вассы дрогнули:

— Да... Только моя мама была добрее меня.

Лиза погладила руку подруги, лежавшую на столе:

— Прости меня, Вассанька. Я все о себе да о себе. А у тебя горе куда больше, чем мое.

— Мое горе, Лиза, непоправимо — стало быть, и говорить о нем нечего. А вот твое поправить еще можно, только надо обдумать все.— Васса посмотрела на осунувшееся лицо Лизы, и ей опять стало жаль подругу:— Если он хочет, чтобы вы были вместе, может быть, надо согласиться. Ведь...— Васса запнулась,— в том, что между вами произошло, виноват не только он...

Лиза подняла голову и прищурилась, посмотрела

почему-то на темные стекла окон. Васса увидела ее тонкий профиль, и в тот миг он ей показался решительным.

— Я не оправдываюсь, Васса. И виню больше себя, чем его. Но, поверь, сознание собственной вины не заставит... не поможет мне любить Топольского... Почему, почему исчезло то хорошее, большое, что начиналось...

Васса задумалась, потом с твердой уверенностью в голосе произнесла:

— Если ты его любила тогда, значит, любишь и сейчас. — Васса помедлила и с той же уверенностью закончила:— Если не любишь сейчас — не любила и раньше.

— Не любила! Что ты говоришь, Васса? Да разве...

— А ты разберись в себе сама. Это очень трудно, но когда сама — лучше. Вернее.

— Не знаю,— искренне вырвалось у Лизы,— не знаю, способна ли я сама в себе разобраться.

3

— Нет, нет, Лиза! Все, что ты говоришь, вздор! Лиза, ты должна быть моей женой. Я настаиваю на этом.

Она помолчала минуту, глядя себе под ноги. Аркадию показалось: вот-вот она заплачет. Но Лиза подняла на него грустные глаза и сказала просто:

— Мне не хочется быть твоей женой, Аркадий.

Топольский посмотрел на Лизу с удивлением. Улыбка недоверия мелькнула на его губах и исчезла. Аркадий был твердо убежден: она ждала его, желает быть его женой.

Не было случая, когда бы женщина не ответила взаимностью Аркадию — Лиза, разумеется, любит его.

— Лиза, понимаешь ли ты, что говоришь?

Они сидели на той самой скамейке во дворе общежития, где несколько дней назад встретилась Лиза с Вассой. Возле скамейки стоял чемодан Аркадия. Было еще светло, и студенты, проходя мимо, кивали Лизе, посматривали на ее собеседника. Прошел мимо и Боря Петров, задержав взгляд из-под толстых очков вначале на Аркадии, потом на Лизе. Ей пока-

залось, что глядит он на нее с грустью. У девушки сжалось сердце: «Они все догадываются, что я не та теперь, жалеют меня...» И Лизу опять охватила жгучая боль оттого, что она почувствовала себя словно оторванной от родного, дружного и веселого студенческого коллектива. Она думала, что уже не сможет быть такой непосредственной и откровенной со своими товарищами, как прежде. У нее сейчас — свои заботы, мысли, переживания. И товарищи тоже будут относиться к ней иначе: одни, жалея, успокаивать и шутить, другие осуждать.

— Я пойду,— Лиза хотела подняться.

Аркадий вспыхнул:

— Перестань, пожалуйста... ломаться!

Лиза по-детски широко открытыми и удивленными глазами посмотрела на него:

— То есть как это... «ломаться»? В чем ты меня обвиняешь?

— Нужно быть правдивой...— спокойнее произнес Аркадий.

— Ах, ты вот о чем!—догадалась Лиза.—Ну что ж, отдаю должное твоей самоуверенности. Ты считаешь: уж теперь-то я от тебя никуда не денусь. Только и жду твоего сватовства.— Она усмехнулась.— Если бы действительно так было! Аркадий, не могу кривить душой: до сих пор не решила, что мне делать.

На лице Аркадия было замешательство, Лизе сделалось жаль его. Она снова села рядом с ним на скамейку. Что же все-таки делать? Имеет ли она право лишить своего будущего ребенка отца? Как она потом ему все объяснит... И сумеет ли она одна воспитать ребенка?

— Нет, невозможно так, — покачала головой Лиза.

— Почему же невозможно?— спросил Аркадий.— Я попросил перевод из Свердловского института в здешний. Снимем где-нибудь на окраине частную комнату.

Да, оставаться в общежитии с ребенком не разрешат, пожалуй, и девушек стеснять нельзя. Должна же она теперь в первую очередь думать о ребенке, а не о себе. Если бросить институт и со второго семест-

ра уехать к матери? Там за ребенком будет хороший уход. Но тут же Лиза представила лицо матери, расстроенной любопытными соседками в Соколовке, ее упрек: «Доучилась. Инженером не стала, а матерью быть поторопилась. И кто ты теперь? И не инженер и не жена. Вдова соломенная...»

Стемнело. Прошла группа студентов. Из их спора можно было понять, что они возвращались из кино.

— Нет, и не говорите, не согласен — игра у этого артиста глубокая!

— А, по-моему, пейзажные съемки куда выразительнее, чем характер воспеваемого тобой героя!..

Аркадий думал:

«Я, конечно, могу отступить от своего решения, причем сделать это с чистой совестью. Не хочет — не надо. Но зачем? Рано или поздно я все равно должен жениться. Лиза моим требованиям, как жена, вполне отвечает. Зачем мне опять ждать: когда-то и кого-то я еще встречу? Тем более должен быть ребенок...»

А Лиза, в сумерках стараясь разглядеть выражение лица Аркадия, спрашивала себя:

«Куда делась наша нежность друг к другу? Я даже понимаю Аркадия больше, чем себя. Может быть, по-своему, по-мужски, как ни обидно, но он прав... Но я... Что со мной-то стало?»

В голове ее пронеслись суровые слова Вассы: «Если ты любила его тогда, значит, любишь и сейчас... Если не любишь сейчас — не любила и раньше...»

«Но, Васса, если даже и так, пусть я увлеклась, настоящая любовь не пришла еще. Но ведь она придет. Может придти. Он — отец моего ребенка. Даже ради ребенка я могу его полюбить. Да и как человека. Он способный, будет талантливым строителем... Он должен широко смотреть на жизнь...»

Лиза посмотрела на освещенные квадраты окон общежития, вздохнула:

— А из общежития не хочется уходить.

— Согласна или нет? — спросил Аркадий, беря ее за руку и пытаясь заглянуть в глаза.

«Ребенок... Ради него». И, не взглянув на Топольского, Лиза ответила решительно:

— Согласна, Аркадий.

4

Маленький флигель сдавался на лето, к зимним условиям он не приспособлен. Стоял он на отшибе, посреди города. Невольно думалось, что в свое время это была простая русская баня. Поло́к хозяева, разумеется, убрали, печь-каменку повернули топкой в предбанник. Баня стала комнатой, предбанник — кухней. Во флигеле имелось только два маленьких оконца.

Аркадий обил стены большими листами картона.

— Зимой тепло будет!— сказал он тоном опытного хозяина. Лиза кивнула с ласковой улыбкой. Аркадий уже не казался ей чужим. Лизу трогала его забота о «доме», где будут жить они и их ребенок.

Лиза прошлась по флигельку... Если говорить точнее, она протиснулась между кроватью, взятой напрокат у коменданта студенческого общежития, и расщеленным столом, великодушно подаренным хозяевами. Постояла у оконца, в которое можно было посмотреть лишь согнувшись вдвое. Сердце Лизы сжалось — вспомнились ей огромные окна общежития, вспомнились девушки, с которыми она прожила, деля радость и горе, целых четыре года.

— Что же ты не разбираешь вещи?— спросил Аркадий, вбивая гвоздь для рукомойника.

— Ах, да...—встрепенулась Лиза. И опять ей показалось странным то, что она находится в этом заброшенном флигеле. Зачем она здесь? Вспомнилась мать... она еще не получила письмо и не предполагает, что ее дочь покинула уютное и веселое студенческое гнездо... Лиза наклонилась над чемоданом, одетым в парусиновый с синей каемкой чехол, сшитый руками матери.

Из чемодана она достала два полотенца, небольшую полотняную скатерть. «Наверное, будет маловата для стола...» Но скатерть оказалась как раз по столу и, прикрыв расщелины, придала ему праздничный вид.

— Смотри, Аркаша, а стол совсем преобразился!— сказала Лиза с радостной непосредственностью.

— Угу!..— согласился Аркадий, выглянув из-за перегородки.

«Что делает сейчас Васса? Наверное, читает перед сном «Молодую гвардию» Фадеева. И не уснет до тех пор, пока не «закроет вторую корку», как она выражается?»

— Аркаша, ты прочел уже «Молодую гвардию»? Из девушек мне там нравится больше всех Уля Громова...

— Нет, не прочел... Мне последнее время было не до книг, Лиза!

Это было сказано не без упрека.

Лиза промолчала. Ее тонкие нежные руки машинально разглаживали полотняную скатерть. Скатерть морщилась: стол был неровный.

Лиза прислушалась. Не слышно московского вечернего шума. Кажется, моросит дождь. Вдруг на крыше что-то резко стукнуло. Аркадий и Лиза переглянулись. Потом послышался монотонный дребезжащий шум.

— Это железо на крыше! —сказал мужским успокаивающим тоном Аркадий.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

«А ведь что-то не так получается...»— Максим Говоров вложил письмо в конверт, сунул его в карман. Но вдруг усомнился: «Может, я неправильно понял?»— и решил перечитать.

Жена писала:

«Я подумала и решила — нам пока трогаться из Каназа нет никакого смысла. Подождем, когда ваш новый дом для инженерно-технических работников будет готов. И я не понимаю твоей настойчивости. Чего ты нас так торопишь? Надо подумать не только о том, что в одной комнате мы не поместимся, а еще и о том, что семье главного инженера не приличествует жить в таких условиях — пусть и временно. Не сердись, но я забочусь лишь о твоем престиже».

Максим Андреевич скомкал письмо и хотел бросить в корзину под столом, но передумал... расправил, сложил и снова сунул в карман. Он прошелся по своему небольшому кабинету, мельком взглянул в зеркальце, вделанное в дверцу фанерного шкафа, где

хранились прорезиненный плащ и высокие охотничьи сапоги. Увидев свое отражение, Максим Андреевич насмешливо улыбнулся: «Значит, нам «не при-ли-чест-вует» жить в одной комнате?.. И надо же такое слово выкопать? Эх, Нина, Нина! Видно, пословица «Если милый по душе — с ним рай и в шалаше» не про нас с тобой сложена».

В кабинет заглянула уборщица тетя Стеша. Не здороваясь с главным инженером, спросила:

— А вы что тут размечтались? Обедать надо!

И начала подметать ковровые дорожки.

Говоров сел в кресло, закурил.

— Ну вот, перерыв, а вы курите... — сказала тетя Стеша.

— Так в перерыв-то и положено курить!— улыбнулся Говоров.

— Смеетесь?— упрекнула тетя Стеша. Она упрятала седеющие волосы под платок, туго стянула концы его, строго косясь на Говорова. Курить в перерыв надо не в кабинете... Он проветривается.

— Это верно!— Максим Андреевич погасил папиросу. Взгляд тети Стеши смягчился. Строгую, незаменимую тетю Стешу все уважали.

Максим Андреевич был недоволен собой. С утра он хотел поехать на отдельный участок, его беспокоила медлительность, с которой шла там уборка торфа, но пришлось срочно созвать участковых механиков и разъяснить им новый приказ треста. И оттого, что поехать не удалось, у Максима Андреевича испортилось настроение. Вот он уже третий день сидит в управлении и не может вырваться на участки: то дело не отпускает, то директор. И сегодняшнее письмо жены. От него на душе какой-то неприятный осадок. «Придираюсь!..— укорил себя Максим Андреевич.— Нина права, трудно жить вчетвером в одной комнате. И все-таки, как было бы здорово, если бы Нина, не спрашивая ни о каких «квартирно-бытовых условиях», взяла бы однажды вечерком нагрянула в мою холостяцкую комнату. В одной руке — чемодан, в другой — рука Андрюшки. Эх!— Максим Андреевич улыбнулся, потер ладонью лоб, помотал головой.— Нет, это, кажется, невозможно!»

— Чего еще «невозможно»? — спросила тетя Сте-

ша. Говоров смотрел на нее непонимающими добрыми глазами.

— Разве я что-нибудь сказал, тетя Стеша?

— Ага, сказал.

— Странно...

— Вот что, Андреич, пойдем ко мне обедать!— неожиданно предложила тетя Стеша. Лицо ее выражало и материнскую строгую теплоту, и боязнь того, что Максим Андреевич откажется от приглашения. Он колебался, но, взглянув на тетю Стешу, понял: если отказаться — обидится.

Он поднялся.

— Согласен!.. Буфет, говорят, откроется только в три... Благодарствую, тетя Стеша!

Она занимала комнатку в здании управления, в самом конце коридора.

Когда Говоров шагнул через порог, ему показалось, что он пришел к сестре Маше — пахнуло на него родным домашним уютом.

— Сейчас щами вас угощу,— церемонно, входя в роль хозяйки, сказала тетя Стеша.

2

Анна Федотовна получила письмо. Сгущались сумерки, но она сквозь круглые дырки почтового ящика разглядела конверт. «Это, наверное, от Лизы...» Мать вынула письмо и поспешила в дом, на ходу разрывая конверт. Прочла несколько строк, и у нее потемнело в глазах. Комната на миг погрузилась во мрак.

— Не может быть!.. Как она смела?..

Письмо было длинное, сбивчивое. В нем было все: и мольба о прощении, и горечь, и желание услышать слово утешения, и попытка утешить мать.

Потрескивали в очаге дрова. Мать бросила письмо вместе с конвертом на мягко рдеющие угли. «У нее будет ребенок? От кого? Зачем?» Опустилась на стул, уронила голову на новое полотенце с вышитыми буквами «Е. Д.».

— Лизушка! Родная кровинушка моя, что ты наделала? Почему материнского совета не спросилась?

Под утро, когда невеселый осенний рассвет робко

просочился в окна, Анна Федотовна убрала со стола мокрое от слез полотенце, скомкала его, сунула в нижний ящик комода.

— Нет, дочь, этого я тебе не прощу.

Она постояла, помедлила и неохотно пошла на работу. Впервые в жизни ей не хотелось быть на людях: сил не хватало услышать вопрос, который так радовал ее прежде: «Лиза-то твоя как поживает?.. Учится?»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

В маленьком флигеле на окраине Москвы день ото дня становилось уютнее. Лиза старалась, чтобы жилище выглядело чистым и аккуратным.

На кухонных полочках стояли чайная чашка, стакан, две кастрюльки и алюминиевая сковородка.

По некрашенному полу разостлан узкий половичок, который раньше, свернутый вдвое, лежал у Лизиной кровати в студенческом общежитии. Кровать под светлым байковым покрывалом, столик, два стула — вот и вся обстановка. Да еще — и это было, пожалуй, самое главное для Лизы — книжная полка.

По просьбе жены Аркадий устроил эту полку, прикрепив к стене длинную доску. На ней стояли учебники мужа и жены, художественная литература и другие книги.

Медленно, с трудом привыкали друг к другу Аркадий и Лиза. Аркадий казался ей противоречивым и непонятным. Он то трогал ее заботой о доме, лаской, то отталкивал неожиданным равнодушием.

Лиза часто расспрашивала Аркадия о его детстве, о семье. Он рассказывал охотно.

...Главой большой крестьянской семьи был отец, грубоватый, властный. Жена подобострастно подчинялась ему. Вначале она боялась, что муж — а он был красивее и моложе — бросит ее. Потом пошли дети — она успокоилась, опустилась: столько детей — никуда теперь не денется.

Иногда Аркадию было обидно за мать, но она не жаловалась... И мальчик решил, что взаимоотношения родителей вполне нормальны и что в каждой семье должно быть именно так.

Ребят было много. Их любили, но никаких праздников им не устраивали, подарков не дарили. Бывало, отец заикнется о том, что Аркашка неплохо рисует и надо бы парнишке купить краски, но мать убеждала: «Ладно, вырастет и так... нечего деньги по ветру разбрасывать... Надо тебе вон шапку новую справить, а то прежняя совсем рыжая стала».

Однажды отец пришел домой под хмельком, в хорошем настроении, принес матери подарок — синий сатин на кофту. «Сшей, мать».

А через несколько дней Аркадий увидел, как хмуроватый смущенный отец надевал рубашку-косоворотку из синего сатина. Не радовала отца эта рубашка: приятнее было бы ему видеть на жене новую кофту... Но что делать, раз жене так нравится? Пусть будет по ее. Больше отец не делал подарков матери.

Аркадия в семье не баловали, но выделяли, потому что он учился лучше остальных.

Однажды Аркадий нечаянно подслушал, как мать сказала отцу: «Аркашка головастее всех у нас с тобой. И обличьем краше». Отец тогда, помнится, в ответ довольно крякнул: «Оно, пожалуй, верно. Далеко шагнуть парень может».

Рассказывая об этом сейчас Лизе, Аркадий спокойно заметил: «Мне запомнились слова отца. Они наложили на меня своего рода обязательство... И я верю в себя. Что тут зазорного! Без веры жить — лучше совсем не жить...»

Лиза слушала Аркадия и вспоминала свое собственное детство.

...Лизу и Иринку, одетых в теплые шубки и закутанных в пуховые платки, мать ведет из бани. Приходят домой. Вместе с ними в дом врывается облако морозного воздуха и в уютном домашнем тепле сразу тает. Пока мать развязывает платки на дочерях, девочки не замечают отца, а потом обе враз бросаются к нему. Их восторгу нет предела. Еще бы! Отец — большой, плечистый — растянулся на пестрых дорожках домотканых половиков, а перед ним пляшут — да так лихо! — две куклы: одна Лизина, другая Иринкина. Мать скупо улыбается отцу: «Вот тоже мне, большой ребенок!» Но и она довольна.

Пока мать мыла дочурок в бане, Георгий Тимофе-

евич привязал к куклам черные нитки, перекинул их через брус полатей. Черные нитки при свете керосиновой лампы были незаметны, и казалось, что куклы пляшут сами.

Сколько радости было у девчушек тогда!..

Невольно сравнивая свои воспоминания с рассказами Аркадия, Лиза начинала оправдывать и жалеть его: он просто не знает, какое это счастье заботиться о близком человеке, не может пока этого понять.

Лиза вставала очень рано, готовила немудреный завтрак, убирала в комнатке. На все это уходило немало времени. Потом садилась заниматься. Но заниматься приходилось недолго. Нужно было спешить в институт. А чтобы добраться до него, необходимо выезжать за полтора часа из дому. С каждым днем Лиза уставала все больше. Тошнота прекратилась, но началась нестерпимая изжога. Лиза старалась переносить недомогание бодро. Ее отяжелевшая фигура даже и сейчас не потеряла прежней подвижности. Только лицо похудело, осунулось.

Однажды Лиза проснулась особенно рано. Она тревожно спала ночью, не отдохнула, чувствовала большую усталость. Под глазами легли синеватые тени. Флигель за ночь выстыл. Не хотелось вылезать из-под одеяла. Но что делать? Надо вставать, готовить завтрак, заштопать Аркадию носки. Аркадий тоже проснулся и лежал с открытыми глазами.

— Куда ты так рано? — спросил Аркадий, видя, что Лиза хочет подняться с постели.— Полежи еще...

И он привлек ее к себе.

Лиза ласково улыбнулась.

— Нежиться в постели — чудесно... Но куда было бы чудеснее, если бы завтрак сам собой приготовился, а веник выбежал бы из угла и подмел пол...

Аркадий засмеялся.

— Нет, вряд ли ты от них дождешься инициативы!

— А от тебя? — полушутя спросила Лиза.

— Ну, что ж, пожалуйста, — сказал Аркадий, и Лиза уловила какую-то новую, неприятно поразившую ее нотку в голосе мужа.

Аркадий поднялся с постели.

— Я готов, что прикажете делать?— с плохо скрытой досадой проворчал он.

— А почему ты сердишься? — спросила Лиза. — Я тебя не понимаю. Знаешь, Аркадий, не параллели ради, а просто... мне вдруг захотелось рассказать тебе о нашей семье. Кстати, ты меня о ней никогда не спрашивал. Мой отец уважал женщину. Помогал матери и не раздражался при этом. Папа никогда не спрашивал маму, в чем ей помочь. Он как-то сам видел все. Нет дров в печке — несет. Видит, в кадке на кухне нет воды — идет на колодец. Мы с Иринкой были совсем малы, но я помню, как отец, перекинув через плечо кухонное полотенце, с шутками вытирает чайную посуду. Они вместе очень быстро управлялись со всеми домашними делами и вечером, после работы, шли в кино, в гости, читали книги, газеты.

Аркадий усмехнулся:

— Попробуй, не подчинись твоей матери!.. Характерец... я представляю. Отец боялся ее, наверное.

Лиза, собирая со стола учебники и конспекты, оставленные с вечера, не глядя на мужа, медленно проговорила:

— Он любил ее.

Аркадий пристально посмотрел на жену:

— Упрек мне?

— Да нет. Я просто немножко удивляюсь.

Она прошла к кухонному столику. И, словно продолжая прерванный разговор, сказала:

— И восьмое марта у нас в доме было большим праздником. Отец делал нам всем подарки. На столе — традиционный пирог с цифрой восемь.

— Это и понятно! — пошутил Аркадий. — У вас же в семье женское засилье было, а у нас — семьдесят процентов мужчин!

— Так что же мне все-таки делать? — повторил Аркадий. — Ты так и не сказала — увлеклась воспоминаниями.

— Почисти, пожалуйста, картошку. — И, словно оправдываясь, Лиза добавила: — Она такая мелкая и всегда так много отнимает времени. У нас сегодня лекции с утра.

Аркадий прошел к кухонным полкам. И Лизе показалось, что он нарочито громко стучит кастрюлей, с раздражением бросает туда очищенные картофелины.

2

Увидев конверт со знакомым родным почерком, Лиза радостно воскликнула: «Наконец-то!» Зная характер матери, Лиза все-таки с нетерпением ждала ласкового материнского слова. Но, увы, его не было в коротком, сухом письме.

«Получила твое письмо. Мне никакого дела нет до того, кто он. И нечего мне расписывать о ребенке. Я не хочу иметь внучат от дочери, которая забыла себя и мать».

И дальше стояла еще одна строчка, написанная неровным дрожащим почерком:

«Моей Лизы теперь нет, есть другая, но та, другая, уже не моя».

В этот день Лиза впервые за все время учебы ушла с лекции. В крошечном флигельке, который она никак не признавала своим «домом», она не переставала думать о матери. Мысли ее уносились в родную Соколовку, в домик с белыми ставнями и молодой черемухой во дворе.

«Нет, мама, ты не отречешься от своей дочери. Не могу поверить, что я —«не твоя». Так говоришь не ты, а твоя обида, ты не можешь меня простить пока...»

Тяжелее вдвойне, когда знаешь, что ты сделал больно близкому человеку. О себе тогда забываешь— и все мысли о нем, близком. Лиза видела мать то больную и плачущую, то разгневанную, сдержанную, со строгими, ничего не прощающими глазами.

Под вечер Лиза расхворалась: отяжелела голова, начались колющие боли в пояснице. Пришлось лечь. Вскоре приехал Аркадий. На его шапке-ушанке — снежинки, воротник демисезонного пальто поднят.

Лиза забыла о себе, о своей боли.

— Тебе холодно, Аркаша, — сказала она, — ты бы надевал под пальто мой шерстяной свитер.

— А ты как?

— У меня ведь пальто на вате, обойдусь и без свитера.

Аркадий присел около Лизы на кровати.

— Нездоровится?

— Ничего, пройдет. Посмотри-ка, что я купил... Аркадий вынул из кармана пару крошечных боти-

ночек-пинеток. Изумленная Лиза в эту минуту почувствовала себя самой счастливой женщиной на земле.

— Спасибо, Аркаша, — почти шепотом сказала она и, сама не замечая того, прижала крошечные пинетки к груди.

Аркадий внимательно посмотрел на жену, потом молча достал папиросы и закурил.

И Лиза не сердилась сейчас на то, что он курит не в форточку, о чем она много раз просила, так как запах табака вызывал у нее приступ тошноты.

Лизе казалось, что с каждым днем ее привязанность к мужу растет. «Может быть, я полюблю его... а может быть, уже люблю?» — часто думала она.

— Ты рада им? — кивнул Аркадий на ботиночки.

— Конечно, Аркаша! — блеснула глазами Лиза и добавила совсем тихо: — Мы как-то мало с тобой говорим о нашей дочурке...

— Во-первых, о сыне... Я очень хочу, чтобы у меня был сын. Ну, а потом, чего же особенно говорить: я знаю, что он появится. Завтра куплю ему еще игрушки, назовем его, если тебе нравится, Александром.

— Ну что ж, хорошее русское имя. — И, прижимаясь лицом к плечу Аркадия, Лиза добавила:

— А если девочка, то назовем ее Галей... Галинкой. Тебе нравится?

— Ничего, нравится.

— Да, я получила письмо от мамы, Аркаша.

— Что она пишет?

Лиза вздохнула:

— Тяжело маме... Она упрекает меня. Да ты возьми, прочти письмо. Оно лежит в кармане пальто.

Аркадий, не вынимая изо рта папиросы, поднялся за письмом. Быстро пробежал его глазами, бросил на стол.

— Черствая у тебя мать, Лиза.

Лиза повернула к Аркадию вспыхнувшее лицо.

— Ты не знаешь мою маму! И я тебе... запрещаю о ней так говорить!

— Ну что ж, запрещай... — Аркадий швырнул папироску в печку. — А я бы тебе запретил писать ей вообще... Дочь создает свою личную жизнь... Беременна... А она такие письма пишет — нисколько не думает о твоем счастье.

— Замолчи, Аркадий! Ты ничего не понимаешь — я сама виновата.

— Да, конечно, я ничего не понимаю, — обиделся Аркадий. Он сел к столу и углубился в чтение первой попавшейся под руку книжки. Лиза, отвернувшись, тихо всхлипывала. Она думала, что Аркадий утешит ее, скажет, что взаимоотношения с мамой наладятся, что Лизе будет легче. «Почему он молчит? А как хочется услышать сильные и ласковые, мужские слова утешения!»

Лиза перестала плакать, а Аркадий все еще читал или делал вид, что читает. Наконец он почувствовал ее взгляд, оторвался от книги.

— У тебя глаза сейчас, как у испуганной лани...

Может быть, он хотел развеселить Лизу, успокоить ее. Но Лиза подумала, что действительно она, испуганная, робкая, как лань, боится жизни.

Аркадий подошел к Лизе, подсел. Казалось, она только и ждала, чтобы прижаться к нему, успокоиться. Молчаливо гладила его волнистые черные волосы. Он поцеловал ее, потрепал по щеке. Лиза еще крепче прижалась к нему, и опять захотелось ей услышать что-то хорошее, простое, ласковое...

— Аркашенька, ну скажи мне что-нибудь ласковое...

Аркадий еле заметно улыбнулся:

— Что же? Разве не видно, что я тебя и так люблю, а старые слова, которые в зачитанных романах сотни раз повторялись, я не хочу говорить...

— А ты скажи свои, милый...

— Я не умею сентиментальничать, Лиза...

Стучал по крыше оторвавшийся кусок железной кровли. Во флигеле стояла тишина. Лиза отвернулась к стене. В ней взбунтовалась женская гордость, стало нестерпимо обидно и горько. «Выпрашиваю... ласку».

3

Вечером пришли гости — Васса Остапчук и Боря Петров. Аркадия дома не было, он вышел за папиросами и за хлебом.

— Вот затащила,— смущенно кивнул Боря на Вассу.— «Зайдем, да и все. Не по-товарищески, говорит,

друзей не навещать».— И он начал усиленно протирать о рукав запотевшие очки.

— Правильно, Васса! Молодец!

Лиза так обрадовалась друзьям, что не знала, куда их усадить. С Бори она сама стащила шапку, у Вассы взяла из рук портфель.

— Как хорошо, что вы зашли! — Лиза сияла. Васса и Боря уже давно не видели у нее таких оживленных лучистых глаз. Проходя мимо Бори, чтобы включить плитку, она шутя взъерошила его волосы.

— Ну как дела?

Боря вспыхнул:

— Ничего, хорошо, Лиза. Спасибо. — И, поборов смущение, мельком взглянул на ее располневшую фигуру в просторном халатике.

— Ну, а ты как себя чувствуешь?

— Спасибо, Боря, тоже хорошо...

Начался оживленный разговор о дипломах, о местах назначения на работу, обо всем, что может волновать «без пяти минут инженера».

— Да, Лиза, как у тебя диплом? Я имею в виду, в какой стадии он...— спросил Боря.

— Пишу...

Васса вздохнула и своим грудным красивым голосом вдруг тихонько запела:

В низенькой светелке огонек горит...
Молодая пряха у окна сидит.

— Перестань, Васса! Нашла время петь, — поморщился Боря. Видно было, что он искренне волнуется за дипломную работу Лизы.

Васса усмехнулась, и ее широкие брови-крылышки взметнулись вверх.

— Не волнуйся, Боря, диплом Лиза напишет, а как и когда — это ее дело... Зачем спрашивать? Важно, что напишет и защитит... Верно ведь, Лиза?

Лиза кивнула. Как она была благодарна подружке! Ведь, наверное, Борька полез бы со своим сочувствием, стал бы расспрашивать, как и что... И вдруг бы она расплакалась... Зачем это нужно? А Борьку она знает: молчит-молчит, а потом возьмет, да и выскажется. Он, конечно, раньше всех заметил, что настроение у нее за последнее время не из веселых.

В сенцах послышались шаги. Вошел Аркадий, поздоровался с Вассой и Борисом, взглянул на Лизу.

— Что-то мы нос повесили? — И вдруг, очевидно, вспомнив свой недавний разговор с Лизой, спросил:— Уж не на судьбу ли свою жалуешься?

— Ну, что ты, Аркадий! — не без смущения сказал Борис. Васса с заметной иронией посмотрела на Аркадия.

— А жену-то все-таки ты еще плохо знаешь, Аркадий Топольский.

— Поживем подольше, узнаем побольше, Васса Остапчук,— в тон ей ответил Аркадий.

Атмосфера непринужденности с приходом Аркадия исчезла.

— Давайте пить чай! — с деланным оживлением предложила Лиза и бросила в кастрюлю с кипятком щепотку чаю.— В хозяйстве чайника еще нет, не обессудьте, — расставила два стакана, чашку и кружку, пошутила: — А ведь честь честью получается: мужчины пьют из стаканов, женщины из чашек.

Потом Лиза принесла все, что у нее было в запасе: кусок колбасы, немного сливочного масла и три кусочка сахару. Как ей хотелось угостить друзей по-настоящему! Но был еще первый послевоенный трудный год.

Разговор за столом не клеился. Борис вдруг ни с того ни с сего заговорил с Аркадием о политике. Аркадий не в меру серьезничал и высказывал свои суждения безапелляционным тоном.

Васса молча уплетала бутерброд с маслом, насмешливо глядя на молодых людей:

— Ну и скучные же вы, мальчики! Мы ведь газеты тоже читаем. Давайте лучше о чем-нибудь другом... Лиза, я съем еще колбаски?

— Вот чудачка! Еще спрашивает! Кушай, сколько хочешь. — Лиза была рада, что Васса у нее дома впервые пьет чай. Сама она, как ни заглянешь к ней в общежитие, обязательно начнет кормить, в карманы яблок натолкает.

— Боря, а ты что не пьешь чай? Остынет ведь...

— А, я сейчас! — И Боря залпом выпил уже остывший чай.

— Аркаша, и ты пей, — попросила Лиза.

— Ладно, — вяло произнес Аркадий.

— От мамы получила письмо? — спросила Васса.

Лиза утвердительно кивнула.

— Сухое письмо... черствое,— проворчал Аркадий.— Удивительно, как это мать может писать такие письма,— одни укоры.

Васса промолчала.

А Боря, поднимаясь из-за стола, негромко сказал:

— Матери, наверное, трудно, Аркадий.— Он что-то уж очень долго отыскивал на вешалке свою шапку и некоторое время поэтому стоял спиной к товарищам: — И надо понять это. Васса, ну пошли, времени одиннадцатый час!

Гости ушли. Лиза начала убирать со стола посуду, Аркадий развернул газету.

— Аркадий, прочти что-нибудь вслух...

— Но ведь ты сама, когда уберешь посуду, можешь посмотреть газету.

Лиза стояла против Аркадия, держа в руках чайную чашку. И вдруг поняла, что она сейчас может бросить чашку на пол, раскричаться громко, с плачем. Рука, державшая чашку, дрогнула.

— Ты же прекрасно знаешь — после того, как я уберу посуду, мне нужно подшить воротничок к твоей гимнастерке. Видите ли, сам пришить ты не можешь— теперь у тебя есть жена. Но газету же мог прочесть, если тебя об этом просят.

— Да, жена у меня есть, — улыбнулся Аркадий, не отрываясь от газеты. — Правда, очень строптивая. Кстати, что ты от меня хочешь?

— Чтобы ты иногда помогал мне.

— Ты, пожалуй, права. — Аркадий отложил газету и стал помогать жене. Делал он сейчас это весело— совсем не так, как утром чистил картошку. И у Лизы на душе потеплело. Были забыты все обиды, даже боль от маминого письма утихла, стало стыдно за свою недавнюю вспышку.

Раскладывая на столе папки с заготовками для дипломной работы, Лиза тихонько напевала:

В низенькой светелке огонек горит...
Молодая пряха у окна сидит.

— Правда ведь, Аркаша, у Вассы — чудесный го-

лос? Жаль, что ты не слышал, как она поет украинские песни.

Проведя рукой по волнистым волосам, Аркадий заметил насмешливо:

— Я не знаю, хорошо ли она поет украинские песни, но я знаю, что у нее завидный аппетит.

Лиза выпрямилась.

— Аркадий, ты это... серьезно?

— Вполне... И вообще я тебя не понимаю — сами порой сидим голодом, а она на стол вытаскивает каждую крошку. Я давно хотел тебе заметить, только ты не обижайся. Мы же друг другу должны говорить правду в глаза... Ты очень неэкономна. Иной раз покупаешь совсем не те продукты, какие стоило бы купить. Поверь, я не собираюсь главенствовать, хотя муж — глава семьи, но я тебя прошу считаться со мной, с моими советами.

Лиза неестественно спокойным голосом произнесла:

— Вот что, глава семьи, очень трудно экономить, когда вообще не хватает денег. Я тебя не хотела упрекать, но... Не ты ли обещал учебу совмещать с работой? Что-то я не вижу пока этого совмещения.

— Не так легко сделать это в Москве.

— При желании можно... Ну, а за Вассу и Бориса меня нечего корить — нас они не объели. И я рада, что угощала их чаем!

— На первый раз можешь радоваться, а в следующий раз, угощая, мое замечание все-таки учти. И еще о Петрове. Он мне не нравится.

— Чем?

— А тем, что слишком по-телячьи, слишком ласково смотрит на тебя.

— Какие глупости! Уж не ревнуешь ли?

— Да, если хочешь знать...— Аркадий подошел совсем близко к Лизе, сжал ее лицо ладонями: — Я люблю тебя, Лиза, и ревную даже к этому очкастому Петрову. Меня не трогает ни одна женщина с тех пор, как я узнал тебя, — я их просто не замечаю... Ты не веришь? Я люблю.

Лиза горько усмехнулась:

— Если и любишь, Аркадий, то как-то странно уж очень...

4

А ребенок настойчиво давал знать о себе. Лиза просыпалась по ночам и долго не могла заснуть вновь. Прижав руки к животу, она с трепетом ловила признаки зарождения жизни: маленький, еле уловимый толчок под ладонью, легкое движение. Лиза волновалась, испытывая наступающую тревожную радость материнства.

Она закрывала глаза и нежно улыбалась.

Однообразно тикают часы. С плиты спрыгнул серый кот Находка. (Его Лиза нашла в огороде — кто-то подбросил.) Тихо. Ветер бросает в стену флигелька пригоршни снега. Лизе жаль кота — он сухим языком лижет края своей пустой чашки, стоящей под табуретом. Находке хочется молока. Лиза встает осторожно, чтобы не разбудить Аркадия. Достает с полки хлеб, бросает коту мякиш, в чашку наливает теплой воды.

И снова не спится. Думается об экзаменах. Лизе кажется, что она ничего не знает. Завтра — воскресенье, будет заниматься целый день... Товарищи волнуются за нее. Вчера после лекции девушки, отведя ее подальше от ребят, спрашивали: «Не тяжело заниматься? Усваиваешь материал?» В вестибюле, неуклюже подавая пальто Лизе, Борис заметил для того, чтоб ободрить ее: «Зачеты, как и раньше, все сдадим?» Разумеется! Да уж если на то пошло, Лиза совсем спать не будет, а свой курс не подведет!

А ветер все бросает и бросает снег в стену. Во флигеле холодно. И все-таки хорошо! Лизе можно позавидовать. Она становится матерью.

В левом боку резкий щекочущий толчок. «Он толкнул меня ножкой»,— думает в полусне Лиза.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Во время лекции по истории русской журналистики Ирине Дружининой на стол упала записка: «Сегодня суббота. Едешь в Соколовку? Яков». Иринка была дома в прошлый выходной. В эту субботу мама ее не ждет.

Иринка искоса, с лукавой улыбкой поглядела на Якова. Тот сделал вид, что собирается продолжать записывать лекцию, но Иринку не проведешь. Пожалуйста, записывай, ей-то какое дело! И она быстро наклонилась над тетрадью, когда Яков поднял голову от своей. Смоляные кудри упали ему на лоб. Потом он тряхнул головой, отбросил завитушки со лба и настойчиво посмотрел снова в сторону Иринки, ловя ее взгляд. Иринка открыто улыбнулась ему и кивнула: «Поеду».

Глаза Якова так и вспыхнули, но в следующий момент он уже с завидной сосредоточенностью смотрел в лицо преподавателя.

...Они шли по запорошенной свежим снегом дороге. От огней полустанка на снег ложились широкие полосы электрического света. Стоял крепкий уральский морозец. На небе высыпало множество звезд, взошла луна, большая и яркая.

— Смотри, Иринка, — Яков тихонько взял Ирину за плечи, замедлил шаги, — смотри на снег.

Ирина легонько повела плечами. Сказала совсем тихо:

— Смотрю...

— Если на снег смотреть, звезды словно отражаются в снегу... малюсенькие...

Ирина всмотрелась:

— И правда ведь!..

Ей не хотелось говорить. Она взглянула на Якова. Его серая мерлушковая шапка надвинута на лоб, на самые дуги резко очерченных бровей. «Если бы знала она, как хочется прижаться щекой к ее щеке! — думал Яков.— Если бы поверила, что он, Яков Шатров, ни к одной девушке никогда в жизни не относился так хорошо, с большим товарищеским уважением».

— Мне что-то холодно. Пойдем побыстрее, Яков.

Ей холодно! Кажется, последнюю рубашку Яков бы сбросил с себя, чтобы укутать, согреть Иринку!

И он пошел быстро, как только позволял ему протез.

Мечтательно глядя на молодые сосны, обсыпанные свежим снегом, Иринка говорила:

— А знаешь, Яков, вдруг я когда-нибудь напишу книгу! Ну, настоящую книгу, в переплете, с моей фамилией наверху!

— Ну, что? Очень хорошо, если так будет, — серьезно сказал Яков и решительно взял ее под руку. Иринка не противилась.

— Да я же никогда не напишу! — звонко расхохоталась она.

Яков задумчиво сказал:

— Нет, такая, как ты, может и написать. Понимаешь, как же бы тебе сказать?.. Ну, в тебе есть искорка, что ли...— Он засмеялся:— Ну вот такая искорка, что в снегу блестит.

— Такая?

Иринке не до шуток. Она начинает верить Якову.

— Нет, Яша, серьезно, напишу, думаешь?

Яков останавливается, берет руку девушки в теплой шерстяной рукавичке.

— Напишешь...— он запнулся,— и я буду очень рад за тебя, Ирина... Очень...

— Спасибо, Яша,— говорит Иринка, легонько вытягивая свою руку из руки Якова. Но взгляд Иринки, теплый, ясный и все-таки чуть лукавый, никак не может оторваться от его глаз.

2

В углу на печи Иринка увидела пару новых валенок. Сунула руку в один, чтобы узнать, не узок ли носок, мягко ли будет ноге, сунула в другой... и нащупала небольшой, туго набитый мешочек. «Что за чудо?» Иринка вытащила, развязала. «Так и есть, в мешочке — паренки, сушеные морковные паренки! Лиза очень их любит. Ясно — кому эти валенки!» Иринка сунула мешочек обратно в валенок.

Хорошо растянуться на теплой русской печи! Особенно, когда сходишь на речку, выполощешь в проруби белье после большой стирки. Лежа на печке, Иринка следила взглядом за матерью.

Анна Федотовна достала из шкафчика чернильницу, вырвала листок из тетрадки, уселась за стол.

«...Лизе собирается писать»,— обрадовалась Иринка и, свесив голову с печи, внимательно стала вгля-

дываться в лицо матери. Ей хотелось угадать по выражению знакомого каждой морщинкой, каждой складочкой лица, о чем она будет писать. Но мать глубоко задумалась, не отводя взгляда от чернильницы.

Это была простая школьная чернильница — квадратный пузырек, с резиновой пробкой. Горлышко перевязано тонким и прочным шнурочком. Когда Лиза начала учиться в первом классе и им разрешили писать чернилами, мать сама привязала шнурочек к чернильнице и сказала:

— Закрывай пузырек хорошо и привязывай его к ручке сумки. Смотри, не обливай тетради и платье.

Но Лиза, как впоследствии вспоминали отец и мать, в тот же день явилась домой с перепачканными руками, на платье огромное фиолетовое пятно.

Иринка угадала, что мать, задумавшись, видит сейчас маленькую Лизу в шубке с кроличьим серым воротником и в такой же шапке.

Заметив, что Иринка смотрит на нее, Анна Федотовна отвернулась и, достав платок, высморкалась.

— Опять навязался насморк...

— Мама, — начала осторожно Иринка, — ты пишешь Лизе? Напиши, чтобы она приехала! Ведь через месяц — каникулы.

Анна Федотовна вскинула на дочь строгие глаза, покачала головой:

— Нет... Я пишу тете Нюре... Вчера пришло от нее письмо... Елизавете я писать не буду. — Мать отодвинула от себя чернильницу, бумагу. — Вообще об Елизавете нам с тобой рассуждать нечего. Нас она не спрашивала, когда жизнь свою перестраивала. Пусть живет, как знает. Слышать о ней не хочу! Запомни. До чего дошла!.. Прижила где-то там ребенка, только и остается замуж выходить, благо берут еще. Ишь... благодетель какой-то нашелся!

Впервые Иринка видела мать такой негодующей и обиженной. Поседевшие волосы выбились из-под платка, щеки покрыл неровный румянец.

— Надо об учебе думать, а она... Мы с отцом надеялись — инженер из нее выйдет. Наглядеться на нее не могли, а у ней одно на уме было — замуж поскорее выскочить.

Мать, подавив подступившие рыдания, поднялась,

ушла за кухонную перегородку и стала бесцельно передвигать с места на место горшки, кастрюли. Она громко стучала посудой. Вдруг сорвалась с полки кринка, одна, другая, третья, черепки разлетелись по полу.

Иринка соскочила с печи, подбежала к матери, обняла ее за плечи, сбоку заглянула в глаза:

— Мамушка, родная моя... Успокойся. И Лизе там очень тяжело... Успокойся, мама...

Мать нерешительно прижалась к Иринке, может быть, впервые почувствовав в младшей озорной дочке взрослого человека.

Потом отстранила Иринку и, взяв веник, начала заметать глиняные черепки.

— Как хочешь, Ирина, суди меня, но писать я ей не могу — поперек сердца она у меня теперь лежит... Вовек я ей этого не забуду.

Иринка промолчала, но затем, взглянув на разрисованное морозом стекло, как бы невзначай сказала:

— Холода начались... В Москве, передавали по радио, ожидается понижение температуры.

— Пусть понижается! Ничего, наша молодуха с мужем... Не замерзнет...

Мать прошла к вешалке, сняла с нее коротенький полушубок.

— К соседям схожу... дело есть.

Мать ушла, а Иринка достала с печи новые валенки, засунула мешочек с морковными паренками подальше, в самый носок, потом разыскала кусок старой парусины. Когда Анна Федотовна вернулась, Иринка, зашив в парусину валенки, старательно выводила химическим карандашом адрес: «Москва...»

— Кто тебя спрашивает — не в свое дело соваться? — загорячилась было мать. — Тебе же скатаны валенки!

Иринка, подняв на нее карие глаза, спокойно сказала:

— Спасибо, мамушка... Но ведь я за зиму две пары ни за что не изношу — вот и решила поделиться с сестрой.

Мать вздохнула.

«Умница...— подумала она об Иринке.— Душа вся

изболелась о Лизе, а по-другому не могу поступать. Обидно. Ведь валенки-то неделю лежали, глаза мне кололи».

Иринка, продолжая выписывать буквы адреса, рассуждала про себя: «Если Аркадий хороший и есть его за что любить, пусть Лиза любит. Ну, а, если он так себе, не настоящий человек, я свою старшую сестру, наверное, перестану уважать».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

В апреле Лиза получила от матери второе письмо. Анна Федотовна настойчиво требовала приезда дочери домой. «Учеба твоя все равно пошла нынче комом. Ребенок появится и не даст тебе сдавать экзамены. Еще провалишь их совсем. Так лучше и не начинай. Приезжай домой. На будущий год докончишь институт. У нас ведь здание родильное хорошее. А ребенка надо будет купать каждый день и самой тебе в бане надо прогреваться. Приезжай».

— Вот это — другое дело! — сказал Аркадий. — А то думаю: полгода теща не писала, неужели все еще дуется? Ну, а ты, Лиза, как думаешь: ехать — нет?

Лиза на минуту оторвалась от шитья.

— Что я думаю?

Она разгладила на коленях крошечную распашонку, к которой пришивала принесенный Вассой кусочек кружев.

— Я не поеду. Буду рожать здесь. И диплом защищать буду. Не хочу я от своего выпуска отставать.

— Ты вечно о своем выпуске... Меньше всего думаешь о себе и о ребенке.

— О себе некогда думать, а о ребенке еще будет время, все впереди — тогда и увидишь, думаю я о нем или нет.

— Ну, вот уже и раздражение! — сам раздражаясь, сказал Аркадий. Он посмотрел в невеселое, потемневшее от беременности, но все-таки миловидное лицо жены, мельком подумал: «Даже сейчас привлекательна. Удивительно!» И Аркадий не без гордости подумал о том, что не ошибся в выборе. «Есть у меня

вкус! Несомненно. Правда, у Лизы гордости многовато, но со временем пройдет. За последнее время она стала неласковой. Но это, очевидно, связано с ее положением. Скоро буду отцом».

Весь последний месяц, преодолевая усталость, недомогание, Лиза засиживалась над дипломной работой далеко за полночь. Надо было успеть закончить ее.

Лиза часто думала о родной Соколовке. Глубоко в сердце хранила мечту отца... Иногда ее охватывал страх: а вдруг в Соколовке мало торфа? Один-два сезона — и придется свертывать предприятие.

Кружева к распашонке пришиты. Лиза полюбовалась своей работой, улыбнулась, представив себе крошечное розовое существо.

— Аркаша, смотри! — она подняла распашонку.

— Хорошее обмундирование, — пошутил Аркадий. Лиза посмотрела на Аркадия. Ну почему бы ему сейчас не подойти к ней, будущей матери: «Милая моя!.. Устала?..» Но Аркадий уже растянулся в постели с книгой.

Лиза вздохнула.

— Ты чему? — спросил Аркадий.

— Да просто так, ни о чем.

На самом деле, Лиза вспомнила читанный давно рассказ. Там муж поехал ночью в пургу на озеро ловить рыбу, потому что беременная жена захотела ухи.

Лиза ест обычно хлеб и картошку, после которой у нее непременно начинается изжога. Иногда ей очень хочется съесть что-то сладкое, другой раз, наоборот— острое и соленое.

Но Лиза знает: они с мужем — студенты: есть то, что хочется, даже в ее положении, для них далеко не всегда возможно. Дело не только в этом. Если бы дома, у мамы... Аркадий и недогадлив и просто невнимателен.

Как-то Аркадий собирался в магазин. Лиза два раза ему сказала: «Если я не съем хоть хвост селедки, я не могу ничего вообще есть». Но Аркадий забыл о просьбе жены. На другой день она купила селедку сама и больше Аркадию уже не жаловалась.

2

Лиза ехала из института в электричке, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не закричать. Она сидела, боясь разогнуть спину. Ей казалось, что больше она никогда не сможет выпрямиться. На остановке не сразу смогла подняться. Замирая от боли, держась за спинки скамеек, направилась она к выходу.

В районной женской консультации старичок-гинеколог долго и неторопливо осматривал ее.

— Кого ждете? Сына, как все, разумеется?

— Нет, доктор, дочку.

— Редко такой ответ можно слышать. Всем подавай сыновей...— Сердечко шалит у вас,— говорит доктор,— попейте брому. Каковы у вас бытовые условия, кто с вами?

— Муж.

Доктор заглядывает в медицинскую карточку Лизы, медленно читает:

— Студентка, студент... так,— вздыхает. Лиза тоже вздыхает.

— А вы-то чего вздыхаете?

— Да от того же, что и вы, доктор.

— За вами должен кто-нибудь постоянно наблюдать. Бог знает, когда вы родите... Скажите супругу, пусть глаз с вас не сводит.

Лиза собралась уходить. Прощаясь, доктор сказал по-стариковски ворчливо:

— Когда ребенок ваш подрастет, станет студенткой или студентом и вздумает жениться, отлупите его по-родительски, с чувством — пусть раньше времени не блажит. Вы на меня не обижаетесь?

— Нет, доктор. Нисколько. Вы правы.

— То-то.

Дома Лиза передала Аркадию разговор с доктором, и они решили, что Лизе надо ехать к матери, а диплом защищать со следующим выпуском студентов.

3

Поезд мчал Лизу домой. С осени прошлого года она не была там.

Было раннее утро. Лиза смотрела в окно, разговаривать ей не хотелось... Впрочем, и не с кем было раз-

говаривать: женщина на нижней полке читала, а на верхней — мужчина спал беспробудно, негромко похрапывая.

Промелькнуло село, домики которого разбросаны по зеленеющим пологим берегам реки. В селе много черемухи — белые кусты возвышаются над тесовыми крышами.

Вдруг мгновенная резкая боль в пояснице заставила Лизу тихо ойкнуть. Лиза испуганно замерла, но боль так же мгновенно затихла.

Впереди показались станционные строения. Поезд остановился. Лиза вышла и, увидев соленые огурцы, обрадовалась. Купила пару. Но когда вернулась в вагон, есть не захотелось.

На следующей остановке в купе села молодая бледная женщина с ребенком на руках. За женщиной робко вошла в купе девочка лет трех, такая же черноглазая, как мать.

Соседка Лизы, та, что читала книгу, предложила свое место вошедшей, а сама, взяв чемоданчик и книгу, взобралась на верхнюю полку. Женщина окинула взглядом фигуру Лизы, устало улыбнулась:

— Как бы с вами не случилось так, как со мной.

— А что?

— Вот видите,— женщина кивнула на ребенка, завернутого в байковое клетчатое одеяльце: — Дорожная она у меня.

— Неужели? — Лиза сочувственно покачала головой и присела рядом с женщиной. Ей хотелось узнать, как это произошло...— Разрешите мне взглянуть на малышку.

— Взгляните. — Женщина осторожно отогнула уголок простыни, прикрывавшей личико ребенка. «Какая красненькая и... некрасивая», — подумала Лиза, но не могла сдержать умиления, когда увидела, как малышка во сне продолжает сосать, забавно шевеля губками.

— В вагоне разрешилась, — охотно начала рассказывать женщина. — А на следующей станции меня высадили: пролежала девять дней в больнице. У меня, правда, в том городе родственница живет, но к ней не отпустили, сказали, что девять послеродовых дней непременно надо в больнице пробыть. Ну, а эту стар-

шенькую, — она показала на трехлетнюю дочку, — родственница пока у себя подержала. Ой, боюсь, чтобы с вами, матушка, не случилось того же! Ведь у вас девятый, наверное, пошел?

— Да, девятый,— шепнула Лиза, оглядываясь на спящего мужчину: она немного стеснялась этого разговора.

— Ну вот, видите, девятый. А дорога есть дорога— где тряхнет, где качнет...

— Нет, у меня в конце месяца должно быть, не раньше. Так и в консультации мне сказали.

— Хорошо, коли так, — сказала с некоторым сомнением женщина.

Вечером начался теплый майский дождь. Он, косой и мягкий, мыл вагонные стекла. Мелкие капли слезинками ползли по стеклу.

Лиза весь день ничего не ела и сейчас не хотела есть. Начались опять боли. Морщась, она присела рядом со спутницей, которая кормила свою крошку грудью, и шепнула ей, стараясь говорить беспечно:

— А вы знаете, со мной что-то неладно... Неужели вы напророчили?

Женщина испуганно посмотрела на нее и стала расспрашивать. Потом, тихо отняв уснувшего ребенка и положив его на подушку, поднялась с места.

«В консультации ей, видишь, сказали... а родишь ведь не тогда, когда тебе скажут, а когда приспичит...— Женщина взглянула еще раз на спящих дочурок.— Пойду разыщу сестру».

Через несколько минут в купе заглянула медсестра в белой косынке. Она позвала Лизу к себе и тоже обстоятельно расспросила:

— ...На ближайшей станции вам надо выйти.

— Ну что вы? Я хочу доехать хотя бы до Свердловска...

— Она «хочет» доехать!.. Мало ли что вы хотите,— подсчитав что-то про себя, сестра сказала: — Теперь пойдут все маленькие станции, а часа через два будет большая — Канаш, где всегда луком торгуют... Я советую вам высадиться именно там. В Канаше хороший родильный дом. Мне что — рожайте, пожалуйста, в вагоне. Я приму роды — нам не привыкать. Но все-таки лучше бы вы вышли в Канаше. Я вас провожу до

медпункта. А то, не дай бог, в вагоне может быть инфекция, заболеете... Нет, послушайтесь моего совета.

Теперь уже забеспокоилась Лиза:

— А выдержу ли я два часа?

— Выдержите. По всем признакам — все четыре пройдут.

Эти два часа Лизе запомнились на всю жизнь. Она садилась, ложилась, снова вставала, выходила в коридор и, прижимаясь горячим лицом к холодному стеклу окна, расширенными от ужаса глазами смотрела в темноту ночи, которую разрезал мчащийся поезд. Мать девчушек сочувственно вздыхала и советовала:

— Когда схватит, вы считайте, считайте про себя и не заметите, как отпустит...

В первом часу ночи поезд, оглушительно ухнув, остановился на станции Канаш.

— Ну, готова, роженица? — спросила прибежавшая сестра.

Совершенно некстати проснулся мужчина на верхней полке и одурело уставился на сестру.

Спутница помогла Лизе надеть пальто и проводила ее из вагона.

Дождь только что перестал, на деревянном тротуаре, ведущем к медпункту, было скользко. При свете электрических фонарей там и тут блестели лужи.

Из медпункта позвонили в родильный дом. Вызвали скорую помощь.

Лиза присела на скамейку, страдальчески посмотрела на сестру.

— Скоро приедет?

— Сейчас, говорят, выедет.

В это время донесся голос из репродуктора:

— Объявляется посадка.

— Ну, прощай, милая, счастливо тебе, — сестра обняла Лизу и побежала к поезду.

Дежурная по медпункту не очень дружелюбно отнеслась к Лизе.

— И зачем только в таком положении люди куда-то еще едут.

Лиза промолчала. Она не могла говорить и, казалось, потеряла способность что-нибудь соображать. В дверях появился мужчина.

— Я за больной...

— Шофер, санитар, что ли? — спросила дежурная.

— То и другое вместе, — весело сказал он, сбив на затылок фуражку. — Поедемте, — обратился он к Лизе. Та поднялась и неуверенно шагнула к дверям.

— Смелее, гражданка, — подбодрил шофер. — Не бойтесь. В случае чего — службу повивальной бабки могу нести.

На позеленевшем лице Лизы мелькнула слабая улыбка. Она, по совету шофера, села в кабину, рядом с ним.

Проехав несколько кварталов и напрягая все усилия, чтобы не стонать при толчках машины, Лиза спросила:

— Скоро?

— Скоро, — ответил шофер и вдруг остановил машину.

— Дальше нам не проехать. Там больно узкий переулок. Вот идите прямо, я сейчас заведу во двор машину — у нас тут гараж — и сразу же догоню вас.

Не успела Лиза что-либо ответить, как шофер исчез в темноте ночи. Она прошла несколько шагов по скользкому тротуару и нерешительно остановилась. Ее охватило расслабляющее чувство жалости к себе. Одна, беспомощная, совершенно больная. С минуты на минуту может начаться страшное... Как мог Аркадий отправить ее одну и зачем вообще надо было отправлять? Впрочем, он не виноват: она сама решила одна ехать, чтобы не мешать его учебе. И сейчас не к Аркадию Лиза взывала за помощью.

«Мама, Иринка, как тяжело мне... Помогите».

Она не знала, куда идти. Ночь, темно, глухо. Кое-где в домиках мерцают огни. Еще секунда, и Лиза, кажется, закричит от ужаса, одиночества и боли или упадет молча на выщербленный, скользкий тротуар.

Но из темноты раздался веселый голос шофера.

— А вот и я. Вы уж извините меня, но машину-то ведь тоже одну нельзя оставлять на улице...

— А человека можно?

— Но ведь я всего пять минут... Ну, идемте скорее. Держитесь за меня. Вот так. Крепче! И не сердитесь, пожалуйста.

Лиза почти не помнит, как схватилась за шнурок

колокольчика у дверей родильного дома. Как во сне, она увидела широкоскулое лицо женщины в белом халате.

4

— Ну вот и все, готово... И покричать толком не успела... — У изголовья высокого больничного стола, на котором лежала Лиза, стояла пожилая акушерка с марлевой повязкой, закрывающей рот и подбородок. Из-под сросшихся густых русых бровей на Лизу смотрели светло-карие, очень живые, не по летам, глаза.

— Кто... у меня? — спросила с трудом Лиза. Она пыталась улыбнуться, но улыбки, кажется, не получилось: не хватило сил.

— А разве ты не слышала, мы же тебе сразу сказали, еще ребенок не успел у меня в руках пискнуть.

Акушерка сняла с подбородка повязку, улыбнулась хорошей дружеской улыбкой, как бы говоря: «Все в порядке! Страшное позади...»

— Дочка у тебя родилась.— Акушерка вздохнула.— А поди сына ждала? Все ведь вы одинаковы, особенно первородящие...

— Я ждала дочку.

— Вот и умница! — Акушерка хотела отойти, но Лиза слабо потянула ее за руку.

— Ну, что такое?

— Как она?..

— Хорошая... Голосистая.

— Кушать, наверное, хочет...

Карие глаза с материнской нежностью посмотрели на Лизу.

— Рано. Она еще не будет сосать. Нужно выдержать несколько часов. — Акушерка еще раз внимательно посмотрела на Лизу и, переходя на «вы», добавила: — А дочурка, вспомните меня потом, на вас будет похожа. Любавушка! — позвала она в открытую дверь: — Поспеши-ко сюда с тележкой.

В дверях появилась молодая широкоскулая женщина с завидно ярким румянцем. Перед собой она катила больничную тележку. Акушерка и санитарка Любава подошли к Лизе. Она, приподнявшись на локте, запротестовала:

— Да что вы! Я сама смогу уйти.

— Ишь, какая храбрая! — возразила акушерка. — Кто вам позволит? Давайте-ка с нашей помощью, вот так, вот так, боком переваливайтесь на тележку... Ну и все... Любавушка, прикрой ей ноги одеялом.

Санитарка укутала ноги Лизы байковым серым одеялом, что-то сказала акушерке. Та, видимо, соглашаясь, качнула головой. Лиза вопросительно посмотрела на нее.

Любавушка сказала по-чувашски, что вы красивая. Да и как вас звать, спрашивает.

Лиза смущенно и почему-то робко посмотрела на Любавушку, негромко промолвила:

— Меня Лизой звать, Люба.

— Ага, Лиза, — санитарка кивнула и потрогала ее разбросанные по подушке косы.

— Длинные.

— Да, длинные, — улыбнулась акушерка. — Ну, Любавушка, поехали!

В палате, где лежала Лиза, было семь родильниц. Пятеро — чувашки, двое — русские. Почти все чувашки говорили по-русски. Лиза быстро освоилась в палате, женщины сочувственно отнеслись к ней. К каждой из них приходили родственники, друзья, знакомые. К Лизе никто не мог придти.

Особенно подружилась Лиза с молоденькой маленькой и крепкой чувашкой Мотей. Та уже ходила. Она одна из первых подсела к Лизе, разговорилась с нею. Охала, ахала и тихонько взвизгивала от удовольствия, слушая рассказ Лизы о Москве, институте, о себе.

— Мотя, а где ты работаешь?

— Да нигде, — не без гордости ответила она. — Мой мужик, как мы поженились, велел мне не работать.

— Зря.

— Почему ты так говоришь — «зря»? Он меня жалеет. Мне и по дому хватает работы.

— Вот именно, хватает. Но ведь у тебя есть свекровь — пусть возится с хозяйством, а ты-то зачем в него лезешь?

— Нет, я с тобой не согласна, — упрямо сказала Мотя. — Пробуй лепешки. Свекровь их принесла, она хоть и ворчит на меня, а уважает — каждый день при-

ходит. Я внука ей в окно показываю. Мой мужик у нее один сын. Больше нет, остальные пять — сестры.

На соседней койке лежала средних лет женщина, Маруся, курносенькая, с продолговатым худеньким лицом, не похожа на чувашку. Она была учительницей начальной школы. Почти всегда Маруся молчала.

Лиза как-то спросила у Моти:

— Почему Маруся такая грустная?

— Загрустишь, небось. Третью девку принесла.

— Ну и что же? Она ведь не виновата.

— Не виновата, а все равно невесело. Мужик-то тоже от такой радости не запляшет.

Лиза взглянула в сторону Маруси. Она лежала с полузакрытыми глазами. Вид у нее был усталый, грустный. Лизе сделалось нестерпимо жаль ее.

В коридоре послышался звон посуды. Внесли большую эмалированную кастрюлю с супом, поднос с тарелками.

Лиза с удовольствием съела мясной суп, заправленный крупой. На второе были блинчики с медом. Сестра-хозяйка сказала Лизе:

— Попробуйте нашего канашского меду! Здесь у нас и луку много, и меду,— и многозначительно улыбнулась: — В жизни ведь тоже так бывает: и сладкое, и горькое уживаются! — Она вздохнула.— Лучше бы без горького, да что поделаешь? Ешьте, ешьте, нечего меня, старую болтунью, слушать.

Наступил час отдыха. Мирно посапывала носом худощавая пожилая чувашка с некрасивым рябым лицом. Ее привезли в палату вскоре после Лизы. Сын достался ей нелегко. Родить в сорок лет впервые — не шутка.

Лиза мучилась, коротая «тихий час». Спать ей не хотелось, она не привыкла спать днем. Да и дело было не только в непривычке. Молодую мать томило нетерпенье. После «тихого часа» — скорей бы он прошел — в дверях появится всеми любимая нянюшка — детская сестра, у нее марлевая повязка на лице и два, а иногда и три сразу свертка в руках.

Ой, уже эти куколки в байковых голубых одеяльцах! Надо видеть матерей в тот момент. Их глаза, руки — все существо женское тянется навстречу

нянюшке. С бережной нежностью берет каждая женщина свой сверток-куколку с розовато-желтым личиком, слипшимися глазками: «Мой», «моя»...

Когда Лиза в первый раз взяла свою дочурку и неумело коснулась грудью ее ротика, девочка плаксиво сморщилась и не хотела сосать, потом начала кричать. Лиза беспомощно оглядывалась вокруг и, не выдержав, залилась слезами. Слезы падали на личико дочурки. Подошла, не отнимая от груди своего сына, Мотя, покачала головой.

— Опять ревет... Я только один раз ревела. А ты уже третий. Потяни сосок. Он у тебя маленький, как кнопка, вот девка и ревет — нечего ей в рот взять.

Как только разрешили Лизе ходить, она подошла к Марусе. Та нисколько не удивилась.

— Вы часто смотрите в мою сторону, и я так и думала — мы обязательно разговоримся с вами. Вы угадали: мне не то, чтобы тяжело, мне просто как-то не по себе...—Маруся отвернулась и тихо закончила: — Меня не радует появление ребенка. Я сама себя осуждаю, но... не могу. И Мария Андреевна так меня стыдила... Она вам нравится? Хороший человек!

Лиза подтвердила. Ей тоже нравилась акушерка Говорова. Маруся продолжала:

— Муж у меня очень славный. Он тоже учитель. Утешает меня, а ведь и ему нерадостно. Мне обидно, что так и не могла родить ему сына.

— Это не от вас зависит, — улыбнулась Лиза. — И, по-моему, грустить об этом не стоит... — Лиза оживилась. — Я бы нисколько не огорчилась, пусть бы у меня хоть пять девочек родилось!

— Ну уж, скажете!

— Нет, честное слово! — В этот момент Лиза верила в то, что говорила, — так ей хотелось утешить Марусю. — А у Карла Маркса все одни дочери были... и он нисколько не огорчался, а любил их!.. А Чехова вы любите? Помните пьесу «Три сестры»? Какие они все там чудесные... Маша... Ирина... — Лиза рассмеялась: — А третью как звать — забыла... Слушайте, Маруся, а давайте вашу дочку назовем — знаете, как?

— Как?

— Ириной! — Лиза вздохнула. — У меня есть сестра Иринка.

— Вы любите свою сестру, я вижу...

— Очень! — с жаром воскликнула Лиза. — Если бы вы видели ее: бойкая, умная, смелая! Ну, совсем не такая, как я. Знаете, кем она хочет быть?

— Кем?

— Журналистом! Будет писать в газету, журналы, а может быть, — Лиза вдруг положила руку на плечо Маруси, — напишет книгу о нас с вами... Ну, назовете дочку Иринкой? Договорились?

Маруся протянула бледную руку Лизе.

— Договорились, — и, полузакрыв глаза, она произнесла ласково и нерешительно: — Иринка...

Вскоре все заметили, что Маруся повеселела и, беря девочку из рук няни, улыбается ей. Лиза искренне радовалась.

Она понимала — проснулось в Марусе материнское чувство.

5

Надоело читать и думать о незаконченной дипломной работе. Лиза попросила Любавушку купить белых ниток и вязальный крючок.

— На, вяжи... Что будешь — салфетку или просто кружева? — Любава присела на край Лизиной кровати, потрогала кончик ее косы, просительно посмотрела на Лизу.

— Дай заплету...

Лиза улыбнулась:

— Пожалуйста.

Расчесывая длинные Лизины косы, санитарка что-то ласково мурлыкала по-чувашски. Потом, когда заплела косу туго-туго, обвила ее вокруг головы.

— Так ладно?

— Положи косу сюда, заколи шпильками.

Любава быстро выполнила просьбу Лизы и опять с откровенным восхищением посмотрела на нее.

— Мужик тебя, наверно, шибко любит, — сказала она.

— Да, — поспешно ответила Лиза.

6

Лизе принесли телеграмму.

«От кого? — думала она, дрожащими от нетерпе-

ния пальцами разворачивая телеграмму. — От Аркадия я получила, от Иринки — тоже... Неужели... Нет, мама не пошлет!»

«Дорогая Лиза поздравляем дочкой желаем здоровья Пятый курс».

Весь день Лиза была необычайно весела. Она прочла телеграмму вслух и принялась рассказывать своим соседкам о подругах и товарищах-студентах. С нетерпением ждала вечера: ей хотелось поделиться радостью с Марией Андреевной. Бывает так, двое людей, не высказывая взаимных симпатий, невольно тянутся друг к другу. Лизе нравилась акушерка.

Мария Андреевна вошла в палату, ведя за руку подвижного веселого мальчика лет трех и говоря ему:

— Ты ведь хотел посмотреть маленьких ребяток, вот давай и посмотрим... Знакомьтесь — мой племянник Андрей Максимович Говоров... Мама у нас ушла на концерт. Ну, я и забрала его с собой. Спит он спокойно. Переночует в ординаторской.

— Одеяло я принес,— заявил Андрейка, чисто и резко выговаривая каждое слово.

Лиза с улыбкой смотрела на Андрейку. «И моя когда-нибудь такой будет».

— А где Галинка? Я хочу играть с ней.

— Ой, братец ты мой, вот играть-то тебе с ней не придется, а посмотреть, ты ее посмотришь...

— Вот она...

Лиза осторожно повернула спящую Галинку личиком к Андрейке. Мальчик, вытянув шейку, с любопытством взглянул на крошку.

— Она не умеет разговаривать? — спросил он Лизу, остановив на ней серьезные зеленые глаза в темных прямых ресницах.

— Нет, не умеет, Андрюша... Она умеет только плакать.

— Громко?

— Громко.

Видно было, что Андрейке очень хочется услышать, как умеет плакать Галинка. Желание его тетя вовремя разгадала.

— Пойдем, Андрюша, пусть Галочка спит.— Она хотела взять мальчика за руку, но тот отстранился.

— Немножечко еще, тетя Маша... — попросил он.

— Что «немножечко»?

— Посмотрю.

Андрейка присел на край койки. Мария Андреевна и Лиза между тем вполголоса разговаривали. Лиза поделилась с акушеркой своей радостью.

— Ну, и как вы все-таки думаете, Лиза, ехать к маме или снова в Москву?

— Не знаю, Мария Андреевна, еще не решила.

Мария Андреевна полушутя упрекнула:

— Экая ты, мать моя, нерешительная. Ну-ну, думай... — она взглянула на Андрейку и тихонько потрогала Лизу за плечо, указав глазами на племянника. Мальчик, вглядываясь в личико спящей Галинки, невольно повторял ее гримаски во сне.

— Он у вас будет богатырь, смотрите, у него сейчас уже плечи широкие...

— В отца, — уверила Мария Андреевна. — Как увидите Максима, так сразу догадаетесь, что он отец Андрейки! И надо же такому получиться — вы из Соколовки, тамошняя, а мы туда собираемся! Если будете после института работать там, то ведь, может, соседями жить придется. — Она обратилась к Андрейке, который уже, насмотревшись на Галинку, потихоньку тянул ее за рукав, выражая свое нетерпение идти куда-то еще: — Андрюшенька, тетя Лиза жила там же, в Соколовке, где сейчас твой папа.

— Ага! — он обвел вокруг себя рукой и, подражая тете, сказал: — Спло-о-шные леса!

Женщины рассмеялись, Мария Андреевна мечтательно произнесла:

— Соскучилась я по сосновому бору. Ой, Лиза, до чего я по всему, по уральскому-то соскучилась! Извините меня, старуху, болтаю я тут...

Лиза засмеялась:

— Ну, какая же вы старуха!

— За сорок давно перевалило! — сказала Мария Андреевна. Видно было, ее самое смешило слово «старуха» по отношению к ней. — Вам отдыхать пора. Давайте-ка нашу невесту, я унесу ее в спальню. — Мария Андреевна ловко подхватила на руки Галинку и, позвав Андрейку, пошла из палаты. — Спокойной ночи, мои голубушки! — обернулась она к женщинам.

7

Лиза собрала свои немудрые пожитки: книгу, вязанье, круглое зеркальце. Прощаясь, подошла к каждой женщине. Когда Лиза протянула руку пожилой чувашке, та, пожав ее, выдернула из-под подушки что-то завернутое в газету. Развернула, разгладила на сером байковом одеяле, салфетку, которую только что довязала. Лиза похвалила:

— Очень хорошо получилось. Красиво.

Чувашка закивала головой и, быстро завернув салфетку снова в газету, протянула Лизе.

— На...

Лиза с минуту растерянно смотрела на немолодое в оспинках лицо. Смущенная и просящая улыбка скрашивала его.

— Спасибо, — Лиза обняла женщину. — Пусть растет хорошим твой сын.

Та, улыбаясь, кивнула.

Растроганная, Лиза прошла в раздевальную. Там Мария Андреевна укутывала в одеяльце Галинку.

— Ну, вот и все, — вздохнула Мария Андреевна.— Будь здорова, милая. Сердце подсказывает — увидимся.

— Наверное.

В коридоре ждал Аркадий. Он сдержанно расцеловался с Лизой.

— Поздравляю с дочкой.

— И я вас поздравляю, — сказала Мария Андреевна, подавая ребенка Аркадию. Он взял дочку, с улыбкой произнес:

— Не сын, но что поделаешь!

С Марии Андреевны сразу слетела вся торжественность. Взглянув на смущенную Лизу, которая сейчас почему-то напомнила ей маленькую обиженную девочку, она сердито проговорила:

— Ну, уж сына-то вы сами родите! Может быть, вам это и удастся. — И, полуобняв еще раз Лизу, вышла.

Аркадий пожал плечами:

— Ну, персонал, вижу я, не из вежливых здесь.

— Нет, Аркаша, чудесный! Все они такие хорошие... А забавно, у нашей дочки место рождения —

Канаш. Куда бы она ни поехала — в Москву, из Москвы,— всегда будет проезжать через свою станцию... Ну, я готова.

— Пошли. А дочке место рождения неужели ты думаешь записать Канаш?

— Конечно.

— Глупости. Только Москва!

Лиза промолчала.

Они подходили к станции.

— Поезд на Свердловск приходит через два часа. Очень удачно. Я успею тебе закомпостировать билет.

— Не надо компостировать...

— Это еще почему?— от удивления Аркадий остановился.

— Я поеду обратно в Москву.

— Ты с ума сошла! С ребенком... что ты там делать будешь?

— Защищать диплом, Аркаша. — Лиза взяла из рук мужа дочку, улыбнулась ей: — Смотришь, не спишь, моя глазастенькая. Узнай, пожалуйста, Аркадий, когда идет поезд на Москву.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

— Маловато мы с вами бываем на участках, Виктор Власьевич.

Позвоночников вскинул на Говорова бесцветные, как говорят в народе, «простоквашные» глаза, хотел что-то возразить, может быть, даже резкое, но только вежливо улыбнулся:

— Рационализаторскими предложениями, Максим Андреевич, был занят. Рассматривал... Уточнял.

— Одно другому не мешает. Наоборот. Теоретические рационализаторские предложения постарайтесь проверить на практике... Не за столом. Я тоже не частый гость на участках — канцелярия, черт бы ее побрал, в последнее время засасывает.

Позвоночников, не погасив все той же вежливо-заискивающей улыбки, в душе страшно злился на Говорова: этот главный инженер — здесь без году неделя, а командиром производства словно всю жизнь был. Да ему, Позвоночникову, даже директор до сих пор замечаний не делал. Что Говоров в самом деле

хочет, чтобы он пропадал там и по вечерам? Нет уж, спасибо. Он, Позвоночников, человек еще молодой, холостой и должен культурно развлекаться. «А с другой стороны, — подумал Виктор Власьевич, — если главный инженер говорит так о нем и о себе, значит, и на открытом собрании не скажет, что он, Позвоночников, не бывает в гуще производства».

И Виктор Власьевич сразу повеселел.

Посмотрев на задумавшегося Говорова, он сказал почти ласково:

— Грустите, Максим Андреевич? О чем-нибудь или... о ком-нибудь?..— Но тут же, испугавшись фамильярного, как ему показалось, тона, перешел на серьезный:— Вы, наверное, скучаете о жене, о доме?..

Максим Андреевич промолчал, взглянул в раскрытое окно дрезины. Мимо мелькали стволы деревьев — сосна вперемежку с березой. Но вот тяжелая и плотная стена леса кончилась, и на смену ей, откуда ни возьмись,— молодая, кудрявая, в искринках невысохшей росы, ярко-зеленая поросль.

Говоров вдохнул наполненный ароматом воздух.

«Почему я почти не вспоминаю Нину? Все последние дни, наверное, целый месяц... Нет, вспоминал, но не грустил... не ждал...» На минуту Максим Андреевич представил: вот здесь, в лесу, вот у этой старой задумчивой березы, сейчас он встретил бы Нину... Конечно, это было бы чудесно. Конечно, они обрадовались бы друг другу. Под развесистым зеленым шатром кряжистой березы хорошо постоять молча, обнявшись, смотря вдаль.

Но что бы сказала Нина, поздоровавшись, поцеловав его. Она бы, наверное, сказала: «Пойдем от этой противной березы... С нее сыплются муравьи...»

Мелькали сосны, сливаясь в сплошную красновато-зеленую массу. Синяя горячая даль казалась ощутимой, доступной.

«Вот,— улыбнулся про себя Говоров,— пойди, поймай эту синюю птицу. Она и дальняя и близкая, как мечта. Мечтает человек прожить не зря — отдать себя делу не жалея. И от жизни взять все, что ему положено: человеческое, простое и красивое, иными словами,— необходимое. Но далеко не всегда так получается. Вообще может не получиться. И все-таки...

Если искать, не успокаиваясь, спорить, не уставая... Главное — мечту не надо терять, всегда видеть перед собой эту синюю птицу, близкую и заманчивую».

Сощурив глаза, Говоров продолжал следить за извилистой, бегущей линией леса: «А все-таки я тебя когда-нибудь, да поймаю, чертовку!»

2

Там, где кончалось торфяное поле стилки, рос лабазник — невысокие белые цветы с пушистыми соцветиями на упругих и тонких стеблях. Говоров и Позвоночников почти одновременно сорвали по цветку.

Ударяя венчиком цветка о ладонь и следя за пушистой рванью, падающей к ногам, Позвоночников молча шагал рядом с Говоровым.

Максим Андреевич был рад молчанию Позвоночникова. Этот приторно-вежливый, весь какой-то скользкий человек вызывал в нем что-то вроде брезгливости, и скрывать это ощущение Говорову было трудно.

Они приближались к багеру. Уже был слышен тихий шум мотора. На площадке показался багермейстер Шатров. Сняв с седых кудрей потрескавшуюся кожаную фуражку, он махал им. Взглянув на этого стареющего богатыря, с красивым и умным лицом, Максим Андреевич невольно подумал: «Наверное, мой отец вот такой же был бы на старости лет. Добрый, умный, напористый».

Максим Андреевич с уважением пожал руку Шатрова. Тот снова вошел на агрегат, включил мотор. Ковшовые цепи поползли в карьер. Наполненные черной торфяной массой ковши поднимались к элеватору машины, там мокрый торф измельчался и падал в воронку. А оттуда выходили готовые кирпичи. Они попадали на доски, которые двигались по натянутым тросам. Работницы подхватывали доски и, неся перед собой, быстро опрокидывали кирпичи на землю.

Работницы приехали из Башкирии на сезон. Невысокие, ловкие, они быстро и хорошо работали. Взгляд Позвоночникова задержался на чернобровой длиннокосой девушке в белом платке.

— Хорошо работает. Взгляните, Максим Андреевич,— и он указал на девушку с черной косой.— А?

— Машина работает лучше, Виктор Власьевич,— усмехнулся Говоров. Он все еще держал в руке цветок. Цветок завял, но Максим Андреевич, вместо того, чтобы выбросить, сунул его в карман куртки.

— Машина, говорите, лучше?— с деланным добродушием спросил Позвоночников.

— В следующем сезоне мы всех девушек от багера уберем.

— Да, да, я об этом задумывался, тут надо что-то преобразовать.

— И преобразовывать не надо!

— То есть как не надо?— Позвоночников смущенно посмотрел на Говорова, но сказал с чувством собственного достоинства.— Не обижайтесь, Максим Андреевич, но вы отстали от жизни. Сейчас рационализация — превыше всего. Преобразовать, перестроить, реконструировать — и все в этом роде!— Позвоночников делал неопределенные жесты пальцами музыканта.

— Видите ли, скоро будет серийный выпуск стилочных машин... Они сами, без людей, расстилают по полю кирпичи... Знаете, такими ровными, длинными лентами... Здесь с рационализацией, Виктор Власьевич, мы с вами опоздали. Кстати, о стилочных машинах полгода назад в журнале «Торф» писали.

Максим Андреевич уловил мгновенное замешательство Позвоночникова, но сделал вид, что не заметил: всегда щадил самолюбие людей.

— В каком номере журнала было? — спросил Позвоночников.

— Не помню.

— Я так и знал! Именно этот номер я, наверное, не получил.. Представьте, пропало несколько номеров «Торфа», апрельский «Огонек» и еще что-то из газет... Такая уж почта здешняя. Я вас попрошу, дайте мне этот журнал, пожалуйста.

Потом Говоров и Позвоночников обошли весь участок, побеседовали с начальником и техническим руководителем. День близился к вечеру.

Возвращаясь на дрезине, Максим Андреевич и Позвоночников услышали позади себя быстрые шаги. Их догоняла та самая девушка, на работу которой заглядывался главный механик. Платок от быстрой

ходьбы упал на плечи девушки, и черные волосы ее беспорядочно выбивались из косы.

— Проглядела тебя, главный инженер, когда ты прошел с поля. Еле догнала.

— Но все-таки догнала,— игриво улыбаясь, заметил Позвоночников.

— Максим Андреевич,— сказала девушка, обращаясь только к Говорову,— моя бригада не слушается меня... Уберите меня с бригадиров.— Лицо ее приняло плаксивое выражение.— Не умею я с ними, вон они все какие бойкущие.

— Но и ты, видать, не из робких,— вставил Позвоночников.— Почему тебе не нравится в бригадирах ходить?

Не взглянув на него, девушка продолжала:

— Не уберете меня из бригадиров, к самому директору побегу — отпрошусь. Что зря меня держать! Я не умею командовать, я работать могу — сама. И девушка протянула вперед руки вверх ладонями, на которых тонкими линейками вырисовывалась торфяная пыль. А, если не уберете,— она тряхнула головой,— ни полдня здесь не останусь — в Башкирию к себе уеду — и поминай наших!

— Ну, хорошо-хорошо, успокойся, Багирова,— сказал Говоров,— ты сейчас иди работай. Нам нужно ехать, мы торопимся, а завтра придешь ко мне, и мы обо всем переговорим с тобой, посоветуемся, как лучше.

— Прощайте покуда.— Багирова повернулась и пошла обратно по тропинке.

— С характером девица,— Позвоночников поправил галстук. Он умел поправлять его по-особенному, оттопырив мизинцы обеих рук.— Своенравный народец.

— Кто — башкиры? — полюбопытствовал Говоров.

— Да нет, женщины. Ну, бог с ними!— Он взял под руку Говорова.— А знаете, Максим Андреевич, сегодняшний наш выезд доставил мне большое удовольствие.

— И только? — иронически усмехнулся Говоров.

Позвоночников не понял его, замигал в недоумении короткими серыми ресничками.

3

Выхода многотиражной газеты на торфопредприятии ждали давно. Очень хотелось соколовским торфяникам иметь «свою» печатную газету, какую имеет каждое хоть сколько-нибудь уважающее себя предприятие.

И вот «своя» газета ходит по рукам. Она совсем свежая. Свежая настолько, что у тех, кто читает ее, остаются на пальцах отпечатки букв.

В обеденный перерыв багермейстеры, их помощники, слесари-профилактики собрались в кружок. Одна за другой подходили женщины, работающие на уборке торфа. Их цветные платки и кофты запестрели между синими и черными спецовками мужчин.

— Передовица дельная!

— И письма трудящихся есть! Правильно работницы жалуются на торфоснаб — почему не привозят шерстяных и шелковых тканей...

— Слесарю третьего участка досталось... Пусть лучше ремонт производит.

— О! А вот Шатров на снимке-то вышел не шибко...

— Да, подкачал передовой багермейстер.

— Не я подкачал, а фотограф!— Степан Петрович улыбнулся, но ему все-таки было неприятно, что в газете он мало на себя похож. Да и поза у него какая-то неопределенная. Стоит Шатров у своего багера, опустив руки, и в небо смотрит.

Ирина Дружинина (она во время каникул работала секретарем редакции) успокоила Шатрова:

— Ничего, Степан Петрович, в следующий раз лучше снимем.

Первый номер газеты всем понравился, за исключением тех, разумеется, кого многотиражка зацепила. А слесарь третьего участка Михеев, хотя и был «зацеплен», сказал одобрительно:

— Гляди ты, вся газета-то на две цигарки, не больше, а места на многих хватило.

Главный инженер Максим Андреевич, получив газету, тоже был рад.

В первом номере подвалом шла его статья об использовании резервов производства. Хотя редакция

сократила ее наполовину, однако содержание статьи нисколько не пострадало.

Но больше всех появлению газеты радовалась бригадир Марфуша Багирова.

...Широкая лента бледно-зеленого лунного света падает на ковровую дорожку на полу. Узор дорожки такой яркий, что даже при лунном свете он совсем мало меняется. Марфуша поворачивается со спины на бок и, опираясь локтем о подушку, мечтательно улыбается. Длинные черные косы падают с плеч до самого пола. Марфуша улыбается тому, что вот уже неделю она живет в светлой и уютной комнате образцового общежития, что от ее мужа сегодня пришло хорошее, наконец, письмо. Он, видимо, перестает сердиться на самовольство жены. А больше всего она улыбается тому, что сегодня о ней напечатали в газете. Еще бы! Заметочка, правда, небольшая, Марфуша подсчитала: всего в ней 26 строчек. Но зато там прямо так и сказано: «Лучшая работница предприятия Марфа Семеновна Багирова ежедневно перевыполняет производственное задание». Газета советует всем торфяницам, работающим на уборке торфа, учиться у Марфы Багировой.

Марфуша обвивает вокруг головы косы. Мысли ее уносятся в родную деревню. И что сердится муж? Детей у них еще нет — как раз самая пора поездить, бел свет посмотреть, на производстве поработать. Ведь она заключила договор на год. После она может снова поехать домой.

Марфуша вздыхает. Нет, она все-таки мужа перетянет сюда. Обязательно. А чтобы он поверил, что его жена не последний человек на предприятии, пошлет ему газету с заметкой.

Марфуша шарит рукой под подушкой, вытаскивает оттуда вчетверо сложенную газету, замотанную в цветастую шелковую косынку, развязывает зубами маленький крепкий узелок. Хотелось бы свет включить, да подружка так сладко похрапывает. Но и без света Марфуша знает, в каком месте газеты напечатана про нее заметка.

Она не пошлет, пожалуй, мужу газету. Еще затеряется на почте. Как же быть? Потом она спохватывается. Чудачка! Да завтра она попросит у кого-

нибудь еще одну или купит на почте сразу несколько штук и пошлет в деревню.

Марфуша снова бережно завертывает газету в платок, кладет под подушку и, успокоенная, счастливая, вскоре засыпает.

4

Раздеваясь, Максим Андреевич вполголоса напевал:

По проселочной дороге
Шел медведь к своей берлоге
И, шагая через мост,
Наступил лисе на хвост...

Напевал, а сам видел перед собой засыпавшего сынишку. «Родной ты мой, Андрейка!— И опять вспыхнула досада на жену.— И чего она так долго тянет с приездом».

Максим Андреевич обвел взглядом комнату. На миг представил в ней Андрейку и Нину.

«Неужели бы мы втроем не прожили несколько месяцев и в этой комнате?»

Максим Андреевич знал, что сейчас ему все равно не удастся заснуть. Бесполезно ложиться спать. «Напишу Нине!— решил он.— Пусть собирается».

Говоров писал жене, что дом, в котором он должен получить квартиру, уже построен, заканчивают отделку, звал ее скорее приехать.

Запечатав письмо, он стал просматривать записи, сделанные им на заседании бюро рационализаторов.

«Какая все-таки, черт возьми, светлая голова у старика Шатрова! Простейшую вещь предлагает сделать, а она изрядно облегчит работу багермейстера, да и качество улучшится. Сейчас мы подведем кой-какие конкретные цифры...» Максим Андреевич достал из футляра логарифмическую линейку и занялся вычислениями.

Было далеко за полночь. В открытое окно потянуло сыроватой прохладой. Максим Андреевич взъерошил рукой свои вихрастые волосы. «Дорогой ты мой старик, а ведь получаются интереснейшие цифры!» Потом он вскочил, сбросил с себя верхнюю одежду и лег на диван. «Хоть перед рассветом, да надо вздремнуть...»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Галинке пошел третий месяц. Толстенькая коротышка, она, по мнению молодой матери, была «очень умным ребенком». Стоило ее распеленать, она начинала перебирать враз ножонками и ручонками, вращала глазами, силилась улыбнуться. «Все понимает!»

Лиза многому научилась. Прошло время, когда она боялась брать в руки это крошечное розовое тельце и не умела запеленать дочку.

Теперь уже Лизу не удивляло, зачем так много пеленок послала Анна Федотовна. То и дело приходилось их вытаскивать из-под Галинки, стирать, полоскать, сушить.

Вот и сейчас Лиза стояла над тазом с пеленками, от нетерпения переступая с ноги на ногу, ласково уговаривая хныкавшую Галинку:

— Что возишься? Или опять пеленка сырая? Подожди. Сейчас постираю, накормлю, и попробуй только не усни, беспокойное созданье! Мне заниматься надо, горе ты мое!

Через какую-то неделю защита диплома, а потом государственные экзамены. Лиза с трепетом ожидала их. Она вскакивала среди ночи, чтобы покормить дочку, а потом до утра сидела и занималась, думая об одном: «Лишь бы не проснулась Галинка, лишь бы дала позаниматься!» Постоянно болела голова — результат бессонных ночей и плохого питания. От прежней Лизы остались одни глаза.

Пришел Аркадий. Лиза попросила его занять дочку. Он подошел к кроватке:

— Агу-агу. Лиза, пройдет какой-нибудь месяц, и она будет «агу» говорить, вот увидишь!

— А ты знаешь, Аркаша, когда у меня появилась сестренка, мне было пять лет. Начала она первые звуки издавать: агы, агу — ну и обрадовалась же я! Говорю маме: Иринка наша буквы знает!

— А ты сама знала буквы тогда?— спросил Аркадий.

— Да, я уже хорошо читала и некоторые детские книжки наизусть выучила: «Девочка чумазая» или

Маяковского «Кем быть?» Меня мама по вечерам учила.

Лиза уловила иронический взгляд Аркадия.

— Нет, Аркадий, ты не думай, что я хвастаюсь: вот, мол, какая умная, в пять лет научилась читать. Совсем нет. Я не придаю этому значения. Можно и в пять лет уметь читать, а потом ничему не научиться.

— Бывает,— заметил Аркадий, продолжая покачивать на руках Галинку.

Лиза вышла в сени, разожгла примус, поставила подогреваться суп, вернулась в комнату. Галинка заплакала.

— Кушать она хочет... иди ко мне, моя девочка.

Лиза бережно взяла ребенка из рук Аркадия, завернула в одеяльце и начала кормить. Обняв одной рукой дочку, она другой придерживала грудь, прикрытую полой халата.

Большое, волнующее чувство охватило Лизу. Ей захотелось сказать Аркадию что-то значительное, сокровенное, помечтать вместе с ним о будущем.

— Знаешь, Аркаша, мне кажется... когда я буду на производстве, я смогу заниматься и научной работой! В нашем торфяном деле куда ни шагни — всюду проблема. Механизация, сушка торфа — все это темы, над которыми работай да работай.

— Ну, против механизации только глупец может возражать. Чем больше машин в любом производственном процессе, тем лучше. Но ведь ты не механик...

Он пожал плечами и равнодушно продолжал:

— Какие ты машины можешь... выдумать? Ну, а если говорить о сушке торфа, то я не вижу, над чем тут, собственно, думать...

Лиза осторожно положила в кроватку сытую, засыпающую Галинку, снова села к столу.

— У нас на Урале лето короткое и не очень жаркое. Торф иногда сохнет страшно плохо... И тут надо что-то изменить...

— Обогревательные печи в подспорье уральскому солнцу поставить?

Лиза с упреком взглянула на Аркадия.

— Тебе смешно, Аркадий, я вижу...— Лиза запнулась. Потом вся вспыхнула, глаза потемнели:— Я жалею, что начала говорить с тобой. Если хочешь знать,

я сама не уверена... могу ли я хорошо работать. Еще не защитила диплом... У меня на руках ребенок. Ободряющее слово! Разве ты можешь его сказать? А я-то жду...

— Тебе ничего невозможно сказать. Ты любишь только дифирамбы, а их я не умею петь. И не люблю кривить душой. Я в торфодобыче не искушен, но я тоже изучал физику, механику, и твоя сушка торфа какими-то особыми способами,— он едко усмехнулся,— какими, ты еще сама не знаешь, мне кажется ерундой!

— Ерундой?!— губы Лизы дрожали, но она старалась говорить спокойно:— Ты хоть бы в словах был несколько разборчивее. Может быть, и то, что я думаю стать инженером тоже для тебя ерунда?

— Ну, не загибай, что не следует...

Аркадий снял ботинки. Не поднимаясь со стула, оттолкнул их ногой к порогу, посмотрел на свои носки:

— Один продырявился. Заштопай, пожалуйста.

— Хорошо. Положи его на стул, чтобы я не забыла,— ответила Лиза сухо. Накрывая на стол, она упрямо сказала:

— И все равно, я собираюсь не только диплом защищать, но даже и диссертацию со временем. Пусть даже это тебя смешит, а буду.

— Ученые жены! Им все кажется, что они решают «проблемы». Закипит самовар — они и на эту тему согласны диссертацию писать. Как же — проблема кипения!.. Ну, а на твоем бы месте я трезвее смотрел на вещи: надо вначале инженером стать, а потом об ученой степени беспокоиться.

Лиза вышла в сени. Примус чадил, обволакивая черным бархатом кастрюлю. Прыгала крышка, брызгал суп. Лиза стояла и думала: ей что-то надо сделать. И не знала, что. Потом машинально погасила примус.

2

Васса Остапчук с Галинкой на руках ходила вокруг флигеля. Ходила осторожно, так как к флигелю почти вплотную подступали гряды.

— Вон смотри, Галочка, картошка растет, а вон — лучок... Он горький, ух... сердитый.

Галинка следила за меняющимся выражением лица

Вассы, не переставая хныкать. Руки Вассы устали, надоело ей колесить вокруг флигеля, но остановиться, присесть на межу было нельзя: Галинка тотчас начинала звонко и голосисто плакать.

— Какая ты несознательная, право,— упрекнула Васса.— Мама ушла защищать диплом. Тебе ясно это, плакса? Впрочем, что-то уж очень долго нет Лизы и Аркадия. Уж не провалила ли твоя мати диплом?.. Вот тогда заревете с ней разом...

«Нет, Лиза должна защитить!— думала Васса.— Рецензент так хорошо отозвался о ее работе!» Вассе очень хотелось быть на Лизиной защите диплома. А вот не получилось! Должен же кто-то побыть с ребенком, не Аркадию же оставаться, когда жена переживает такой решающий момент. Да если бы ее, Вассин, муж защищал диплом, она бы за тридевять земель приехала к нему. «А вообще я замуж скоро не пойду,— думала Васса, продолжая ходить около флигеля.— Что дальше будет, а пока я Лизе не завидую!»

Вдруг калитка распахнулась, и сияющая Лиза помчалась к флигелю. На ее бледном лице давно уже не бывало такого яркого румянца. Лиза с ходу обняла и Вассу и дочурку. Она целовала щеки Вассы, носик Галинки, шею Вассы и щечки Галинки.

— Васса, родная! Защитила... На отлично... Как я рада! Ох! Как мне весело! Ну, что дочка? Давай, Вассанька, ее мне. Нет, ты посмотри, как она таращит глазенки — так и смотрит и смотрит на меня. Что маму не узнала? Нет! Узнаешь, узнаешь, глупышка моя! Голодненькая ты у меня. Сейчас... Пойдем, Васса, в дом.

— Ну, хоть ты скажи, скажи, какие вопросы тебе были, как ты защищалась!

— Ой, Васса, на меня даже никто и не нападал!

— А рецензент как отозвался?

— Хорошо,— сказала Лиза, улыбаясь и кивая мужу, который, не спеша, шел к флигелю.— Профессор Воронцов сказал, что я правильно поднимаю вопрос о сушке торфа. Слышал, Аркадий?

Аркадий усмехнулся.

— Я не уменьшаю достоинств твоей работы... Диплом жены, действительно, получил весьма положительную оценку, Васса! Ну, а о сушке... Знаете, девочки, и у профессоров бывают причуды...

— Я не думаю, чтобы профессор Воронцов — специалист по торфу — имел менее ясное представление о нем, чем студент строительного института...— возразила Васса.

— Видишь ли, Васса, у меня тоже есть свои взгляды...

Васса Остапчук повела густой бровью.

— А по-моему, это не взгляды и не убеждения твои, Аркадий, а другое. Ты почему-то считаешь, что обо всем можешь судить безапелляционно. Завидная смелость брать на себя столько!

Лиза умоляюще смотрела то на Вассу, то на Аркадия. «Опять заспорили!» У нее было чудесное настроение. Ей хотелось шутить, смеяться и петь.

— А почему я не могу судить о том, что мне кажется достаточно ясным?

— Ну, — развела руками Васса, — я больше ничего не могу сказать. Я просто пасую перед твоей осведомленностью.

Аркадий сделал вид, что не заметил иронии Вассы, обратился к Лизе:

— Ну и мчалась же ты от остановки!.. Могла бы подождать меня, я всего на секунду задержался у киоска за папиросами.

— А надо было догнать жену, а не надеяться, что она замедлит шаги, — сказала рассерженная Васса. — А так ведь можно сбиться и... не в ногу шагать... И чего доброго — еще отстанет кто-нибудь из двоих?

Аркадий поправил свои волнистые волосы, снисходительно взглянул на Вассу.

— Не думаю, чтобы Аркадия Топольского жена потащила на буксире...

— Не зарекайся!

Лиза баюкала Галинку, в разговор не вступала. Наблюдая за Аркадием, она невольно подумала о нем: «Какой-то он не простой... Нет в нем непосредственности. А есть что-то лишнее. И оно мешает ему, нам обоим».

...Ночью Лизе снится зеленоватое зеркальное озеро... Камыши... Вот стена камышей раздвинулась, выплыл Боря Петров. Он плывет к ней быстро-быстро. Лиза хохочет, кричит: «Не догнать!» Вдруг с берега доносится детский плач. Галинка. Ее голос!

Лиза вскакивает с постели, босая, в одной сорочке, подбегает к кроватке. Перед глазами у нее все еще обрывки виденного сна — теплое озеро, камыши.

— Ну, что же ты не спишь, малютка?.. Опять, наверное, мокренькая? Какая ты беспокойная стала...

Лиза подстилает сухую пеленку, укрывает дочь одеяльцем. Галинка засыпает. Лиза выключает свет и снова ложится в постель.

Кажется, едва сомкнулись глаза, только-только успели согреться под одеялом плечи, а дочь снова плачет! «Пятый раз просыпается»,— думает Лиза. Она не может открыть глаза, трогает за руку Аркадия.

— Аркаша, встань, покачай Галинку... Я не могу!..

Аркадий долго ворочается, потом просыпается.

— А я что сделаю? — говорит он сонным голосом. — Покорми ее.

— Я кормила... час назад. Ну покачай! Может, уснет.

Аркадий резко сбрасывает с себя одеяло, встает. Он раздражен, но Лиза не замечает этого. Сон ее морит. Снова озеро близ родной Соколовки, волны качают Лизу и Галинку... И опять сон обрывается.

— Лиза, ну проснись же...— тормошит жену Аркадий.— Я никак не справлюсь с Галкой. Возьми ее!— Он влезает на кровать, ложится на свое место — к стене. — И вообще я не женщина, не мать. У меня нет таких средств, которыми я мог бы успокоить ребенка.

Лиза качает Галинку, вполголоса напевая песенку.

«Теперь, пожалуй, она поспит,— думает Лиза.— Ого! Уже пять часов! Стоит ли ложиться, все равно в шесть нужно вставать, постирать пеленки, приготовить завтрак. Да и еще надо что-то сделать... Погладить рубашку Аркадию. Он сказал вчера: «Организуй-ка мне светлую рубашку — уже лето». «Сейчас «организуем»,— думает Лиза. Но минутку колеблется: все-таки не лечь ли ей в постель, потом выдвигает из-под кровати чемодан, достает рубашку Аркадия. У ворота, как назло, не хватает пуговицы. Лиза вдергивает в иголку нитку. «Организуй» рубашку... А еще поэт. Стихи писал. Лиза насмешливо смотрит в спину Аркадия, который спит, похрапывая, повернувшись

лицом к стене. «А с русским языком ты не особенно деликатен».

Наконец рубашка выглажена, выстираны пеленки, жарится на примусе картошка. Какое счастье, что Галинка спит! Лиза садится за стол. В голове — туман, тяжесть.

«Может быть, бросить все?.. Не сдавать госэкзамены? На будущий год сдать...»

— Нет!

Лиза встает, подходит к умывальнику, ополаскивает лицо холодной водой, брызгает «для бодрости» за ворот платья. Но ей кажется, что она еще не весь сон стряхнула с себя. Как же бы от него совсем избавиться, а? Взгляд ее падает на кухонную полочку, и лицо на миг приобретает озорное выражение. Она берет с полки перечницу и трясет над ладонью, потом слизывает красные крапинки языком... Морщится и смеется... «Ну, вот теперь, когда во рту горит, не очень-то дремать будешь».

И снова садится к столу, перелистывает конспекты, разбирает чертежи... и мало-помалу увлекается.

3

Что может быть лучше студенческих вечеров? Где еще можно услышать столько искреннего смеха, смелых речей, благородных обещаний? Навсегда остается в памяти вечер прощания с друзьями-товарищами по институту!

Лиза окинула взглядом тесный круг за столом: такие родные, знакомые до мельчайших черточек лица. Как маков цвет Васса Остапчук — чернобровая подружка Лизы в своем вишневом платье. Рядом — милый, неуклюжий Борис... Когда-то и где Лиза еще увидит его!

Выпили совсем понемножечку — сущие пустяки, а настроение у всех приподнятое, бурное. Хочется петь, танцевать. И вот уже одни танцуют, другие поют, третьи оживленно разговаривают о завтрашнем дне, о предстоящей работе, о новой жизни... обещают писать друг другу, мечтают вслух, спорят...

Декан факультета, Петр Алексеевич, увидев, что Лиза на минутку осталась одна, подошел к ней. Она

глядела на него так, точно старалась запечатлеть в памяти грустные умные глаза, серебристые виски, весь облик этого сдержанного, но доброго и отзывчивого человека.

Петр Алексеевич сказал:

— Прежде чем приступить к работе, вам следовало бы отдохнуть хоть месяц. Трудно вам... Устали.

— Ничего, Петр Алексеевич.

— Ничего-то ничего, но все-таки постарайтесь отдохнуть.

Он помолчал.

— Только не бросайте работу. Ни в коем случае! А то дети, домашние дела могут затянуть... забудете, что вы инженер. Старайтесь совмещать то и другое.— Декан внимательно посмотрел на Лизу.— Я убежден, Дружинина, что вы можете быть незаурядным инженером.

Петр Алексеевич протянул ей руку. Лиза несмело пожала.

— Давайте, Лиза, договоримся — вы не забудете моих слов?

— Не забуду, — ответила Лиза.

Вечер еще не кончился, когда Лиза вышла из института. Вдруг она услышала за собой чьи-то поспешные шаги. Обернулась, Боря Петров догонял ее. Она остановилась. Всегда застенчивый, мешковатый, Борис сейчас был иным. Покусывая губы и хмурясь, он произнес раздельно:

— Лиза... Я завтра... уезжаю. — И, словно боясь, что Лиза не поверит, посмеется, дотронулся до нагрудного кармана на пиджаке: — Билет уже есть... Еду, значит.

Тоскливым дребезжанием раздался в ночи трамвайный звонок. «Как он неприятно звенит, удивительно, раньше не замечала», — подумала Лиза. Ей было грустно и больно. «Отчего?»

Борис поспешно взял Лизу под руку.

— Пойдем, Лиза... Прохладно, простудишься... Я провожу тебя.

Он сунул очки в карман и начал вспоминать прощальный вечер. Ему хотелось говорить непринужденно, но у него это не получалось. И Лиза его не слушала. Так они дошли до трамвайной остановки.

— Лиза, — Боря умоляюще взглянул на нее. — Вернемся!.. На несколько минут всего, Лиза. Я не задержу тебя...

— Хорошо, Борис,— серьезно и просто согласилась Лиза.

Повернули обратно к институту. Боря подвел Лизу к скамейке, на которой она сидела осенью с Вассой, уливаясь слезами, а позднее — упрямая, бледная,— с Аркадием. Боря придвинулся ближе к Лизе и с отчаянной смелостью выпалил:

— Уедем, Лиза, со мной.— И почему-то добавил:— От Ленинграда там совсем близко.

Лиза вздохнула. Провела узкой ладонью по его ершистым волосам.

— Не страдай из-за меня, Борис! Не надо.

— Лиза, ты не понимаешь!..— Он поймал Лизину руку, прильнул к ней горячими губами.

— Нет, не надо, Боря,— сказала настойчиво Лиза, поднимаясь со скамейки.— Не сердись...— Она знала, что говорит невпопад, ненужные, сбивчивые слова, но других найти не могла.— Мы будем друзьями... Когда-нибудь встретимся. Не сердись. Я спешу... Галинка ждет. Боря, ты не сиди здесь, пойди в общежитие... Тебе холодно. Боря ты уйдешь сейчас же? Да?

Она потрогала его за плечо.

Свет от фонаря падал на лицо Бориса, и оно казалось неестественно застывшим и желтым. Чужим голосом Борис проговорил:

— Он не любит тебя!

И с досадой и болью добавил:

— Как ты этого не видишь?

Лиза хотела возмутиться, оборвать Бориса: «Не твое дело!», но сказала совсем другое:

— Не говори об этом, Боря. Прошу тебя...

Она пошла к трамвайной остановке, а Борис так и остался сидеть на скамейке.

...Все это теперь позади. Лиза взяла со стола синие твердые корочки с тиснеными буквами: «Диплом», подержала в руке. «Вот я и инженер, доченька... Завтра мы с тобой поедем на Урал... к бабушке. Будет ли она тебя любить, Галинка?»

И ответила себе убежденно:

— Будет. Она — мать.

Лиза достала чистый лист бумаги, бережно завернула в него диплом, снова взглянула на спящую дочку.

— И Галинка, и диплом есть...

Она улыбнулась.

— Я богата... и...— и глубоко задумалась.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

— К вам можно? — спросил негромкий женский голос, и Говоров быстро обернулся. Впоследствии, вспоминая этот момент, он утверждал, что голос Лизы сразу показался ему удивительно знакомым. Обернувшись, Говоров увидел высокую девушку с серыми задумчивыми глазами.

— Садитесь, пожалуйста, — Максим Андреевич указал на старомодное черное кресло с высокой спинкой.— По какому вопросу?

— Елизавета Дружинина, выпускница Московского торфяного института,— отрекомендовалась Лиза.

— К нам прибывают молодые специалисты. Чудесно!

Лиза подала ему путевку министерства.

— Дружинина... Елизавета... Георгиевна направляется на работу в Свердловскую область.

Он отложил документ, дружески сказал:

— А то, что вы приехали к нам сюда, замечательно! Одобряю, радуюсь, приветствую — как хотите!

Лиза застенчиво улыбнулась. Главный инженер, о котором так хорошо отзывался Шатров, действительно, кажется простым и сердечным человеком.

— Я посоветуюсь с директором нашего предприятия... Его сегодня нет: он в Свердловске, и мы решим, на какой работе вас лучше использовать. А где бы вы сами хотели работать?

Лиза произнесла решительно:

— Только не в управлении!

— Да? Значит, на производство? Совсем хорошо. Бывает, окончит человек институт, а потом сидит в управлении, в проектном бюро не по прямой специальности, словом... и носа не показывает на торфополе!.. Мне ваше желание по душе...— Говоров по-

смотрел на Лизу. На фоне высокой спинки кресла, обтянутого черной кожей, ее лицо показалось ему особенно привлекательным.

— Вы, наверное, впервые на Урале? Как-то к нему привыкать будете?

Лиза весело взглянула на Говорова.

— Нет, на Урале я не новичок. Я здесь, в Соколовке, родилась, выросла.

— Вот как! — обрадовался Говоров и подумал: «Кажется, сегодня я говорю одними восклицаниями». Потом вспомнил: — А-а! Мне, наверное, о вас и говорил Степан Петрович Шатров. У вас здесь родители?

— Одна мама.

— Из Москвы вы давно?

— Только что... Да! Чуть не забыла! — Лиза оживилась... Между прочим, я знаю, товарищ Говоров, ваших родных.

— Неужели, Елизавета Георгиевна? Каким образом?

— Каким образом? — Лиза в замешательстве остановилась. — Это были несколько необычайные обстоятельства...

— И все-таки, как, когда? Кого вы знаете?

— Я видела... знаю вашу сестру.

— Машу?

— Да... и Андрюшу тоже.

— И Андрейку? — Максим Андреевич вышел из-за стола и сел на стул, напротив Лизы. — Значит, вы были в Канаше? И как там мой Андрей?

— Он такой у вас славный карапуз... и похож на вас.

— Да, похож...— Он взял со стола портсигар, достал папиросу: — Кстати, как же вы все-таки попали в Канаш? — Он хотел было закурить, но передумал, положил папиросу обратно в портсигар.— Что это за странные обстоятельства были?

Лиза не отвечала. Она так смутилась, что у нее на шее выступили неровные розовые пятна. Максим Андреевич заметил:

— Не хотите — не говорите... Простите, пожалуйста, мое любопытство.

— Нет, почему же? — постаралась справиться о своим смущением Лиза.— В Канаше у меня родилась

дочка...— Она ласково улыбнулась.— И Мария Андреевна — первая знакомая моей Галинки.

— Иными словами — повивальная бабка! — пошутил Говоров, почему-то глядя в окно, добавил: — Никак не подумал бы, что вы уже мама! Скажите, а муж ваш тоже у нас будет работать?

— Ему еще год учиться. Он собирается стать инженером-строителем.

— И когда он им станет, тогда вас, очевидно, в Соколовке не будет? Уедете с мужем.

— Не думаю,— Лиза спокойно взглянула на Говорова.— Он тоже уралец и приедет работать сюда.

— А... Ну что ж, инженеры-строители Соколовскому торфопредприятию очень нужны!

В дверях появилась секретарша.

— Максим Андреевич, вам телеграмма! Пожалуйста.

Говоров прочел телеграмму:

— Ну, вот, и мой Андрюшка завтра приезжает!

2

Обидно, мучительно горько, когда близкий, родной человек, тем более мать, не замечает тебя.

Анна Федотовна с каждым днем все больше возилась с внучкой, не делая никаких попыток к сближению с дочерью.

А Галинка уже научилась смеяться, ловко перевертываться со спинки на животик, теребить маму за волосы, за нос. Лиза жаловалась дочке: «Плохо мне здесь. Уедем от бабушки». Однажды она призналась Иринке:

— Решила поговорить с директором... Пусть дают мне комнату. Не могу я так больше жить, Иринушка. Мама на меня и смотреть не хочет...

Сестры были одни дома. Ирина, необычно серьезная, задумчиво посмотрела на Лизу.

— Нет, Лиза, не надо ходить к директору пока. Неудобно. Что скажут в поселке?

— Но ведь так нельзя, Ирина! Я маму своим присутствием мучаю.— Похудевшее лицо Лизы выражало растерянность и внутреннюю борьбу. Иринке стало жаль ее. Девушка порывисто обняла сестру.

— Не горюй, все уладится... Я говорила с мамой... Она пока не может переломить себя. Но она очень любит Галинку, поверь!

— Вижу. А меня знать не хочет.— Она закрыла лицо руками, глухо проговорила:— Черствое сердце у нашей мамы...

— Лиза! Не нам судить маму. Ей тяжело вдвойне. Ты... ты оскорбила ее своим неожиданным замужеством! У нее все мысли были лишь о тебе... Ну, взгляни же на меня.

Лиза отняла от лица руки и посмотрела на сестру сухими тоскливыми глазами.

— Вчера мама подошла к Галинке... Я читала в это время... Мама не думала, что я наблюдаю за ней... Если бы ты видела, Лиза, как она смотрела на Галинку! — ласково-ласково, лицо будто светилось! Мне кажется, она нас с тобой так не любила, как ее! Ты очень обидела маму, Лиза. Ты же знаешь, она привыкла, чтобы ее слушались, советовались с ней, а ты даже не сказала вовремя. И вообще она боится за твое будущее.

— Но, Иринушка... все... произошло неожиданно... Тебе не понять.

Иринка с жалостью взглянула на сестру, погладила ее по волосам, отвела прядь волос за ухо. Порозовевшее маленькое ухо сестры показалось Иринке таким детским, что она невольно воскликнула тоном старшей:

— Ты — как напроказивший ребенок! Натворила дел и сама не понимаешь...

— Ой, Ирина, оставь свои умные речи! Уж если ты после первого курса говоришь, как наставница, что будет после пятого?.. Смотри, сама не оступись...

Иринка сверкнула глазами, вскинула голову:

— Не оступлюсь! Уж я-то разберусь в своей любви... А, если случится со мной что, раскаиваться не буду!

Лиза встревоженно посмотрела на сестру:

— По-твоему, я раскаиваюсь?

— А разве нет... Лиза?

— Я люблю Галинку... Я рада...

— Еще бы ты ее не любила!.. Но рада ли ты другому? Почему, Лиза, родная,— Ирина схватила Ли-

зины руки,— ты об Аркадии так... ну, как тебе сказать, так невыразительно говоришь, без души словно?

Лиза отстранила Ирину.

— Я не умею... И вообще не отличаюсь красноречием.

— Нет, здесь не то! — Иринка отошла от Лизы и неожиданно вся засияла: — Лиза, если я буду любить...— девушка широко раскинула руки, словно подавшись к кому-то навстречу,— это будут видеть все! А о человеке, которого я любить буду, как хорошо я сумею рассказать о нем! И если я любить буду...

— Ты уже любишь, Ирина,— тихо сказала Лиза.

Иринка в ответ только рассмеялась.

Но вот Лиза опять помрачнела:

— Мама, такая умная, и не может понять, как тяжело мне, как сиротливо нам сейчас с Галинкой?

Иринка снова подошла к сестре.

— Лизушка, мама мне однажды сказала: «Чувствую сердцем, не так у Лизы все получилось...» Ты понимаешь, она в счастье твоем сомневается. И ей досадно за тебя.

— Неправда! Я не обижаюсь на свою жизнь... Аркадий мне дорог... Но как мне быть?

Лиза облокотилась на спинку стула, и рыдания, которые с таким трудом сдерживала до сих пор, вырвались из самой глубины груди ее, сотрясая хрупкие плечи. И когда в дом вошла Анна Федотовна, она увидела эти вздрагивающие плечи и светлую косу дочери, почти достающую до пола.

Седая, гладко причесанная, с холодноватым красивым лицом, она подошла к дочери, положила на ее голову обе руки, с вздувшимися жилками, с простым золотым кольцом на безымянном пальце.

— Нечего слезы лить. Поздно...

Лиза подняла мокрое лицо. На миг уловила затаенную теплоту и боль в серых материнских глазах. Чувство большой вины, страстное желание обрести вновь прежнюю материнскую любовь охватило Лизу. Она соскользнула со стула.

— Мама!— Лиза обняла материнские колени.— Прости меня, мама!

Мать нагнулась над дочерью, осторожно отняла ее руки от своих колен.

— Встань! — приказала мать.— Ни перед кем так не надо... Я запрещаю тебе! Человек должен быть гордым... Не забывай про это, дочь. Ну, иди ко мне.

3

Был августовский вечер. Красными тенями ложился закат на железную крышу клуба. Желтели в аллеях клубного скверика песчаные дорожки. Сквер уже после войны заложили комсомольцы торфопредприятия.

Сестры Дружинины сидели на скамейке.

— Иринка! — сказала Лиза.— Я смотрю на сквер, и он мне кажется таким молодым, задорным... ну, комсомольским. Нет, ты посмотри повнимательнее.

Иринка посмотрела на заросли низкорослого дикого смородинника, из которого на равном расстоянии то там, то тут торчали молодые задорные топольки с вихрастыми кронами. Перед самым клубом — гипсовая фигура Ленина, задумавшегося над книгой. Двумя шеренгами к клубу подступали елочки.

— Вот видишь, около старой березы, совсем близко к ней,— Иринка, приподнявшись со скамейки, указала на елку, чуть выдвинувшуюся из шеренги,— моя!

— Вижу! — засмеялась Лиза.

— Ты чего?

— Сразу видно, что твоя. Недисциплинированная. Выбежала из шеренги.

— Да нет, она просто очень пышная елка, ну и топорщится туда-сюда.

— Так я же и говорю, что на тебя похожа. И, наверное, самая колючая.

— Наверное,— засмеялась и Иринка. Она была рада, что старшая сестра сегодня в хорошем настроении.

Но Лиза, посмотрев, что у входа в клуб все еще мало народу, озабоченно сказала:

— Может быть, Ирина, пойдем домой. Опаздывают с началом. Задержимся...

Лиза беспокоилась о дочке. Приходя с работы, она старалась сразу освобождать Анну Федотовну от Галки и поэтому почти все вечера сидела дома. Но сегодня Иринка решила вытащить сестру в кино.

— Сеанс начнется вовремя, а с твоей Галкой ничего не случится. А потом... разве ты не слышала, как наша строгая мама сказала мне: «Опять собираешься в кино одна? Идите вместе с сестрой...» Ясно? — Иринка прижалась к Лизе и, смеясь, шепнула: — Не любит мама Якова. Ну всякими путями оберегает меня от него.

— Убережешь нас... Но, знаешь, ты все-таки не торопись.

— А я и не собираюсь торопиться, — дернула плечами Ирина.— Вот увидишь.— Она стала внимательно смотреть на входящих в парк, незаметно вздохнула.

— Якова ждешь? — спросила Лиза.

— Как бы не так!— Иринка презрительно опустила уголки пухлых губ.

Лиза скрыла улыбку. Помолчали.

— Слушай, Лиза, ты любишь... охоту?— Иринка заглянула в Лизины глаза.

— Я? Охоту? — Лиза растерянно посмотрела на сестру.— А почему ты об этом спрашиваешь?

— Да просто так. Вздумалось и спросила.— Иринка покусала губы, от чего они стали еще более яркими.— По-моему, вообще страшно глупо — охотиться. А еще охоту спортом называют... Засесть где-нибудь в камыши... Одному... и сиди, как дурак, неизвестно сколько. Представляю, какая идиотская физиономия в этот момент у охотника!

— Понятно! Значит, Яков увлекается охотой?

К сестрам подошла невысокая полная и миловидная женщина в модном легком пальто. Темные волосы аккуратно уложены. У нее был несколько высокомерный взгляд больших карих глаз.

— Можно к вам присесть? — спросила она. Иринка придвинулась ближе к Лизе.

— Садитесь, пожалуйста.

Женщина села, откинув предварительно подол пальто. Она сидела, поглядывая то на свои золотые часики, то в сторону входа в сквер, недовольно поджимая накрашенные губы. Иринка, не умеющая долго молчать, вполголоса продолжала разговаривать с Лизой, ерзая по скамейке.

— Вы сели на мое пальто, гражданка, — холодно

сказала незнакомая дама, вытягивая из-под Иринки полу своего модного пальто.

— Ах, простите, пожалуйста!— Иринка вскочила со скамейки.— И как это я не заметила?

Лиза, покраснев, взглянула с укором на сестру. Незнакомка разглаживала ладонью еле заметную складку на пальто:

— Придется в таком виде идти в кино,— она явно была раздосадована.

Иринка растерянно замигала.

— Хотите, я сбегаю с вашим пальто вон в тот соседний дом, к подружке? У нее электрический утюг.

— Нет уж, спасибо. Когда мое пальто на мне, пусть и помятое, все-таки это лучше.

Иринка вся вспыхнула.

Лиза только собралась вмешаться, предупредить резкий ответ сестры, но, оглянувшись на шум шагов, увидела за собою Говорова.

— Добрый вечер, друзья! — поздоровался он. И, заметив неладное, спросил.— Что произошло?

— Ничего особенного,— пожала плечами женщина,— просто девушка измяла мое пальто, и я... растерялась...

— Не растерялась, а оскорбила! — вспылила Иринка. И она запросто обратилась к Максиму Андреевичу, о котором слышала от сестры только хорошее: — Эта дама всполошилась так, как будто ее пальто пламя охватило!

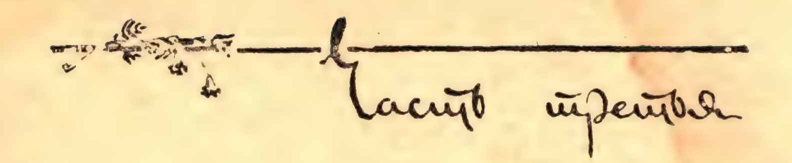
Максим Андреевич смущенно улыбнулся. Он хотел что-то сказать, но женщина с достоинством поднялась и, застегивая пальто, произнесла:

— Идем в кино... А то мы можем из-за ничего опоздать.— И она взяла под руку Максима Андреевича.

Когда супруги оказались в некотором отдалении от сестер, Иринка ахнула.

— И это такая жена у твоего «симпатичного и умного» главного инженера? И где он откопал такую мещанскую гусыню?!

Лиза посмотрела в сторону, куда ушли Говоровы. Промолчала, словно не слышав восклицаний Иринки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

До рассвета еще далеко. Торфополе, освещенное прожекторами, спокойно, безлюдно: не слышно вдали голосов, постукивания машин.

Но жизнь на участке идет. Правда, это не та слаженная работа, к которой стремится каждый из находящихся здесь людей... Стоят три новых агрегата!

Степан Петрович поворачивает к Лизе усталое лицо. Свет прожектора падает на его покрасневшие глаза.

— В технике я смыслю, конечно, не так уж много, но повадки багера за эти годы изучил.— Он развел руками, сердито сплюнул:— Не пойму, в чем дело? Все три стоят, как вкопанные!

— И я убеждена, все — по одной причине!— Лиза прошлась вдоль карьера, чтобы согреться. Сентябрьские ночи на Урале не отличаются теплом.— Тут, помоему, дело в сборке!

— Да как же в сборке-то, Елизавета?— покачал головой Шатров.— Не может того быть. Ведь на за-

воде-то отдел контроля существует, за качество борются. Первый день багер мой хорошо работал...

— Ваш-то работал, а эти два...— Лиза кивнула в темноту и сразу отвернулась. Не могла она смотреть на эти неживые машины.— Всего только по три часа проработали,— закончила она тихо.

— Эй, кто там дымит?— сердито крикнул Шатров, заметив быстро приближающийся от леса огонек папиросы.— Подожжешь торф, неровен час.

— Забылся... Виноват,— к ним подбежал запыхавшийся Василий Багиров, на ходу прямо о спецовку гася папиросу.

— Багиров?— удивилась Лиза.— Что же ты не дома?

— Да я с центрального поселка. Решил завернуть сюда... Заседание у директора было... Мне наш главный механик рассказал — по дороге встретился. Долго заседали...

— Заседают, обсуждают, докладывают,— покачал головой Шатров.—Слов-то сколько наговорят за вечер, да часть ночи прихватят еще. Вот и получается: словесно работают. Ведь иной говорит, а сам зеркало на стене ищет — себя посмотреть. Другой говорит не шибко букетисто, а послушаешь и подумаешь: сказал самое главное, насущное — и точка!

Лиза и Багиров засмеялись.

— Директор, рассказывал Мед, нас разносил в пух и в прах,— продолжал Багиров,— говорит, на международный империализм работаем, раз план участка срываем! Вам, Елизавета Егоровна, выговор сулился вкатить. Говоров заступился было...

— Пусть!— махнула рукой Лиза.— Чем выговоры выносить, так лучше бы приехал на участок, да и помог.

— Это верно!— Шатров повертел в руках отвертку и с досадой сунул ее в карман.

— Главный приедет сейчас... Дрезину велел за ним отправить.

— Не выдумывай, Багиров!— упрекнул Шатров.— Куда он на ночь глядя поедет... А впрочем, от Андреевича этого можно ожидать...

— Он в механический завернул... Прямо с совещания... Горчаков его там ждет.

— Идея!— почтительно сказал Шатров, подняв палец.

— Что?— не понял Багиров.

— Идея, говорю, возникла у Говорова.

— Угу,— подтвердил Багиров, жуя хлеб, предложенный Шатровым.

— Василий, возьмите вот колбасу,— спохватилась Лиза,— что вы один-то хлеб...— Она протянула ему завернутый в пергамент кусок колбасы...

— Спасибо! Я и так хорошо... с лесным воздухом вприкуску.

Но Лиза настойчиво совала ему сверток. Тот взял:

— Спасибочко...

Повернувшись в сторону двух других багеров, Лиза громко прокричала:

— Федченко, Дроздов! Идите сюда-а!— И, обращаясь к Багирову и Шатрову, добавила:— Вместе-то легче горе горевать,— и серьезно:— Подумаем еще раз все вместе, посоветуемся.

Лизе хотелось понять, почему стало так радостно на душе? Ведь несколько минут назад она испытывала растерянность, горечь, была почти в отчаянии.

«Да, конечно, Максим Андреевич поможет... Если не он, так кто же? Горчаков утром сказал, что Максим Андреевич его очень подробно расспрашивал о моторах».

Раздался сухой треск дрезины.

— Приехал Говоров!— враз сказали Шатров и Багиров.

— Здравствуйте, товарищи полуночники! — главный инженер шагнул из темноты и, попав в полосу электропрожектора, сощурился на обступивших его.

— То, что полуночники мы,— это ничего, а вот что бездействующие,— это худо,— заметила Лиза.

— Да, неважно...— Максим Андреевич сдвинул на затылок фуражку и вдруг беззаботно рассмеялся.

Говоров эти три дня тоже не находил себе места — искал, разбирался, несколько раз бывал на их участке и, как все, очень устал. Только теперь, когда причина ясна, когда найдено то, над чем мучительно бились десятки людей, ему стало легко и радостно.

— Отдыхайте, друзья... Поехали по домам... До утра! Все дело в моторах. Промышленный дефект.

Завтра электрообмотку сменим... И — работать, работать! Три дня, товарищ Дружинина, нагонять надо!

— Нагоним, Максим Андреевич, обязательно.

Когда шли к узкой колее, Шатров по-отечески ворчливо выговаривал Говорову:

— Сам-то зачем приехал? Телефонной связи нет, что ли, у нас?.. Сообщил бы. Отдыхать и тебе надо.

Говоров на секунду задумался, а потом, обращаясь ко всем сразу, сказал:

— Просто, товарищи, хотелось посмотреть на вас... как вы обрадуетесь...

Он взглянул на Лизу и прочел в ее ответном взгляде горячую благодарность. И что-то еще непонятное, но относящееся, как ему показалось, только к нему, Максиму Говорову.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Мечтой Ани Ромашкиной после строительного техникума было поступление в художественный институт на скульптурный факультет.

Но, едва успев закончить техникум, Аня попала на фронт в саперный отряд. И тем, что она на фронте находилась пусть и короткое время, но в саперном отряде — не в медсанбате где-нибудь! — Аня не на шутку гордилась.

Война закончилась, а в институт Аня так и не собралась поступить. «Папенек-маменек у меня нет, чтобы сделаться освобожденной студенткой»,— думала Аня. Надо было работать. Но скульптуру она не забыла. В управлении торфопредприятия, в комнате, где они работали с Топольским, за шкафом стояла небольшая оцинкованная ванна с глиной, тщательно заслоненная листами фанеры.

Начальство предприятия обычно не заходило в кабинет Ани Ромашкиной, а предпочитало ее вызывать к себе. Прорабам же, бывавшим здесь ежедневно, было строго-настрого запрещено «совать свой нос», куда не положено, ибо листы фанеры предназначены «для особых нужд».

Об Аниной тайне знала только одна уборщица

тетя Стеша, от внимания которой, как известно, в управлении не скроется не то, что ванна с глиной, но и каждая пустая спичечная коробка, окурок, обитающие вне пепельницы.

Конечно, уже через несколько дней и Топольский был посвящен в тайну. Снисходительно, осматривая результаты несмелых творческих замыслов Ани, Топольский сказал:

— Что-то в вас все-таки есть... Вон, например, тот старик, похожий и на кузнеца и на кудесника, он чем-то трогает... Или вот эта балеринка — право неплохо. Конечно, пластики у вас еще никакой...

Аркадий подошел поближе к шкафу, осторожно повернул балерину боком, спиной:

— Нет, ничего, ничего балеринка...

Мужественная Аня хотела в своем творчестве передать тему труда, волю и силу человека, но незаметно для себя она тянулась совсем к другому. Ей и самой больше нравилась девочка-пионерка, трогательно обнявшая козочку, или вон та юная вышивальщица. Любила Аня и свою балерину — хотелось передать в ней всю грациозность танца и уверенность исполнительницы.

И теперь Ане похвала Топольского была приятна. Она даже думала: «Мы с ним, пожалуй, сработаемся»,— что с Аней, кстати, не часто случалось. По натуре была она резковатой и неуживчивой.

Закрывая шкаф, Аня смущенно произнесла:

— Да, конечно, все это и близко с настоящим искусством не лежало!— И вдруг, еще больше покраснев и став совсем не той Аней, какой ее знали все, кроме тети Стеши, призналась:— А бросить, знаете, не могу!

— И не надо,— сказал наставительно Топольский.— Если все ваши фигурки,— он кивнул на шкаф,— раскрасить — неплохо получится. Можете даже подработать на этом.

Аня гневно вспыхнула. Топольский, не замечая этого, продолжал:

— Впрочем, об искусстве мы с вами еще поговорим. А сейчас давайте — о работе...

Но разговора об искусстве между двумя строителями больше почему-то не возникало.

2

— Ну, вот, мы с тобой и дома... Давай сама снимай шубку, повесь ее... Валеночки тоже сними и надень тапки...— говорила Лиза, сбрасывая с себя теплый синий жакет, опушенный белой цигейкой, и такую же белую шапочку-кубанку. Путешествуя по участку и добираясь до него то на дрезине, то на попутной машине, а иногда и пешком, Лиза чувствовала себя прекрасно в этом коротком жакете.

— Разделась, Галочка?

Но Галинки уже не было. Лиза прошла во вторую комнату.

Аркадий сидел за небольшим письменным столом. Галинка в своей красной бархатной шубке, в белых пуховых рукавичках взобралась к отцу на колени.

— А кто же у нас раздеваться будет? — спросил Аркадий.

— Мама,— ответила Галинка.

— Мама уже сняла пальто, — сказала Лиза. — А ну, стрекоза, марш снимать шубку.

На письменном столе Аркадия — хаос. По-видимому, он много и с увлечением работал.

— Как дела?— спросила Лиза, положив руки на плечи мужа.— Давно сидишь?

— Как пришел с работы — так и засел... А ты поздно — как всегда!

— Что же поделаешь, Аркаша, у меня ведь дальний участок. Если за час доберешься до дому — хорошо.

Аркадий повернулся к Лизе.

— Подожди, скоро тебе будет легче! Я сам слышал, как говорится, из достоверных источников... Тебя собираются выдвинуть в производственный отдел.

Лиза покачала головой.

— Ну и ну! Не очень умно кто-то придумал, собираясь меня «выдвигать в производственный отдел».

Аркадий обеими руками коснулся своей пышной шевелюры:

— Раз выдвигают, значит, считают, что справишься.

— Пусть считают, — равнодушно, отмахнулась Лиза, выходя из комнаты.

— Лиза!— позвал Аркадий.

— Что?

— Нет, ты в самом деле не согласилась бы на отдел?

— Конечно, нет! — ответила Лиза, оборачиваясь к мужу.— Да пойми ты, Аркадий, жаль мне оставлять свой участок.— Он — один из самых интересных по залежи. Весной на нем, на первом, будут испытывать стилочные машины. И вообще в смысле применения механизации перспективный участок. Разве ты от меня обо всем этом впервые слышишь?

Аркадий пожал плечами:

— И все-таки я тебя не понимаю. Тебе, как женщине, было бы удобнее работать в управлении. Там можно думать и решать вопросы механизации в широких масштабах.

— Может быть. Зато на своем участке — конкретнее.

— Конечно, твое дело,— холодно сказал Аркадий. Он потянулся, расправил плечи.

— Есть хочется, Лиза!

— Сейчас...

Лиза прошла в кухню, открыла шкафчик, бросила взгляд на электрическую плитку. Невольно подумалось: «Неужели Аркадий не мог поставить на плитку картошку, включить чайник. Сейчас бы можно было поджарить колбасу, а картошка была бы уже готова. Никогда не догадается».

Следом прибежала Галинка. Одна косичка расплелась, на другой развязался бантик. Сколько эти коротышки-хвостики доставляли беспокойства и маме и дочке! Из-за них иной раз Лизе не удавалось утром поесть: надо расчесать, заплести, выгладить ленточки. Анна Федотовна говорила дочери: «Остриги ты Гале волосы. Не мучай ребенка и себя». Лиза не соглашалась. «Вырастут же они...» Но волосенки росли очень медленно, и заплетать их было по-прежнему нелегко — трехлетняя Галинка пищала и капризничала: «Туго! Больно!»

Весной Лиза и Аркадий получили в новом доме отдельную квартиру: две комнаты и кухня. Строительством дома руководил Аркадий. Он попросил у начальника отдела разрешение установить в своей квартире камин.

Лиза вначале была против этой затеи. Большие окна, просторные комнаты, простенькая, даже бедноватая обстановка, и вдруг камин! Нелепо.

Но вскоре мнение ее изменилось. Когда заунывно напевала вьюга и кидала снегом в окна, затянутые морозными узорами, так уютно было сидеть, обнявшись с Галинкой, перед камином, на мягкой телячьей шкурке — подарке Анны Федотовны.

...На столе дымится жареный с кружочками колбасы картофель и весело поблескивает никелированный чайник, но Аркадий не выходит из комнаты. Лиза зовет его. Он садится к столу. Взгляд Аркадия — отсутствующий. Он думает о том, что сейчас читал, писал. Лизе немножко завидно: ей тоже хочется заниматься. Лежит незаконченная статья в журнал «Торф». Надо пробежать свежие газеты.

«Ничего... Прочту после ужина»,— успокаивает себя Лиза. Она раскладывает по тарелкам еду, подает Аркадию вилку, пододвигает к нему чайный стакан.

Галинка дремлет и ежится.

— Спать хочешь, доченька?— спрашивает Лиза.

— Холодно, мама...

— В самом деле, у нас прохладно, — замечает Лиза.— Ты наколол дров?

— Нет, забыл.

— Ну, знаешь ли, дрова все-таки твоя забота.

После ужина Лиза раздевает Галинку. Оставшись в одних штанишках и рубашонке, Галинка бегает по комнате, прыгает, хохочет. Лиза ловит ее и почти силой укладывает в кроватку.

Потом идет на кухню. Аркадий, одетый в старую ватную куртку, вносит дрова.

— В этой глуши не хватает только коптящей лучины, вместо электрической лампочки. Ни парового отопления, ни ванны!— Аркадий с грохотом бросает дрова в коридоре около входной двери.

— Будет и водопровод и паровое отопление,— весело говорит Лиза.— Многое ведь и от вас, строителей, уважаемый Аркадий Иванович, зависит.

Аркадий не отвечает. Он снимает куртку и прямо в валенках шагает в комнату, снова садится за письменный стол

А Лиза берет влажную тряпку, обтирает с мебели пыль. Мебели немного: стол обеденный и стол письменный, две кровати — большая и маленькая, покрашенные в голубой цвет, две тумбочки, простенький коричневый диван — это их собственная мебель. Стулья, кухонный шкафчик — из коммунального отдела. Мечта Лизы — шифоньер, но пока его нет. Вся одежда помещается в узеньком стенном шкафчике.

Несмотря на скромную обстановку, в квартире уютно. Приученная матерью к порядку, Лиза, вставая раньше и ложась позднее, всячески поддерживает чистоту. Простые парусиновые шторы, салфетки на тумбочках, хорошо простиранные и проглаженные, полосатые дорожки на полу, комнатные цветы украшают жилье.

Ну, вот, с домашними делами на сегодня покончено. Спит спокойно дочурка. Лиза пришла к Аркадию, присела на диван, поближе к письменному столу. Свет настольной лампы падал на правую щеку Аркадия, отблески лежали на его волнистых черных волосах.

Просматривая журнал «Огонек», Лиза сказала:

— Как хочется побывать в театре!

— А ты слышала? В следующий выходной состоится коллективный выезд в театр.

— Вот замечательно! Поедем?

— Можно, пожалуй.

Аркадий снова сосредоточенно и серьезно углубился в книгу. Лизе захотелось отвлечь его шуткой:

— Вид у тебя прямо профессорский... Так и вертится на языке: «Аркадий Иванович»... Ну, Аркадий Иванович, оторвись хоть на минутку... Взгляни сюда. Картинки-то какие! На обложке женщина, инженер-химик, лауреат.— Лиза вздохнула:— А знаешь, Аркадий, и в наше время все-таки очень не легко еще женщине. Когда я вижу такой портрет,— она кивнула снова на журнал,— мне невольно думается: эта женщина — профессор, изобретатель или крупный руководящий работник — она, наверное, одинокая женщина. Ей не приходится разрываться между своими общественными стремлениями и семьей.

Аркадий поднял голову и посмотрел на Лизу. Лениво усмехнулся:

— Все-то ты жалуешься на свою долюшку женскую!..

Лиза полулежала на узеньком диване. В простеньком темном домашнем платье, гладко причесанная, она напомнила Аркадию девушку-курсистку из какой-то старой пьесы.

— «А она в самом деле, пожалуй, синий чулок»,— вдруг подумал он, и ему стало скучно ее слушать.

Лиза сделала вид, что не заметила его зевка.

Она смотрела на Аркадия и думала о том, что за последние годы он изменился внешне. Его уже нельзя было назвать худощавым. У него появился небольшой округлый подбородок, смуглое лицо приобрело приятный розовый оттенок — признак здорового и довольного собою человека.

— Видишь ли, я не говорю, что нашей женщине трудно жить вообще. Ей дано многое. Она равная — это самое главное. Я только говорю, что возможно, но все-таки еще трудно совмещать основную работу, домашнюю и... ну, свои научные, творческие, что ли, стремления.

— Короче, ты завидуешь мне?

На листке бумаги он стал набрасывать какие-то штрихи, приглядываясь к рисунку. Вот появился контур здания, а сверху — острый шпиль...

— Как же! — в его голосе прозвучала знакомая Лизе интонация раздражения.— С твоим тщеславием это обидно! Муж сдает кандидатский минимум, а ты — нет!

Лиза предостерегающе подняла ладонь:

— Тише. Галочка спит.— И, понизив голос, продолжала:— Я не обижаюсь. И не завидую тебе. Ни в чем. Разве только в одном — ты можешь располагать временем как хочешь. А я... я могу сейчас отложить этот «Огонек», сесть заниматься и просидеть до трех часов. Я могу себя заставить. Но в шесть мне надо встать, приготовить завтрак, погладить Галке костюмчик, одеть ее. И три часа — это не сон. С какой головой я пойду на работу завтра? И потом, это возможно раз-другой, но не всегда.— Она потянулась, сказала просто:— Хоть бы ты мне посочувствовал — и то, глядишь, полегче. Я ведь женщина, может, и зря плачусь — не обижайся. Ладно?

Аркадий встал:

— Ладно. А сейчас не отрывай меня. Я серьезно решил работать. Ты умный человек и прекрасно знаешь, что такое удовлетворение работой. Оно тебе знакомо.

— Да!— вырвалось у Лизы радостно.— Мне это знакомо.

— Ну, вот. А я этого удовлетворения не нахожу. Я кончил московский институт не для того, чтобы строить на Соколовском торфопредприятии бараки да нужники на производственных участках... Я — инженер. Может быть, я дворцы смогу строить, а мне тут... к черту! — он сел.— И потом я вообще не очарован своей специальностью.

— Странно,— задумчиво заметила Лиза.— А мне всегда казалось, ты работаешь с огнем, увлеченно. Аркадий, да ты, может быть, не понял еще себя? Ну, как можно не находить удовлетворения в том, что делаешь для людей? Ведь разве может человек спокойно работать, если у него нет крыши над головой? А ты создаешь ему светлое, удобное жилье. Если бы ты знал, как рабочие на участках ждут каждый дом.

— Чудачка! — со снисходительным смешком проговорил Аркадий.— Да я разве против строительства вообще? Если хочешь знать, меня интересует высшая строительная теория. И ты, пожалуйста, не отговаривай меня.

— Хорошо, не буду,— спокойно сказала Лиза...— И все-таки выслушай меня. Сидеть, заниматься, не поднимая головы от стола, ты еще успеешь. У тебя много будет таких вечеров. А я, может быть, больше не заговорю о том, о чем сейчас хочу сказать.

— Ну, что ж, говори,— согласился Аркадий.— О себе, конечно? Я охотно послушаю.

— Нет, о тебе.

— Совсем интересно!

Не придавая значения его снисходительному тону, Лиза начала с вопроса:

— Аркадий, ты твердо решил, что инженер-строитель — это для тебя не то?

— Да! Знаешь, когда я учился в средней школе, мне математик говорил: вы с математикой обращаетесь виртуозно. Из вас выйдет прекрасный инженер.

А историк советовал по социальным наукам, пророчил мне профессорство. И, может быть, оно — мое истинное призвание, кто знает.

— Ты должен знать.

— Стремлюсь.

— Видишь ли, Аркадий, дело не в профессорстве.

Аркадий быстро взглянул на жену, и она тотчас же догадалась, что он подумал о ней: «Однако ты, милая, не очень болеешь за мужа. Тебе, кажется, все равно: будь он ученым или кочегаром».

Аркадий подошел к дивану, прилег головой на круглый столик.

Мечтательно воззрившись в потолок, сказал:

— Я не обижаюсь на тебя за то, что не веришь в меня... Но поверишь, Лиза, бывают люди с крыльями и без крыльев... Ты усмехаешься, я вижу...

— То, что ты говоришь, Аркадий, старо, поверь.

— А я ведь и не собираюсь открывать Америк, Елизавета Георгиевна. Я повторяю только старые истины... на новый лад.

— Себя ты относишь, разумеется, к категории крылатых?

Аркадий приподнялся на локте, черные, близко поставленные глаза сверкнули:

— Да! — Потом добавил: — И ты — тоже... С полетом!

Лиза, перекидывая через плечо косу, покосилась на спину.

— Нет, не вижу крыльев.— Она развела руками, засмеялась: — Увы, не выросли!

Аркадий пожал плечами, вздохнул, отошел к столу.

— Дело твое, что ты обо мне думаешь... Время на моей стороне. Я сам-то знаю, Аркадий Топольский на кое-что способен!

— Я вовсе не отрицаю твоих способностей, Аркадий. Я верю в них. Но только хочу сказать, что каждый человек должен за то дело браться, которое волнует его, без которого он не может жить. Иначе лучше не берись.

Лиза придвинулась к мужу:

— Аркадий!

Это вырвалось у нее так тоскливо, что Топольский встревожился. Спросил ласково:

— Что, Лиза?

— Мы не так живем, Аркадий.

За окном мимо дома прошел человек, отчетливо проскрипел снег под его шагами.

— Почему не так?

— Не хватает чего-то между нами...

— А...— усмешка скользнула по лицу Топольского,— характерами не сошлись. Нынешние разводы этим обычно объясняются. И как же мы «не так живем»? Объясни.

— Не пойму еще, не знаю, как тебе объяснить, но не так.

Лиза задумалась.

Аркадий поднялся с дивана, опять сел к столу:

— Нет, это поистине интересно. Живут двое людей. Один доволен своей жизнью, женой. Другая — ни жизнью, ни мужем.— Он откинулся на спинку стула, уставился в потолок:— Если бы я... таскал сковородки из кухни в комнату и обратно, стирал бы твои чулки, словом был бы под башмаком, тогда...

— ...тогда ты мне надоел бы на другой же день.

— Друг мой, в чем же причина, если не в «сковородках»? Ведь только сейчас ты меня точила за то, что у тебя нет времени, что тебе, как работающей женщине, трудно.

— Знаешь, Аркадий, если бы у нас были другие отношения, мы бы не спорили и о «сковородках»... Как-нибудь бы уже решили эту «проблему». Дело в другом...

— Я считаю,— упрямо и уже зло сказал Аркадий,— наличие семейного конфликта у нас все-таки — в «сковородках».

— А я считаю — в отсутствии понимания.

3

Степан Петрович Шатров стряхнул у порога с широких плеч и бороды снежную пыль, снял старомодную теплую шапку с бархатным верхом, мохнатую собачью доху.

Максим Андреевич искренне обрадовался его приходу.

Он сидел в своем маленьком кабинете, стены кото-

рого были заставлены стеллажами с книгами, и настраивал радиоприемник.

— Поймай, папа, какую-нибудь песню о моряках,— просил Андрейка.

— О моряках? А! Все ясно. Мечта быть морским волком по-прежнему сидит в нас?

— Да! — весело подтвердил Андрейка.

Услышав голос Шатрова, Говоров крикнул в переднюю:

— Привет, Степан Петрович! Идите сюда, к нам!— привстав, он с удовольствием пожал большую руку Шатрова.

— Здравствуйте, Максим Андреевич!— ответил Шатров.

Он осмотрел Говорова, по-домашнему одетого в темно-синюю полосатую пижаму, ласково взглянул на прильнувшего головой к плечу отца Андрейку, улыбнулся:

— Друзья, видать?

— А как же — друзья.

— Друзья! — повторил и Андрейка.

— Большой, в школу скоро пойдет, а все к отцу на руки,— сказал, поддразнивая сына, Максим Андреевич. Андрейка застыдился, моментально соскользнул с колен отца, убежал в столовую. За ним пошли и Максим Андреевич с Шатровым.

Просторную столовую мягко освещала лампа под шелковым абажуром. Шатров окинул взглядом круглый стол, покрытый белоснежной скатертью, диван и стулья в белых чехлах, репродукцию с картины Шишкина в массивной раме, сказал:

— Уютно живете...

— Ага,— Говоров улыбнулся своей открытой простодушной улыбкой.— Так, что ли, говорят на Урале?

— Ага,— улыбнулся и Шатров, поглаживая свою роскошную кудрявую бороду.— Я ведь к вам, Андреевич, просто так... Безо всякого заделья. Шел мимо — дай, думаю, зайду.— Он вздохнул.— После смерти Борисовны не могу дома один сидеть. А ведь, почитай, год, как схоронил...

— Ну и очень хорошо, что зашли. Да вы садитесь, Степан Петрович!

— Бело у вас кругом,— Степан Петрович сел.—

У меня тоже при Борисовне бело в доме было, а сейчас... Близнецы хозяйничают... Что с ребят спросишь? Сколько комнат-то занимаете?

— Три... Вот эта столовая — самая большая, мой кабинет, восемь квадратных метров,— самый маленький.

— Да вы, Андреич, оправдываетесь, что ли? А я к тому это спрашиваю... Непросторно мы еще живем.— Он подошел к двери кабинета, заглянул.— Ну, что это за кабинет? Конура! Диванишко некуда поставить. А ведь знаю: по ночам сидите... поваляться с полчаса-час не мешало бы... Ну, да вы еще хорошо устроены, а вот многие у нас пока худо живут. Мало строим-то, а?

— Маловато.

— То-то... О себе я ничего не говорю — хоть и дряхлый, а домишко у меня. А у других?— Шатров снова сел на диван, сложив на коленях жилистые руки.— Я, Максим Андреевич, смотрю на наше торфяное дело так: закреплять кадры надо. Хватит на одной сезонщине жить. Основного кадра надо больше иметь. Растить надо. А закрепить их на месте можно хорошей квартиркой, огородиком. И коровку пусть люди заведут, чтобы честь честью все было. Сенокосных угодий у нас кругом довольно. А места-то какие — раздолье для охотников!

Шатров оживился.

— Да, поохотился я немало, сколько километров исходил по лесу со своим дружком-товарищем Егором Тимофеевичем Дружининым...

— Вы были близко знакомы с отцом Елизаветы Георгиевны? — спросил Говоров, не глядя на Шатрова.

— Большими друзьями были.

Помолчали. Говоров достал папиросы:

— Курите, Степан Петрович?... Елизавета Георгиевна — старшая дочь в семье Дружининых?

— Да. Их две сестры.— Шатров нахмурился. Его широкий лоб прорезали две тяжелые складки морщин:— Старшему сыну Юрию Елизавету в невесты мы с женой прочили — не довелось.

Говоров надолго затянулся папиросой. Шатров не выдержал:

— Отчаянно, Андреич, куришь. Зря...

В дверях появилась Нина Семеновна.

— Добрый вечер! — приветливо кивнула она Шатрову.

— Вечер добрый! — ответил Шатров.— Мне пора,— вдруг засобирался он.— Засиделся!

— Да вы совсем недавно, кажется, и пришли? — возразила Нина Семеновна.— Давайте чай пить.

Она обернулась:

— Анюта! Накрывай на стол... и не забудь чайных ложек!... А то их вечно на столе не оказывается.

На Нине Семеновне был яркий, весь в оборках халат. На полной груди красовался пышный бант, прикрывая чересчур глубокий вырез.

«А женушка у него дома-то поприветливее,— подумал Шатров.— И собой видная, холеная. Только халат этот зря напялила. Попугаистый больно».

Нина Семеновна не любила, когда к мужу приходили люди с предприятия, но к Шатрову она относилась благосклонно: «Пожилой, рассудительный... понимает толк в хозяйстве».

Надо сказать, что Нина Семеновна за последнее время взяла бразды правления в свои руки, отстранив Марию Андреевну. Муж и золовка только дивились: откуда в ней взялось усердие в хозяйственных делах и... скупость? Максим Андреевич однажды сказал жене:

— Зачем ты, Нина, скряжничаешь? На столе у нас не всегда есть сливочное масло... в супе не видать мяса. Мне кажется, моего оклада хватает, чтобы питаться по-человечески.

Маленькие пухлые губы жены обиженно дрогнули:

— На еду-то хватит... Да одеваться по-человечески невозможно.— И она тут же, боясь рассердить мужа, добавила:— Ведь ты всегда хотел, чтобы я хорошо одевалась, правда?

— Правда.

— Я была поражена, когда на днях встретила Мохову в котиковой дохе...

Максим Андреевич усмехнулся:

— И решила, что у тебя будет каракулевая? Пожалуйста, покупай, как только я получу премиальные. Это, очевидно, будет осенью, как раз к следующему сезону.

На гладком лбу Нины Семеновны наметились морщинки.

— Но это же будет через полгода. К тому времени я что-нибудь бы скопила, а на твои премиальные можно купить другую ценную вещь.

Максим Андреевич ответил раздраженно:

— Ну, делай, как хочешь. Только не корми нас чем попало!

— Пожалуйста... А кормить я вас буду вкусно... Уж поверь своей хозяюшке.

Нина Семеновна бойко повернулась перед мужем. Максим Андреевич невольно отметил, что такая шаловливость не шла ей.

Этот разговор был с неделю назад, и они оба успели забыть о нем.

— Мария-то Андреевна, видать, в ночную смену работает?— спросил Говорова Шатров, когда сели за стол.

— Да нет... Но она всегда задерживается — дела!— Максим Андреевич тепло улыбнулся.— Послушать ее, так весь мир только на родильных домах и держится.

— А ведь, пожалуй, и так,— сказал повеселевший Шатров,— заведенье-то важное. А ведь чудно́ получается,— покачал головой Шатров.

— Что чудно́?— спросил Говоров.

— Да я о твоей сестре, Максим Андреевич,— тряхнул седыми кудрями Шатров.— Поди, сотни, десятки сотен на своем веку держала новорожденных Андреевна, а собственного-то не было...

— Убежденная старая дева! Так и говорит о себе.

— А зря! Ну что она для вас — сбоку-припеку, вы уж не обижайтесь, Нина Семеновна, в молодости-то и я на таких же птичьих правах жил у старшего брата... Знаю.— И, заметив, что этот разговор не очень приятен хозяйке, Шатров быстро перестроился.— Налейте-ка, Нина Семеновна, еще чашечку. Только погуще. Привык дома к крепкому чаю. Слушайте, Максим Андреевич,— повернулся Шатров в сторону Говорова, который машинально помешивал в стакане ложечкой.— До каких пор у нас в таких вагонах торф будут возить? Нагрузят с верхом, а он по дороге сыплется. Вагоны надо на две-три доски нарастить. А то не по-хозяйски, брат.

— Уже делается, Степан Петрович... Половина вагонов, как вы выразились, нарощены...

Нина Семеновна мягко улыбнулась.

— Наш Максим Андреевич не всегда мыслит по-хозяйственному... Вот рассудите нас. Я за то, чтобы в доме все было на учете... ничего даром не пропадало. Ведь мы живем не на ренту, на свои трудовые рубли...

— Это верно,— согласился Степан Петрович.

— Например, представьте, Степан Петрович, картофель... Некоторые хозяйки делают так — очищенный сырой картофель помоют, а воду выливают...

— А куда же ее, если не выливать?— поднял густые брови Шатров.

— Я вам скажу, куда...— хитровато прищурилась Нина Семеновна.—Воду нужно поставить, пусть стоит, а потом смотришь — на дне кастрюли пол-ложечки крахмала. На другой день еще пол-ложечки. И, пожалуйста,— на кисель уже хватит.

— Вот как?— удивился Шатров.— Андреич, а, каково?

— Ага...— ироническая улыбка мелькнула на четко очерченных губах Говорова. Он залпом выпил остывший чай.

Нина Семеновна продолжала:

— А вот этот торт вы не попробовали еще? — она отрезала кусок желто-серого рассыпчатого торта и придвинула на тарелке к Шатрову.— Кушайте, пожалуйста... Ну, как, вкусно?

— Ничего, приятно...

— И вид приятный, правда? А из чего, угадайте, я его приготовила? — Нина Семеновна поправила бант.— Ни за что не угадаете! Так и быть скажу: из крошек! Ведь некоторые так называемые хозяйки выбрасывают со стола крошки, а я — на тарелочку их! Подсохнут — в мешочек, а потом масло, сахар, смотришь,— торт...

При последних словах хозяйки Степан Петрович незаметно отодвинул от себя тарелку и попытался улыбнуться. Взглянув на багрового от возмущения Говорова, подумал: «Э, как мужика-то сконфузила!.. Умом-то она, видно, не шибко сильна».

А Максиму Андреевичу в первую минуту захотелось сбросить со стола торт, накричать на жену... Он еле сдерживался. Предложил Шатрову закурить, завел разговор об охоте. На жену, которая время от времени пыталась делать замечания, он даже не смотрел. Вско-

ре пришла Мария Андреевна. Она была в темно-зеленой кофточке, в белой батистовой косынке. От ее добрых карих глаз, от щек, подрумяненных морозом, в комнатке стало уютнее.

— Здравствуйте, Мария Андреевна, здравствуйте,— ответил на приветствие Шатров.— А я вот зашел к братцу вашему, да и засиделся.— Он отер высокий лоб тыльной стороной ладони, потом вынул платок и вытер им руки. Степан Петрович явно испытывал смущение.

— А у нас сегодня денек горячий был! — сказала Мария Андреевна, наливая себе чаю...— Да вы что это меня оставили одну чаевничать-то?.. Жена вашего слесаря с пятого участка родила троих... И все — хлопцы!

— Эх, Иван Савельевич, постарался! — покачал головой Шатров.— Надо, Андреич, ему в новом доме обязательно квартиру дать. Был один ребенок, а теперь сразу четыре. Ну, я пойду. А то мои близнецы забыли, поди, и уроки учить.— И, кинув взгляд на Марию Андреевну, добавил:— Ну, бывайте здоровы, в гости к нам!

Максим Андреевич пошел к себе в кабинет: хотел было заниматься, но почувствовал, что не сможет. Он сидел в кресле, курил и задумчиво смотрел на покрытое изморозью окно. Вошла Нина Семеновна. Осмотрелась вокруг и, не найдя на что сесть, сказала:

— У тебя же раньше всегда стоял второй стул...

— Стоял.— Он поднялся с кресла: — Садись, Нина.

Жена села. Максим Андреевич вышел в столовую за стулом. Сестра спросила:

— Зачем это Шатров приходил?

Максим Андреевич лукаво сощурился:

— Знаешь, Маша, а мне вдруг захотелось об этом у тебя спросить! Именно у тебя.— Он обнял сестру.— Не сердишься?

Мария Андреевна зарделась и стала совсем молодой.

— Сержусь...— Она ласково потрепала его каштановые волосы.— И когда исчезнут, наконец, эти мальчишечьи вихры? Когда у тебя будет солидная прическа, Максим?

— Когда полысею...— улыбнулся Говоров. Но улыбка исчезла сразу, как только он возвратился в кабинет. Там он молча стал настраивать приемник.

Нина Семеновна ближе пододвинулась к мужу.

— Ты недоволен мною?— спросила она тоном обиженного ребенка.— На что ты сердишься?

— На крошки, черт бы тебя побрал!— Максим Андреевич оставил приемник: — Да, да! Ты состоишь вся из крошек, как твой торт! Ты стала мелочной! Обывательски пошлой! И все потому, что сидишь дома... занимаешься только тряпками и... крошками.

— Все ясно, мне все понятно, — захныкала Нина Семеновна.— Как только я захотела иметь дорогую вещь, так ты...

— Замолчи! Тебе нет и тридцати лет. Надо учиться. Обязательно. Я говорил тебе много раз и прежде.

Максим Андреевич вынул папироску, но, не закурив ее, скомкал и бросил в пепельницу.

— На кого же мне прикажешь учиться? — полные плечи Нины Семеновны нервно подернулись.

— Я не приказываю, Нина. Я прошу. Ты одно время совсем было собралась учиться, а потом, видимо, забыла. Сейчас все условия есть: Андрюша большой, домработница живет. Ну, в конце концов, занимайся общественной работой, что ли... Хочешь, мы тебя включим в опекунский совет нашего детского дома? Я сам там работаю с большим удовольствием.

— Да, но...— Нина Семеновна всхлипнула,— я хотела бы иметь второго ребенка... моя мечта...

Максим Андреевич поморщился:

— Когда я вернулся с фронта, я тоже хотел, чтобы у нас был второй ребенок. А теперь не хочу... Ясно?

Нина Семеновна широко открытыми глазами уставилась на него.

Максим Андреевич прошелся по комнате, остановился около жены:

— Нина, знай, если все останется по-прежнему, я тебя разлюблю... Я боюсь этого и не хочу. Но... может быть, Нина! Подумай! Помоги мне сама... Я не знаю как сделать тебя другой. С чего начинать?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

В ночь под Новый год Степану Петровичу было особенно не по себе. Старшая дочь Ольга уехала с мужем в Свердловск к его родне. Ждал с вечернего поезда

Якова, но он не приехал. Известное дело, раз Ирина Дружинина осталась в городе — он тоже.

Степан Петрович уложил близнецов спать. Достал из шкафчика граненый графинчик, выпил рюмочку. Вспомнил покойную жену, погибшего сына... Прослезился.

Закрыл графинчик хрустальной пробкой, искусно сделанной в виде еловой шишки. Задумался. С улицы доносились веселые песни. Поселок встречал Новый год. Степан Петрович поднялся. Некоторое время он в раздумье стоял перед графинчиком. Потом надел доху, решительно подошел к столу и сунул графинчик в объемистый карман.

Он шел по узкой тропинке к новому поселку И чем ближе был длинный одноэтажный освещенный дом, тем быстрее шагал Шатров.

«А вдруг уже отдежурилась?»— думал он. Кнопку дверного звонка родильного дома Степан Петрович нажал с силой и озорно, по-молодому улыбнулся: «Поди, подумают: кому это родить приспичило?»

За дверью послышались торопливые шаги. Открыли. Степан Петрович, отбросив полы своей широкой дохи, шагнул через порог и столкнулся лицом к лицу с Марией Андреевной.

В белоснежном халате, на нагрудном кармане которого вышиты инициалы «М. Г.», Мария Андреевна показалась Шатрову молодой, и он невольно подумал: «А я... старик совсем». Но тут же расправил молодецкие плечи, стянул с головы мохнатую шапку с бархатным верхом, отряхнул заиндевелую бороду.

— С Новым годом, с новым счастьем, Мария Андреевна!— Он почтительно пожал ее маленькую крепкую руку.

— С Новым годом, Степан Петрович! — вся сжалась от смущения Мария Андреевна. Она видела, что этот большой, грузный человек, которого, несмотря на буйную бороду и годы, трудно назвать стариком, как-то смущенно и нерешительно топчется у дверей, и сама растерялась еще больше:

— Кто-нибудь рожать собрался?

— Нет, мать моя, никто.

Шатров повесил доху на гвоздь.

— Главный-то врач дома Новый год встречает —

так ведь? Ну, а я иду мимо, дай, думаю, зайду, Андреевну поздравлю... Да, что же мы, мать моя, стоим у порога-то... Ты проведи меня куда-нибудь.

— Не положено ведь, Степан Петрович... Только роженицы могут...

— Ну, что ж, не положено, так не положено, давай здесь в передней посидим.— И Степан Петрович сел на узкий фанерный диванчик.

За стеклянной дверью по коридору прошла дежурная няня. Мария Андреевна кивнула ей: дескать, скоро приду...

Степан Петрович пододвинул к столу стул и пересел на него с дивана спиной к двери, загородив собой Марию Андреевну.

Она все порывалась уйти — и не уходила.

Степан Петрович убеждающе сказал:

— А ты, мать моя, сиди спокойно. Если ты там потребуешься, тебя найдут. Посиди и няне дай вздремнуть. Видела — сон-то так ее всю и перекосил.

— Да вы скажите, в чем дело-то, Степан Петрович? Может, мы завтра поговорим.

— Нет уж, давай сегодня...

Степан Петрович извлек из дохи графинчик, поставил его на стол, из кармана достал крошечный стаканчик.

— С Новым годом, Мария Андреевна! Выпей-ко давай. Я чуток успел, ну а больше без тебя неохота.

Но Мария Андреевна с таким испугом замахала руками, что Степан Петрович сам поспешно взялся за стаканчик.

— Ладно, от греха подальше...— за твое и мое здоровье, Андреевна! — Он выпил.— А жаль, что струсила. Смородинная ведь! Сам приготовил. И слабенькая, женская... Ну, что поделаешь, ты на работе — неволить не стану.

Он снова убрал графинчик в карман дохи.

— Так вот, пришел... Посоветоваться, решить... Нам вместе с тобой около ста лет. О любви в этом возрасте говорить необязательно... Ну, а коль она появится, греха не будет.— Степан Петрович вздохнул и сделался серьезным.— Так вот...— И он прямо взглянул в лицо порозовевшей, взволнованной Марии Андреевне: — Давай вместе век доживать!

Мария Андреевна смущенно молчала. Что греха таить? — нравился ей этот сильный и веселый, строгий и ласковый человек, портрет которого она так часто видела на доске «Лучшие люди предприятия».

Степан Петрович поднялся.

— Так, если я вам по нраву прихожусь, нечего тут и раздумывать, Мария Андреевна.

— А что люди-то скажут, Степан Петрович? Старики ведь мы с вами! Да и слово я себе давала: никогда ни с кем себя не связывать.

— Слово — это ничего, когда себе. Сама себе дала, сама у себя и взяла — и вся тут недолга. А люди? Люди мне сами на вас указали. Так, значит, решили?

Мария Андреевна задумчиво покачала головой.

Помолчали.

— Близнецов-то моих будешь любить? — спросил Шатров.— Али они чужие тебе?

— Да как же не любить-то? — воскликнула Мария Андреевна.— Столько я их приняла за свою жизнь.

— Вот и хорошо...— Степан Петрович тихо погладил ее по плечу: — Дай бог нам с тобой доброй жизни...

2

После работы Максим Андреевич спешил к магазину поселка.

«Завтра день рождения Андрейки. Шесть лет хлопцу! Мужчина!— думал Максим Андреевич, шагая к магазину.— Надо подарить что-нибудь... особенное!»

В магазине Максим Андреевич долго выбирал подарок, советовался с продавцом. «Купить вельветовый костюмчик?.. Это скучно. Так получит, не в день рождения... Велосипед у Андрейки есть...»

В это время в магазине кто-то несмело заиграл на пианино: до-ре-ми. Максим Андреевич обернулся. У пианино стояла девочка лет четырех. На личике ее была радость и растерянность. Ручонки осторожно опустили крышку. «Да это же дочка Дружининой!» Рассерженная бабушка строго отчитывала девочку.

— А тебе, Галинка, я вижу, хочется научиться играть? — спросил Говоров.

— Очень хочется,— сказала Галинка и посмотрела на Говорова мамиными серыми глазами.

У Максима Андреевича сильнее забилось сердце.

— Я покупаю пианино,— сказал он продавцу,— пусть сын учится. В школе есть музыкальный кружок.— Ему хотелось еще поговорить с дочкой Дружининой, но бабушка, неприветливо взглянув на Говорова, повела ее из магазина. Галинка бабушки нисколько не боялась, весело болтала.

— А я знаю, кто этот дядя, бабуся! Это Андрейкин папа.

— Ну, знаешь, так и знай... Что об этом разговаривать.

А Галинка продолжала:

— Андрейка меня на санках с горы всегда катает. Если ему папа купит, я научу его играть... Нас в садике учили... Все старшие и средние умеют играть, а малышам не разрешают. Малыши-карандаши, малыши-карандаши! — пропела Галинка.— Бабушка, сегодня выходной. Возьми меня ночевать, я очень хочу молока с пенками. Только ты молока дай мне одну-одну капельку, а остальное все пенки. Хорошо?

— Ладно, егоза...— ответила бабушка, думая о чем-то своем.

3

Вечерело. Падал большими хлопьями снег. Он слепил глаза, налипал на плечи. Слабо мерцали редкие звезды. Впереди, на дороге, по которой шел Максим Андреевич, огромным ежом катался клок сена, оброненного с подводы. Тишина.

Максим Андреевич снял шапку, чтобы стряхнуть с нее снег, да так и остался с непокрытой головой. Снег таял, капли ползли по щекам. Это было приятно. Не хотелось возвращаться в жарко натопленные комнаты, где от одного обилия салфеток, подушечек, ковров и ковриков становилось душно.

Чернели сосны. Поселок остался далеко позади. Снегопад кончился. Подул холодный встречный ветер. Максим Андреевич надел шапку, повернул обратно. Теперь ветер подгонял его. Идти стало легко. Говоров усмехнулся:

«С попутным-то ветром куда легче идти! Иди, не спорь, знай соглашайся и примиряйся. Ветер попут-

ный...— и вдруг остановился на последнем слове: — А вот в жизни, когда близкий человек оказывается лишь попутчиком — плохо дело! С ним далеко не уйдешь: он друг тогда, когда дорога твоя гладка и небо безоблачно...»

Он снова круто повернул назад, и резкий ветер ударил в лицо: «Нет, не попутчик, а спутник мне нужен. Верный. Надежный. Понимающий».

Он вспоминал о женщине, о которой было запретил себе вспоминать, чего-либо ждать, надеяться.

Лицо Лизы, голос, характерные только для нее одной жесты, движения представлялись ему особенно отчетливо.

«Что она делает сейчас? Наверное, занимается или с дочуркой возится... С ней бы идти по этой дороге, борясь с ветром».

Зимние сумерки быстро сгущались. Сквозь облака пыталась прорваться желтолицая луна, но это ей никак не удавалось.

По заснеженной дороге к поселку шла женщина.

«Как в сказке... Шел-шел, хотел встретить и в самом деле встретил»,— подумал Максим Андреевич, приближаясь к Лизе.

— Елизавета Георгиевна, добрый вечер!

— Вечер добрый, Максим Андреевич!

Говоров вздрогнул. Ее голос прозвучал особенно задушевно в снежных сумерках.

— Елизавета Георгиевна, зачем вам торф? — кивнул Максим Андреевич на сеточку в руках Лизы, в которой лежали крупные куски смерзшейся торфяной земли.— Печку топить собираетесь, что ли? Так тогда надо кирпичами, а не землей.

— Смейтесь, смейтесь, Максим Андреевич! — добродушно сказала Лиза.— А у меня — идея.

— Идея — великое дело. Ради идеи прогуляться в выходной день за несколько километров — пустяки.

— Правильно, пустяки. И полезно, и приятно... А это мы с техноруком еле отдолбили из-под снега. Промерзла очень почва.

На Лизе был ее всегдашний рабочий жакетик, опушенный белой цигейкой.

— Сушка торфа не дает мне покоя, Максим Андреевич!

— У каждого свое,—шутливо вздохнул он.— У кого сушка торфа, у кого торфоуборочная машина... Я вот сейчас шел и думал...

— О торфоуборочной машине?

— О ней...

— Ну и что же решили? Опять что-нибудь переделывать? Да?

— Ничего не решил, Елизавета Георгиевна.— Он с грустной улыбкой посмотрел сбоку на Лизу.— И ничегошеньки переделывать не собираюсь.

— А это очень плохо! — горячо возразила Лиза и невольно тоже заглянула в лицо Максима Андреевича.— По лицу вижу, что эта конструкция вас чем-то не устраивает.

— Ничем не устраивает...

— А вы не хотите ее переделывать! Надо добиваться... Как это не похоже на вас — складывать оружие!

— Не похоже? — Максим Андреевич хотел что-то сказать, но промолчал. Он думал: «Если бы с Ниной можно было бы так говорить и видеть с ее стороны такое же понимание, поддержку...»

— Все-таки зачем вам этот необработанный торф, Елизавета Георгиевна?

— Максим Андреевич, все расскажу потом... Для опыта.

— Но почему же вы за торфом ходили на свой участок... когда можно было взять его ближе?

Лиза смущенно улыбнулась:

— Знаете, Максим Андреевич, хотелось взять со своего участка... Там, мне кажется, и залежь-то другая, и торф особенный. Осенью он лежит в штабелях, как бархатный...

— Ой, фантазерка вы... Уж нашли что-то бархатное в торфе! — И мысленно докончил: «Милая моя фантазерка!» — А статью я вашу в журнале прочел... Кой с чем не согласен, а в принципе хорошая статья, проблемная... По душам скажите: диссертацию-то готовите, а? По крупинкам собираете?

— Собираю, Максим Андреевич,— созналась Лиза.

— Условия для научной работы у вас пока неважные... Трудно...

— Разумеется, нелегко, когда и работа, и... дом.

Но не только это мне мешает... Максим Андреевич, порой мне кажется, что я неспособна... Мне все хочется внести что-то свое, не повторяться, не перепевать.

Они приближались к поселку. Максим Андреевич подумал о том, что завтра в это же время он, если и захотел бы, не сможет ее видеть. После работы он будет сидеть у себя в кабинете или дома, будет курить и... все время думать вот об этой женщине, которая ни о чем не хочет догадываться. И забылось вдруг решение: «не тревожить ее». Максим Андреевич остановился, бережно взял Лизины руки.

— Елизавета Георгиевна, мне бы очень хотелось чем-нибудь помочь вам... У меня ведь неплохая техническая библиотека — все новинки. Если вам потребуется что-нибудь для работы над диссертацией, я всегда...— Он умолк. Лизе показалось — кроме его голоса, она сейчас совершенно неспособна слышать что-либо другое. Как во сне, до нее донесся слабый шорох голых ветвей на обочине дороги, далекий паровозный шум.

— И я еще хотел бы сказать... Вы будете помнить, что у вас есть надежный друг?..

Лиза пошевелила носком черного валенка снежный комочек на дороге. Он рассыпался.

— Вы будете об этом помнить?

Нет, ему совсем не обязательно слышать ее ответ. Он видит — пушистые ресницы дрогнули и замерли.

4

У дверей кабинета главного инженера сидела Марфуша Багирова. Увидев Говорова, поднялась ему навстречу.

— Я к вам, Максим Андреевич,— в ее голосе, всегда звонком, задорном, сегодня слышалась явная растерянность.

— Что это вы, товарищ Багирова, сегодня этакая... кислая? Здорова ли?

— Здорова, Максим Андреевич.

Говоров, чтобы помочь ей преодолеть смущение, спросил:

— Торфоуборочную машину хорошо изучили?

— Да, ровно, каждый винтик, Максим Андреевич, знаю...

— А курсы водителей этих машин, Марфуша, все

равно нужно будет окончить... Винтик-то в машине ты знаешь каждый, но на ощупь. Этого маловато...

— Окончим и курсы,— согласилась Багирова, опустив черные глаза, уголки которых были скошены к вискам.

«Молодец. Просто молодец,— думал Максим Андреевич, глядя на Багирову.— Увидела, что ее профессия исчезает, что торф не руками будут убирать, а машиной, и устремилась учиться! И увлечена этим по-настоящему. Трудно ей будет — с механизмами не сталкивалась. Ну, ничего, поможем. Такие справятся...»

— Я вот съезжу в Ленинград, окончательно уточню там конструкцию машины. И мы еще повозимся с ней, в работе посмотрим побольше. А ведь здорово, Марфуша, получится,— с искренним восторгом сказал Говоров,— осенью прибудет к нам эта машина, и ты сядешь за руль,— Говоров взмахнул рукой вдаль,— и поехала... Оглянулась, а за тобой торфа нету! Поле чистое, где проехала. А сбоку целый караван готового, убранного тобой одной торфа, и не надо десяткам подружек твоих спину гнуть. Здорово, а?

— Здорово! — откликнулась Марфуша.

— Ну, а теперь давай рассказывай, зачем пришла,— сказал Говоров.

Она помолчала. Лицо ее вдруг плаксиво сморщилось:

— С мужиком хочу разводиться.

Рука Максима Андреевича, перелистывавшая настольный календарь, остановилась. Он растерянно посмотрел на молодую женщину:

— Рассказывай, Багирова, слушаю.

— Плохо, Максим Андреевич, живем с Васильем. Попрекает меня. Ворчит... Неласков стал... с дитенком — хорош, а меня не видит, ровно...

— И давно так?

— Да весь последний год, посчитай...

Максим Андреевич подумал, что именно в последний год бригада Багировой прочно заняла первое место. Бойкая, звонкоголосая Марфуша ездила на областной смотр художественной самодеятельности, получила премию. Теперь ее выдвинули кандидатом в депутаты городского Совета.

А ее муж Василий Багиров? Он по-прежнему дежурный электрослесарь на участке. Незаметно, но

хорошо работает. «Парень он, кажется, самолюбивый... Может быть, здесь кроется причина?»

— Марфуша, а ты... сама ласкова с мужем?

— А как же, Максим Андреевич!— воскликнула она.— Встаю раным-рано... свежим кормлю его... А видели у него рубаху вышитую?

— Видел.

— По ночам сидела!.. Люблю его, черта белобрысого...— Марфуша всхлипнула и уткнулась в платок. Максим Андреевич улыбнулся.

— Свекровь ходит, шипит. Душу всю вымотала. Уеду от них... Брошу!— воскликнула Марфуша.— Проучу — будут знать! Вот я и пришла — отпустите меня.

— Постой, Марфуша,— сказал неуверенно Говоров,— скажи мне... а как, где ты... полюбила Василия? Как вы полюбили друг друга?

— Да где же полюбила, Максим Андреевич, известно, дома у себя. Он работал в колхозе.. Убирал хлеб, сено косил... А как здорово косил! — Марфуша широко развела руками.— Как пройдет, бывало, Василий, так полоса за ним шириной с вашу комнату!

— А ты что в колхозе делала?

— Картошку выращивала...

— И тоже больше других, лучше?

— Ага, Максим Андреевич, лучше!

— И Василий заметил тебя, а ты его? И полюбили?

— Ага, — вздохнула Марфуша. — Полюбили, на горе.

— Ну уж скажешь — на горе! Раз любите друг друга, а это главное, и я не верю, что ты можешь прожить без него, а он без тебя.

— И я не верю...— всхлипнула Багирова, вытирая полушалком глаза.— Но как же быть-то? Шибко невесело мы живем.

— А вот, давай подумаем, как... Слушай,— оживился Говоров,— а не поехать ли вам обоим снова в колхоз, на родину?

— Нет, Максим Андреевич, я не поеду. Торф убирать — шибко-шибко мне глянется... Не поеду... Переведите лучше меня на какое-нибудь другое торфопредприятие.

— Но Василий бы поехал?

Марфуша задумалась.

— Нет, без меня бы не поехал. Да ведь ему и здесь хорошо. Он любит робить слесарем... все умеет делать... Багер, стилочную машину быстро-быстро исправит... Даже сама не пойму, и что мой Василий хмур, как дождливый день.

Говоров поерошил и без того вихрастые волосы, задумался. Потом решительно сказал:

— Вот что, Багирова, иди сейчас домой и... не нервничай... Депутату, лучшему бригадиру разводиться с мужем нельзя.

— Если дома будет, как в могиле, заберу дитенка — убегу! — сверкнула глазами Марфуша.— Не могу больше!

— Убежать никогда не поздно... Ты иди домой и пришли ко мне...

— Василия? — обрадовалась Марфуша.

— Нет, свекровь...

Багирова удивленно и недоверчиво посмотрела на главного инженера.

— Да-да, свекровь,— подтвердил Максим Андреевич.— Кстати, как ее имя, отчество?

— Матрена... Семеновна.

Максим Андреевич записал на настольном календаре «Матрена Семеновна»...

— Иди и спокойно скажи ей, что главный инженер хочет побеседовать с нею.

— А Василию... тоже «спокойно»...— не надо?

— Нет, не надо,— улыбнулся Говоров.

Дверь за Марфушей закрылась. Максим Андреевич снял телефонную трубку и... задумался. «Чужую беду руками разведу, а к своей ума не приложу... Других убеждаю, что нельзя семью разрушать, а сам к чему иду?» Ему вдруг стало мучительно стыдно, будто его уличили во лжи.

— Слушаю... слушаю вас, Максим Андреевич,— настойчиво повторяла коммутаторная телефонистка, а в голове Говорова стремительно возникали какие-то обрывки мыслей: «Коммунист, руководитель предприятия... а у нее тоже ребенок, муж... Но мы с Ниной совершенно чужие люди...»

Наконец, он овладел собой.

— Четвертый участок... Дружинину... Здравствуйте, Елизавета Георгиевна! — голос Говорова был подчерк-

нуто официален и сух.— Я вот о чем... Полагаю, что Василий Багиров у вас слишком долго ходит в рядовых слесарях... Надо его перевести в старшие. Парень он деловой. Зимой пошлем его на курсы механиков. Может быть, из него получится участковый механик... Договорились?

Наступило молчание. Дружинина не отвечала на его вопрос, и Максим Андреевич снова почувствовал смятение. А Лиза была поражена даже не столько категорической формой услышанного, вообще не свойственной Говорову, сколько его тоном.

— Договорились? Ну о чем тут долго размышлять? — с ноткой раздражения, неожиданной для него самого, сказал Говоров.— Помнится, вы хорошо отзывались о Багирове...

— Да! Он неплохой работник,— Лиза говорила спокойно и так же сухо.— Но выдвигать его еще рано. Пусть поучится, приобретет такое же уважение в коллективе, как его жена...

— Ради жены-то и надо поднять парня...— попробовал убедить ее Говоров.— Семейная жизнь у них разлаживается.

— Почему мы должны мужа за женой продвигать. Его сама Марфуша всячески тянет-тянет, а он упирается. Выдвинем, задерет нос.— В этих словах прозвучала горечь, непонятная Говорову, и совсем уже жестко Лиза закончила:— Нет, я решительно против, Максим Андреевич. Пока против.

Разговор продолжался еще несколько минут, все с увеличивавшейся горячностью и раздражением обеих сторон.

— Вы что думаете, чуткостью своей красоваться собираюсь? — спрашивал Говоров.

— Ничего я не думаю... о вас! — вырвалось у Лизы.

— Ну что же, и на этом спасибо. До свидания,— злясь на себя и на Лизу, Говоров бросил трубку на рычаг. И так же, как Лиза, там, далеко на участке, подумал, что вчерашний разговор в сумерках был ошибкой, непростительной глупостью.

«Может, я был слишком резок, но так лучше»,— подумал Максим Андреевич и горько усмехнулся.

Вскоре пришла свекровь Багировой, маленькая старушка, на вид тихая и скромная.

— Здравствуйте, здравствуйте, Матрена Семеновна,— пожал ей руку Говоров,— садитесь, пожалуйста.

Старуха села.

— Матрена Семеновна, у вас нелады в семье. Марфуша собирается уезжать отсюда.

Тонкие губы старухи собрались в оборочку.

— Вольному — воля. Захочет — держать не станем.

Он сказал строго:

— Вы-то, может быть, и держать не станете ее, да сыну — горе.

Старуха вздохнула:

— Кто его знает...

— Вот что, Матрена Семеновна, вы — старшая в семье, сноха вас уважает. От вас зависит ее благополучие. Внука-то любите?

— Какая бабушка своих внучат не любит — разве волчица только.

— Правильно... Уезжать кому-либо из вашей семьи не надо никуда. Скоро вы получите новую квартиру, отдельную — две комнаты, с разными там кладовками. Вам ведь тоже свой угол надо, что с ними, с молодыми, в одной комнате ютиться.

— А как же, конечно, надо,— лицо старухи потеплело.— А огородик-то близ новой фатеры будет ли?

— Будет, Матрена Семеновна, будет. И сад коллективный будет. У вас был сад дома?

— Махонький был.

— Ну, а здесь в коллективном саду получите большой участок. Только знайте, ухаживайте. Видели ведь, наверно, какая громадная площадь огорожена? Все это наш сад будет. Скоро саженцы привезем.

Максим Андреевич умолк, что-то соображая.

— Внук-то у вас дома? Нянчитесь с ним?

— Нет, в садик водим его...

— Так ведь вам совсем скучно день-то одной коротать... Корову надо завести... Вы вот что, Матрена Семеновна, скажите сыну, чтобы он ссуду взял у предприятия, взаймы денег на корову.

— Скажу, скажу, сынок. Коровку-то охота мне...— старуха посветлела.— И совсем как в деревне зажили бы.

— Ну, вот... А сноху, Матрена Семеновна, обижать не надо. Она ведь у нас уважаемый человек на

предприятии, депутат... Только жить да радоваться.

— Да нешто, сынок, мы забижаем... Ну, поворчу когда... мало ли дома бывает! По вечерам ей клубы разные задались...

— Добрее надо быть, Матрена Семеновна. Молодые ведь они с Василием-то. А вы так делайте: пошла сноха в клуб, цикните на сына: чего, мол, дома-то сидишь. Иди тоже!

Старуха заулыбалась: уж больно прост да весел этот начальник.

— Ну, ладно, буду, нето, говорить так... А сноха ничего у нас и собой видная. Но задириста!..— Старуха вздохнула.— Уступать, наверно, мне придется.

— А вы не бойтесь молодым уступать — любить вас будут больше.

— Ой ли! — усомнилась старуха.

— Увидите.

— Ладно уж...— махнула она рукой. У дверей вдруг остановилась, спросила:

— В гости-то зайдешь когда-нибудь?

— Зайду, Матрена Семеновна... На новоселье.

— Всего доброго вам,— сказала старуха.

«А хорош начальник... Добрый, веселый».

Но начальнику было совсем невесело.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Коллективный выезд в город, в оперный театр, наконец состоялся.

Максим Андреевич, прогуливаясь в фойе, приветливо кивал направо и налево.

Вот идут Багировы. Чернобровая румяная Марфуша держит под руку своего невзрачного белобрысого мужа Василия, любовно заглядывая ему в глаза.

В черной тонкого старинного сукна тройке, в скромном темном галстуке прошел своей прямой походкой Степан Петрович Шатров с кульком яблок, ни на кого не обращая внимания, потому что еще издали заметил белоснежную косынку Марии Андреевны.

Наблюдая за Шатровым и сестрой, Максим Ан-

дреевич радовался. Он понимал, что сестра решилась, наконец, «устроить свою личную жизнь». Это было единственное, что отвлекало его сегодня от мрачных мыслей, от непонятного душевного беспокойства.

Утренний разговор с женой не улучшил настроения Говорова, хотя, казалось, они вполне поняли друг друга.

...Максим Андреевич сидел у себя в кабинете, разбирал чертежи новой торфоуборочной машины. Вариантов было несколько, но Максима Андреевича пока ни один из них не удовлетворял. Он начал набрасывать дополнения, изменения. И, кажется, стало получаться. В этот момент вошла жена. Сев около него, она спросила:

— И сейчас ты на меня сердишься?

— Из-за чего же?

Нина Семеновна кивнула на книжную полку, где стояли сочинения Толстого, потупилась:

— Ну, из-за того, что тогда в Канаше я продала «Анну Каренину» и «Воскресение».

— Что ж делать...— миролюбиво сказал Максим Андреевич, — правда, мне вначале обидно было. Главное — на этих книгах были надписи тебе, а потом, ты сама знаешь, с каким трудом до войны я собирал каждый том Толстого...

— Извини меня,— сказала Нина Семеновна и виновато приникла головой к груди мужа.— Но я иначе не могла поступить. В Канаше нам жилось трудно.

Максим Андреевич знал, что жене было не так уж трудно. Он аккуратно посылал солидные переводы, сестра работала. И сейчас Нина заговорила об этом просто потому, что взглянула мельком на полку, где стояли произведения Толстого. Кокетничает, ясно. Все это понимал Максим Андреевич, но спорить с женой не мог, да и не хотел. В последнее время он старался быть терпеливым и ласковым.

— Ну, полно. Нечего огорчаться. Достанем и «Анну Каренину»... Ты что-то еще хочешь мне сказать?

— Да... Осенью я думаю поступить на заочное отделение пединститута. Буду географом. Я когда-то страшно увлекалась книгами про путешественников.

И собираюсь готовиться к экзаменам... Подбери мне, пожалуйста, для этого книги. Я решила твердо.

Не совсем поверив жене, Максим Андреевич все-таки обрадовался. А может быть, она серьезно решила. Должно же и у нее, наконец, появиться стремление к чему-то...

В фойе все больше и больше прибывало народу. Там и тут мелькали лица соколовцев.

— Видимо, пришел еще один автобус,— сказал Максим Андреевич жене.

— Да, должно быть, последний,— лениво заметила Нина Семеновна. Она была в голубом платье-костюме из модного пан-бархата. Пышная юбка и жакет в оборках на груди еще больше полнили ее. Жена главного инженера имела весьма представительный вид.

Идя с ней рядом, Максим Андреевич не раз замечал взгляды мужчин и женщин, останавливавшиеся на Нине Семеновне. Но странно, раньше ему это нравилось, он даже в душе гордился женой, а сейчас почувствовал, что внимание посторонних людей к Нине ему безразлично.

— Пойдем, Максим, в зал,— попросила Нина Семеновна. Новые лакированные туфли немилосердно жали, она с трудом шла.

— Нет, погуляем еще немножко. Ты думаешь, это последний автобус от нас пришел?

Нина Семеновна посмотрела на часики:

— Думаю, что да... До начала только десять минут.

И вдруг Говоров отчетливо понял: весь смысл потеряет сегодняшняя поездка, если сейчас здесь он не встретит Елизавету Дружинину.

Прозвучал второй звонок, и Нина Семеновна сказала:

— Ну, идем же, наконец, на свои места.

Раздались плавные, а потом бурные звуки увертюры, которую Говоров так любил, так искусно насвистывал, но ему стало скучно, раздражала жена, прижавшаяся к его плечу.

И вдруг он вздрогнул и невольно отодвинулся от Нины, увидев Елизавету Дружинину. Она и ее муж несколько запоздали. Лиза, пробираясь между тесно

сидящими людьми, извинялась и смущенно улыбалась. Топольский же, следуя за ней, ни на секунду не терял чувства собственного достоинства.

Лиза уже сидела, а Аркадий все еще неторопливо и важно шел к креслу, задевая колени сидящих и небрежно роняя: «Виноват!»

Говоров не смотрел на Лизу. Совсем не обязательно видеть, он чувствовал ее присутствие. И ему казалось, нет, ему верилось, что и Лиза... «Не может быть, чтобы Лиза не думала обо мне, когда я мысленно с нею...» Раньше Говоров гнал подобные мысли, а теперь уже не мог и не хотел расстаться с ними.

...Марфуша Багирова слушала оперу, позабыв обо всем на свете, смуглое лицо выражало глубокое наслаждение.

Зато муж ее, Василий, заскучал. Он громко шепнул жене, кивнув на сцену:

— Он орет, она орет — пойдем домой!

— А ты не ори!— пробасил сдержанным шепотом Шатров. Подавшись в сторону Багирова, он добавил:— Дождешься антракта — и до свидания. Только жену оставь с нами — она понимает в музыке толк, не чета тебе.

Дерзкий Василий Багиров в другое время за словом в карман не полез бы, но Шатрова он уважал, да и к тому же со всех сторон смотрели укоризненно-насмешливые глаза.

Правда, сам Степан Петрович оперу слушал тоже не очень внимательно из-за сидящей рядом Марии Андреевны.

Он смотрел на ее маленькие руки, спокойно лежавшие на пуховом платке, сложенном на коленях. Ему захотелось коснуться этих рук, но он лишь вынул из кулька большое румяное яблоко и положил на пуховый платок.

Когда кончилось первое действие, Нина Семеновна сказала мужу:

— Я не пойду в фойе... Погуляй один.

Причиной такого решения были лакированные туфли, которые во время действия стояли у ног Нины Семеновны. Она не могла подумать без ужаса о том, что придется надеть их.

Говоров обрадовался, как школьник. Быстро вы-

шел из зала, отыскал глазами Елизавету Дружинину. Она разговаривала с какой-то незнакомой молодой женщиной. Когда Говоров приблизился, женщина, приветливо кивнув Лизе, отошла.

Лиза увидела Говорова, он стоял почти рядом с ней. На секунду она замерла — столько радости, и какой-то новой, необычной, было в глазах Максима Андреевича. Она даже отвернулась, боясь выдать взглядом и свое волнение.

На Лизе было простое темно-зеленое шерстяное платье со старинными шелковыми кружевами у ворота. Шею обвивала нитка мелкого жемчуга — подарок матери. Сама Анна Федотовна никогда его не носила. «Подрастут девицы — пусть носят, если им поглянется». И жемчуг лежал в одном из ящиков комода, пока его не нашла вездесущая Иринка. Нить была разрезана пополам. Одна половина — Лизе, другая — Иринке.

Сегодня Лиза впервые надела ожерелье, и от непривычки ей все время хотелось дотронуться до зернышек жемчуга.

Тяжелая коса, уложенная на затылке, чуть оттягивала голову назад, что придавало женщине немножко горделивый и независимый вид.

Говорову Лиза показалась даже несколько чужой. Роднее, ближе была ему та, какую он видел в Соколовке. Может быть, поэтому, здороваясь, он не задержал ее руку в своей. Преодолевая смущение, сказал:

— Вы, Елизавета Георгиевна, сегодня какая-то... неожиданная!

Она хотела что-то ответить, но только улыбнулась. Почему — он не понял.

—...Извините, Максим Андреевич, мне нужно идти... Меня ждут.

Но он, вдруг найдя ответ своему недавнему настроению, понял себя, удержал:

— Подождите. Сейчас...

И торопясь, зная, что в любой момент могут подойти, помешать, заговорил горячо:

— Недавно я вас встретил вечером, когда вы шли с работы, вы были такая простая, радостная... Сегодня вы — совсем другая. Гордая, строгая. Может быть,

тот телефонный разговор...— Он говорил путанно, бессвязно, но не мог остановиться.— Вы опоздали... Я смотрел на дверь... Я не видел вас в Соколовке неделю, но это равно месяцам... Боялся, что вы не приедете в театр, очень боялся.

Лиза не то испуганно, не то насмешливо посмотрела на Говорова.

— Максим Андреевич, на вас опера действует...

Она дотронулась до своих щек. Они горели. И, увидев, что этот жест заметил Максим Андреевич, вспыхнула еще больше.

К ним приближалась Нина Семеновна. Они заметили ее одновременно. Нина Семеновна, несмотря на свои туфли-оковы, решила выйти.

Лизе на миг показалось: вот сейчас перед Ниной Семеновной она будет выглядеть как напроказившая девчонка. Но затем вспыхнуло возмущение: а в чем, собственно, она виновата?!

Нина Семеновна низким, томным голосом изрекла:

— Кармен изумительна!

— Ничего изумительного в ней нет,— возразил Говоров.— Пойдемте, сейчас будет третий звонок.

— И не говори, пожалуйста,— уже капризно сказала Нина Семеновна.— Фигура такая прелестная... А костюм — настоящий цыганский, колоритный костюм!

Лиза почувствовала, что ей противен голос Нины Семеновны, противна вся она в ее голубом платье и лакированных туфлях...

В следующем антракте Максим Андреевич не встретил Лизу: она ушла из театра.

2

— Слушайте, Топольский, идите-ка вы к черту!— У Ани Ромашкиной в характере всегда не хватало выдержки, как она ни старалась ее воспитывать.— Еще мужчина, считаете себя, наверное, широкой русской натурой, а спорите по мелочам.

— Анна Дмитриевна, я прошу покорректнее.

— Э, да бросьте... ну, вы инженер, я техник — хотите сказать? Мы с вами — ровесники, одно поколение. Во-первых. Во-вторых, вы еще зеленоватый

инженер, а я вполне зрелый техник. Короче говоря, мы примерно одинаковы. Да! Вы фронтовик, и я — тоже. Так давайте, как говорится, вести беседу «на полном сурьезе». Что вам не нравится в проекте? Зачем вы предлагаете вернуть его авторам и этим оттянуть строительство стадиона?

— Я уже сказал, что такой проект — дрянь, безвкусица...

Аня плотно сжала губы, смолчала. Но, конечно, не надолго:

— Вся безвкусица в проекте сводится, как я понимаю вас, к тому, что колонны арок должны быть круглыми?

— Хотя бы в этом. Ведь такая, на ваш взгляд, мелочь портит внешний вид ворот стадиона. Круглые колонны придают любому сооружению монументальность, а ваши шести-восьмигранные очень воздушные, легкомысленные.

Аня усмехнулась:

— Вот уж никак не думала, что арке над входом на стадион нужна какая-то особая монументальность. Да что вы, Аркадий Иванович, стадион-то строите для людей или для слонов?

Топольский снисходительно улыбнулся:

— Вы обладаете некоторой долей юмора. Неплохо. Такое свойство в характере усиливает кровообращение.— Но, видимо, он все-таки обиделся на Аню, так как добавил:— Правда, одиноким женщинам усиленное кровообращение вредно... Зачем напрасно будоражить кровь?

Аня медленно оторвалась от проекта, который все время рассматривала, потянулась на стуле:

— Такой сидячий день сегодня... Даже спина устала. Кровообращение, говорите? А оно, по-моему, будоражит не только душу, но и ум. Ну, а это, очевидно, мне поможет не превратиться в самонадеянного человека, вроде...— Аня увидела в окно идущего к управлению Говорова и более спокойно продолжала:— О проекте... Все-таки считаю, что монументальность, которую вы видите в круглых колоннах, стадиону не нужна. Спортивное сооружение должно быть легким по архитектуре и простым. Но... вас, я вижу, не переубедишь?

— Разумеется... Необходимо об изменениях в проекте уведомить авторов. Написать коротенькое письмо о том, что я... мы с вами внесли изменения. Надо, чтобы официально...

— Бумажная переписка, волынка, опять затянет строительство. Как вы этого не учитываете?— Она складывала пополам, потом еще и еще вдвое клочок ватманской бумаги, пока не получилась гармошка. Аня прекрасно понимала: просто Топольскому хотелось, чтобы заговорили о его «творческом отношении к делу», и она не собиралась сдаваться. Отведя за уши коротко стриженные черные волосы, она решительно поднялась:

— Пойду к главному инженеру, директору, пусть решат, как строить — нужны, наконец, пресловутые круглые колонны или нет?

Топольский аккуратно сложил циркуль, которым измерял расстояние на чертеже:

— Я люблю отстаивать свои убеждения, Анна Дмитриевна. А следовательно, и других убеждать, у директора я уже был. Он согласился со мной.

— Уф!— вздохнула Аня, покачав головой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Как-то в выходной день Лиза, одетая по-домашнему в ситцевый пестрый халатик, целое утро возилась на кухне. Она еще с вечера завела квашню. Тесто теперь отчаянно лезло через края глиняной плошки. И сколько Лиза ни пыталась водворить его обратно, оно еще больше вздувалось и плыло. Молодую хозяйку и радовало, что тесто обещало быть удачным, и пугало.

Медлить было нельзя — скорее стряпать пироги и в печку. А навыка у Лизы явно не хватало. Стряпня двигалась медленно. Когда была раскатана верхняя корка к рыбному пирогу, то оказалось, что не приготовлен лук, пришлось тесто отставить на время.

Обливаясь слезами, Лиза торопливо начала чистить и резать шуршащие головки лука.

На кухню прибежала Галинка, потянулась было к матери, но, почувствовав запах лука, сморщилась:

— Горько...— и видимо, вспомнив сказанное бабушкой, крикнула:— Горе луковое!

Лиза звонко расхохоталась:

— Правильно! Мама твоя поистине горе луковое... Аркаша! Пойди сюда на минутку. Дочь наша не лишена чувства юмора.

— Юмора, юмора!— пропела Галинка.

— Беги, Галчонок, позови папу... Он нас не слышит.

Галинка прибежала обратно.

— Папа спит на диванчике и оделся газетой.

«...В бумажном футляре, значит. Неужели за ночь не выспался. Уснул с газетой. Или скучно ему с нами. Не пойму».

— Ну, ладно, ты мне не мешай, Галчонок, или давай стряпать вместе. Тебе тоже пригодится. Не подходи к луку и к печке. Я сейчас — за дровами... Этих не хватит.

Наконец, два пышных, закрытых пирога лежали на кухонном столе. Один — с рыбой по-уральски, другой — с малиновым вареньем. Рыбный пирог хозяйку вполне устраивал, а вот сладкий... У него верхняя корка была морщинистой и кое-где изрядно подгоревшей. А Лизе так хотелось похвастаться перед мужем своими кулинарными способностями.

— Сейчас мы это дело исправим...

Она достала из шкафа банку с вареньем и намазала верхнюю корку сладкого пирога-неудачника.

Дальше захотелось большего. На намазанную вареньем корку Лиза в виде мозаичных вензелей разложила конфеты «цветной горошек».

— Готово! За стол, друзья мои...

Галинка была уже за столом. Выходил из спальни и Аркадий с румянцем на щеках.

Приподнятое настроение Лизы не снижалось, она продолжала шутить:

— Аркадий, где хочешь бери букет цветов для хозяйки!.. Пироги изумительны!— На секунду задумалась, окинув взглядом стол: «В самом деле, букет цветов был бы так кстати...»

Галинка болтала под столом ногами и ныла:

— Ск-а-а-рей пироска!

Лиза торжественно взяла нож и начала резать рыбный пирог. Вдруг руки бессильно опустились.

— Что я наделала...

Из разрезанного пирога, вместо рыбы, показалось варенье.

— Чего же ты испугалась?— удивился Аркадий.— Режь вначале рыбный — и только.

— Вот он... рыбный,— уныло кивнула Лиза на пирог, разукрашенный вареньем и конфетами.

Потом ей стало смешно: что поделаешь — бывает. Аркадия ее неудача с пирогом, наверное, рассмешит — должен же он посочувствовать. Но Аркадий сидел молчаливый, нахмурившийся. В довершение он взял газету, недочитанную на диване, и уткнулся в нее.

— Я осторожно срежу корку с вареньем; ведь сладкое, наверное, не попало на рыбу, как ты думаешь, Аркадий?

— Думаю, что попало. Пирог испорчен. Извини меня, но я всегда замечал за тобой и рассеянность и расточительность. Обычно первое вытекает из второго и...

В коридорную дверь постучали. Аркадий отложил газету.

— Позвоночников,— сказал он, поднимаясь.

— Позвоночников? Зачем?

— Я пригласил его на пирог. Что ж тут особенного.— Он вышел из столовой, оставив Лизу недоумевающей: «Что за дружба? Неужели Аркадию по душе Позвоночников?.. И чем я его буду угощать теперь?» Она схватила сладко-рыбный пирог, умчалась с ним в спальню. Когда она вышла, Виктор Власьевич уже сидел за столом. Аркадий нес из кухни бутылку вина.

— Напрасно беспокоитесь,— жеманился Позвоночников.— Я ведь не пью.

За последний год Виктор Власьевич, под постоянным нажимом Говорова, стал работать значительно лучше, даже почувствовал в себе некоторую силу.

Прежняя услужливость, медоточивость сменились откровенным чувством превосходства над окружающими.

Смущение Лизы, вызванное кулинарными неудачами, он истолковал по-другому: хозяйка расстроена

тем, что при таком госте стол не ломится от закусок. И, когда Лиза поставила перед ним селедку, пересыпанную мелко нарезанным зеленым луком, он опять снисходительно заверил:

— Да не беспокойтесь же... Я не очень претенд...— и закашлялся. Слово оказалось ему не под силу и, поправив оттопыренным мизинцем галстук, он закончил по-другому:— Я человек простой, в претензии обычно не ударяюсь.

Лиза невольно фыркнула, что было услышано Аркадием. Разливая вино в рюмки, он послал ей укоризненный взгляд и извиняющимся тоном обратился к Позвоночникову:

— Хотели вас, Виктор Власьевич, угостить пирогом со свежей рыбой, но...— Топольский развел руками,— не удалось.

— Еще бы, рыба, тем более свежая, в Соколовке — редчайшее явление.

— Да, да,— начал было Аркадий, но Галинка, которая внимательно всматривалась в веснушки Позвоночникова, перебила его:

— А мама пирог с рыбой намазала вареньем!..

Лиза и Топольский расхохотались, она — весело, он — смущенно.

— Ничего не поделаешь,— сказал Аркадий Лизе.— Видит небо, я не хотел тебя выдавать... Сетуй на дочь.

— Вот, Виктор Власьевич,— призналась Лиза,— такая история со мной сегодня случилась.

— Бывает...— неодобрительно проговорил Позвоночников, разглядывая кусочек селедки.— Я обычно из селедки предварительно кости выбираю. Но можно и с костями подавать — вид у селедки наряднее.

— И тут подкачала. Хозяйка, конечно, я плохая. Досадно немножко, но думаю со временем приобрести кое-какие навыки. Как, по-твоему, Галина Аркадьевна?— спросила Лиза у дочери.

— Хоросо,— ответила Галинка и засмеялась.

— В ведении дома главное — продуманное отношение к делу.— Виктор Власьевич перестал жевать.— Это необходимо. Хозяйничать надо... с чувством... с толком, с расстановкой.

Лизе вдруг вспомнилась одна история, которую ей

рассказывали о Позвоночникове. Шутили, что в годы войны он намазал по ошибке кусок хлеба, вместо повидла, жидким мылом. Выбросить хлеб было жаль. Съел.

Она невольно улыбнулась. Позвоночников, решив, что она смеется над его высказываниями, обиделся.

— Нет, вы, право, легкомысленная хозяйка, простите, пожалуйста, меня. Это, конечно, у вас еще от молодости. Хотя Нина Семеновна Говорова, пожалуй, не старше вас, а в хозяйстве — профессор!

— Э, Лиза всегда такая будет,— махнул рукой Топольский.— Бытовая сторона ее мало интересует...

Он был явно недоволен. Но Лиза уже не слушала никого. Встревоженная упоминанием фамилии Говорова, она встала и вышла на кухню.

А Позвоночников разговорился:

— Когда-то я ехал в поезде, уже после окончания войны, с одним пожилым солдатом, Аркадий Иванович. Как он восхищался своей женой! И, по-моему, были полнейшие основания,— сказал он, обращаясь к вошедшей Лизе.— Я рассказываю об одной жене.

— Красавица необыкновеннейшая была?— спросила Лиза, подражая Позвоночникову.

— Больше, Елизавета Георгиевна, больше!

— Очень умна?

— По-моему, да.— Позвоночников расчистил перед собой место на столе, поставил локти, продолжая с подъемом:— Она была простая женщина. Не какой-нибудь научный работник!

— Дело не в учености, особенно у женщин,— заметил Топольский, зажигая спичку.— Дело вообще в уме.

Лиза осуждающе, но все еще весело покачала головой:

— Ты неисправим, Аркадий!

Позвоночников интригующе помедлил и почти торжественно произнес:

— Она построила без мужа в годы войны дом! Хороший пятистенный дом.

— Вот как!— удивилась Лиза.— Уж не факир ли она была, Виктор Власьевич?

— Очевидно, она была просто хорошей женой,— Аркадий многозначительно посмотрел на Лизу,— забо-

тилась о семье. Ведь семья у нас — святое дело. Семья должна быть крепкой ячейкой советского общества, а...

Лиза отодвинула рюмку с вином, вспыхнула:

— Ну, знаешь, Аркадий, это просто опошление того, что нам всем дорого, мне дорого, и тебе, надеюсь, тоже. Ничего не могу другого сказать. Как можно преклоняться перед такими людьми? Не понимаю?

— Что это ты вскипятилась? Или переживаешь, что не похожа на эту женщину?

— Я радуюсь этому, Аркадий!

— Напрасно, Елизавета Георгиевна. Перед вами неплохой пример,— заметил Позвоночников.

— Понятно, — подытожил Топольский, тяжело вздохнув.— Ты для мужа гнезда бы не свила. Где уж тебе?

И вдруг Галинка, все время молчаливая, насупив брови, сказала:

— Не ссорьтесь. Не маленькие.

Но этого было мало, чтобы развеселить недовольных друг другом родителей. Если бы только недовольных!

2

За последнее время Лиза несколько изменила распорядок дня. Придя домой, она быстро делала все необходимое и старалась пораньше лечь спать и подняться с рассветом.

Ее радовал ранний весенний рассвет. Розовые лучи солнца, падая на белесый туман над озером, словно вбирали его в себя. Ледяная гладь подтаивает, бугрится, чернеет. Через месяц-другой можно будет той вон тропинкой сбежать к берегу и бултыхнуться с разбегу в воду!

Рискуя простудиться, с непокрытой головой Лиза выходила на террасу. Ей становилось весело. Улетали прочь тяжелые мысли и заботы. Глупо, больше того, порочно думать о человеке, с которым они никогда не будут вместе. Она смотрела на ручьи, на серые островки снега, вдыхала весенний воздух, и ей казалось, будто сосновый бор совсем рядом, ветер приносит запах свежей хвои. Все в Лизе радостно откликалось весне...

Но вот из-за полуоткрытой двери раздавался приветливый голос: «Доброе утро, товарищи!» И Лиза на цыпочках бежала в комнату, чтобы, приглушив репродуктор, послушать последние известия. «Новости, это не то!— горделиво думала она.— Не новости, а достижения! А к успехам Родины разве можно остаться равнодушной? И хоть скромничай, не скромничай — вспомнишь и о частице своего труда!»

Лиза знала: куда бы ее ни забросила судьба — на юг ли, с ласковой морской синевой, на крайний ли север, под небо, расцвеченное сиянием,— все равно ее будут тянуть и звать здешние леса, горы, озера.

Прослушав последние известия, Лиза садилась за письменный стол, на котором в строгом порядке разложены книги, тетради. Открывала блокнот, записывала: «Занятие 5 апреля».

Политкружок, которым она руководила в течение всего учебного года, работал регулярно, без срывов. Вначале Лиза была недовольна и собой и слушателями кружка. Рассказывала она скучно, терялась, когда задавали вопросы. Слушатели поднимались неохотно, отвечали сбивчиво, потом Лиза и говорить научилась и держаться стала увереннее.

Мало-помалу и слушатели кружка втянулись в работу. Даже Василий Багиров...

Когда Марфуша ошибалась в ответах, Василий вопросительно смотрел на Дружинину. Лиза давала ему слово. Говорил он степенно, медленно, не обращая внимания на смущение жены. Высказавшись, Василий садился, румянец заливал его лицо, оттеняя белесые брови. Василий тихо шептал жене:

— Ничего, в другой раз ты лучше ответишь!

Глядя на них, Лиза и радовалась и завидовала им. «Почему у нас с Аркадием не получается так же хорошо и просто».

Однажды вечером Лиза вдруг почувствовала гнетущую слабость. Страшно болела голова, в ушах — звон, больно глотать. «Начинается ангина... И поделом, не будешь выбегать раздетой...» А сама и сейчас бы выскочила на улицу.

Стояла ранняя-ранняя весна. Тополь перед окном хвастался набухшими почками: «Погодите, вы еще увидите, какие у меня будут листья, изумрудные,

пахучие!» Воробьи с чириканьем ныряли между ветвей, то гурьбой слетали на дорогу, суетились, подбирали сенинки, тащили в скворешники, не задумываясь над тем, что истинные хозяева — скворцы скоро все равно выдворят их оттуда.

«Если лечь, то расхвораюсь еще больше»,— подумала Лиза. Как и всякий здоровый человек, она не любила болеть, и даже маленькое недомогание у нее вызывало недовольство собой и хандру. «Э, пройдет!— беспечно решила она.— За делом пройдет». Хотела позаниматься, но поняла, что это бесполезно. «Какую-нибудь физическую работу надо придумать». Прошла на кухню и решила перечистить все ножи и вилки. И странно, именно за этим занятием ее мысли неожиданно унеслись к Говорову.

Они давно не виделись, давно не говорили. Говорова без конца вызывают в трест. Совещания, отчеты. Так каждый раз перед началом торфосезона. «Не видимся, не говорим, а все-таки хорошо, что где-то рядом есть человек, который думает о тебе. И... и ты о нем — тоже». А голова болела. Захотелось бросить все и лечь. Вошел Аркадий.

— Что с тобой?— спросил он, взглянув на пылающее лицо жены.

— Голова побаливает,— Лиза коснулась лба рукой: горячий!

— А ты ложись в постель... Оставь всю эту ерунду... завтра почистишь. Пирамидон прими... Ну, давай, кончай чистку,— повторил Аркадий и вышел из кухни.

Лиза все-таки дочистила ножи. Когда она вошла в комнату, Аркадий, стоя перед зеркалом, надевал пиджак. Лиза благодарно подумала: «Идет в аптеку за пирамидоном!»

— Лиза, меня приглашал Позвоночников.... по поводу выигрыша по займу. Сыграем в преферанс. Ты понимаешь, такая холостяцкая компания, человек пять. Я пойду встряхнусь. Проветрю голову от этой проклятой теории.— Он от зеркала обернулся к Лизе.— Да ты, милая, я вижу, недовольна?— в голосе Аркадия послышалось раздражение:— Пожалуйста, я могу и не ходить.

— Иди, Аркадий. Я не сержусь... Сейчас буду отдыхать.

— И отлично.— Он подошел к ней.— Значит, не сердимся? Ну, обними меня!

Она, помедлив, обняла мужа.

— Иди. Счастливо!

Закрыв за Аркадием дверь, Лиза подошла к окну, где лежала авоська с кусками торфа. Улыбнулась: не пришлось рассказать мужу о своей идее! Да и стоит ли? Аркадия всегда мало интересовали ее дела. Раньше это огорчало Лизу, а теперь...

После резкой вспышки, случившейся при Позвоночникове, Лиза еще больше отошла от мужа, замкнулась в себе.

Не с кем было поделиться своими горькими думами, и не было слез.

Мама? Но ведь мама скажет: «Ты со мной не советовалась, когда выходила замуж. Нечего и жаловаться!..» Да, нечего и жаловаться... Не страшно ли, не трагедия ли это, когда человек, самый близкий, твой муж, отец твоего ребенка, вдруг становится чужим? А может быть... не становится, а был всегда чужим?..

Лиза прошла в соседнюю комнату. Там Галинка, в розовой рубашке, спала, раскинув по подушке ручонки. Ее ресницы иногда вздрагивали, пальчики сжимались. Лиза склонилась над кроваткой. «Доченька! Нет, я не одинока! Ты со мной!.. Спи, мой родной птенец».

Из Галинкиной комнаты Лиза вышла собранная, с бодрой уверенной улыбкой.

«Для людей, не имеющих никакого отношения к торфу, это просто комки земли. Но мне кажется, что из них так и струится энергия, тепло. Где-то шумят цехи, по проводам с электростанции бежит свет в деревни. Лампочки Ильича (название-то какое чудесное!) вспыхивают то там, то здесь... А торфоперегнойные горшочки? Их применяют еще мало, но поймут скоро. Оценят».

Лиза вынула из авоськи торф, размочила слегка и пропустила через мясорубку. «Ну, вот ты и претерпел операцию в «багере»,— шутливо сказала она, выбирая торф из мясорубки. Взяла стеклянную литровую банку, облепила ее наружные стенки размельченной торфяной массой. «Удастся опыт или нет?»—

думала она, не замечая, как идет время, как близится полночь.

Вдруг послышался сонный голос Галинки. С перепачканными руками Лиза вбежала к дочке. Ребенок спал. «Во сне». Лиза снова убежала в кухню. Сейчас будет самое главное. Она осторожно-осторожно начала вытаскивать банку из торфяной муфты. «Если распадется — грош цена моей затее!.. Но муфта не распалась. Лиза с еще большей предосторожностью разрезала муфту пополам. Получилось два кирпича арочной формы.

Оба кирпича были положены на фанерную доску. Рядом с кирпичами новой формы Лиза тотчас же положила третий — обычный прямоугольный кирпич, какие добывали на всех предприятиях. «А ведь не распались, держатся! Но это еще не все... Посмотрим, как вы будете сушиться».

Ей вспомнилось, как Говоров (это было давно, до разговора в четверг, еще до встречи вечером на участке) говорил о необходимости поисков новых методов сушки торфа. Показывал журналы со статьями по этому вопросу. И в тот же раз, оторвавшись от журнала, где был изображен торфяной участок с кусочком великолепного леса вдали, он совсем неожиданно спросил:

— Вы знаете... любите пейзажи Денисова-Уральского?

— Знаю и люблю. Очень.

— И я тоже. Он очень хорошо передает мощь и красоту уральской природы. А вы как думаете?

— А я думаю так же, Максим Андреевич... Обо всем думаю так же, как и вы,— вслух сказала Лиза, рассматривая торфяную массу.

Мысли ее снова вернулись к Аркадию.

Семейная жизнь. Да, в ней много мелочей. И, если повседневные мелочи у двух людей превращаются в конфликты, плохо. Значит, между ними нет большого, настоящего чувства. Дружбы и уважения нет. В этом наша беда, Аркадий! И неужели ты ее не видишь? Я вижу, но... Попробуй переделай ее, личную жизнь. Особенно, когда у тебя растет дочь, смотрит любопытными, все более и более понимающими глазенками...

2

«Никуда ты не денешься от меня!— Нина Семеновна смахнула щеточкой пыль с портрета мужа.— Сын — такой якорь! Он крепко держит тебя!»

Ей было весело. Радовали свежевыкрашенные масляной краской комнаты, радовала мысль о новом дорогом приобретении.

В столовой — бледно-розовые стены. Прекрасно! А то выкрасили вначале в синий... Мрачно. Много хлопот доставила спальня. У маляра была только коричневая краска, и он больше половины комнаты выкрасил ею, пока Нина Семеновна ездила в город выбирать лису для воротника.

Маляр долго разводил руками: что поделаешь — нет другой краски. Коричневый цвет «непачковитый». Будет лет десять держаться.

Нина Семеновна маляра и слушать не стала. Позвонила заместителю директора, в техснаб — и, пожалуйста, вот результат, спальня стала небесно-голубой!

Она еще раз посмотрела вокруг: нет, право же, такое уютное гнездышко! Натерта до блеска мебель, в хрустальных вазочках яркие искусственные цветы. Всюду белоснежные чехлы, вышитые салфетки, дорожки... Во всем видна женская умелая рука...

Из шифоньера Нина Семеновна достала долгожданную каракулевую доху. Максим не видел еще. «Неблагодарный! Это же все скоплено, сэкономлено! Другая жена и больший оклад мужа пустила бы по ветру!»

Вошла домработница Анюта.

— Это вам вот девочка Алексеевых принесла. Сестра, что в Свердловске учится, прислала.

В конверте лежали программы сдачи экзаменов в пединститут. Нина Семеновна сунула пакет на полку в шифоньер. Ей стало немножко досадно, вспомнила она о «капризе» мужа, который твердил зимой, что ей надо учиться. Слава богу теперь он об этом пока молчит.

Перед зеркалом она примерила доху.

— А ведь чу́дно, как хорошо!

Накинула черно-бурую лису на одно плечо, потом на шею. Улыбка удовлетворения тронула пухлые губки Нины Семеновны. Она ласково погладила мех.

Вернувшись с работы, Говоров застал жену за странным занятием.

Полная кругленькая фигура Нины Семеновны то сгибалась вдвое, то распрямлялась. Максим Андреевич неслышно остановился в дверях столовой, с недоумением наблюдая за женой.

По-видимому, Нина собирает рассыпанные по полу спички. Но как это делает! Взяв с пола одну спичку, она выпрямляется во весь рост и только тогда кладет ее в коробку и снова низко наклоняется за другой, вместо того, чтобы собрать их сразу в горсть.

И совсем не было границ удивлению Максима Андреевича, когда Нина Семеновна вдруг снова разбросала по полу собранные ею спички. И опять кланяется...

— Послушай, Нина, что это означает? Переливание из пустого в порожнее или как убить время?

— А, ты пришел! Сейчас, Максик, все объясню.

— Существенная поправка — Максим!

— Ну хорошо — Максим,— миролюбиво согласилась Нина Семеновна, с тем же серьезным видом продолжая собирать спички.

Говоров вскипел:

— Да брось ты эти проклятые спички. Что они тебе дались?

— Сейчас... сейчас...— задыхаясь, пролепетала Нина Семеновна.

Наконец, закончив, утомленная, но довольная, жена подошла к Максиму Андреевичу.

— Устала! А знаешь, для чего я мучила себя?— Она провела мизинчиком по складочке между бровей мужа.— Сердимся? Но ведь ты тоже хочешь, чтобы у меня сохранилась фигура. А я начала полнеть. Вот так склоняться и расклоняться способствует сохранению талии. Жир отлагается равномерно и...

Максим Андреевич повернулся и вышел из квартиры. Через минуту он стоял уже в передней, протягивая жене лопату:

— Пожалуйста, держи! Помню, ты собиралась разбить клумбы в палисаднике. Вскопай землю — там

нужно склоняться и расклоняться, не говоря уже о полезности труда. И на воздухе. Прошу!

Нина Семеновна заморгала глазами:

— Ах, вот как! А для чего у нас Анюта?

Вскинув голову, она с достоинством прошла в столовую, полулегла на диван.

— Не игнорируй меня, Максим.

— «Не третируй», ты хотела сказать.

— Вот именно! Анюта! — громко крикнула Нина Семеновна и, вызывающе глядя на мужа, приказала:— Налей мне из графина стакан воды!

— Ну и дура, черт возьми!— Максим Андреевич поднялся. Столкнувшись в дверях со спешившей и готовой услужить хозяйке Анютой, еще больше обозлился:

— Анюта! Почеши пятки барыне!

Но окончательно «довел» Говорова в этот день Андрейка.

Только он успел еле-еле забыться в своем крошечном кабинете, как услышал звонкий голосишко сына.

— Анюта! Надень на меня галоши...

«Ах ты попугай эдакий! Уже усвоил маменькину манеру».

— Андрюша! Иди сюда.

Вбежал Андрейка в незастегнутой курточке, бросился было к отцу, но, заметив суровость на его лице, остановился.

— Почему курточка у тебя не застегнута?

— Анюта не застегнула и галоши не надевает...— начал жаловаться мальчуган.

— Вот как! Сколько тебе лет, морской капитан?

— Семь!

— Запомни: для себя с сегодняшнего дня будешь делать все сам. Просят других делать только одни лентяи, а раньше такими были бары, причем самые глупые. Очень попрошу тебя, почисти себе ботинки, надень галоши. И потом, хочешь помочь тете Маше?

— Хочу.

— Она сейчас сажает у себя в огороде лук... Интересно. Наполовину луковку всунет в землю, и все. А там через несколько дней у этого лука такие зеленые усищи вырастут.

Андрейка засмеялся. На его пухлом подбородке, как и у отца, показалась круглая ямка.

— Здорово!

— Очень здорово. Беги помогай.

Из другой комнаты раздался плаксивый голос Нины Семеновны.

— Этого еще не хватало — эксплуатировать ребенка на взрослом труде!

— А ну, Максимыч, мчись! — крикнул Говоров.

Андрейка от «Максимыча» восторженно заверещал и стрелой помчался к двери, крикнув:

— Ботинки потом почищу, ладно?

2

— Рада-рада, что не забываешь сестру,— говорила Мария Андреевна, встречая брата.— Давай сюда шарф-то. Нечего в карман его совать — помнешь. Сколько тебя учила... Вот здесь на полочке вместе с фуражкой он будет.

— Ладно, Маша... Степана Петровича нет?

— Нет. Не терпится — на рыбалку ушел. Жалеть будет, узнав, что ты приходил... Ну, садись, садись. Здоров ли? Как дела-то? Приехал из Ленинграда, оглянуться не успели — уже в трест укатил.

— Вызвали...— Максим Андреевич прошелся по комнатке. Под невысокими потолками дома Шатровых он казался себе громоздким. Сел за стол, задумался, не сразу заметил, как сестра поставила перед ним сахар, чайный стакан. Чувствуя недоброе, Мария Андреевна суетилась пуще прежнего, неестественно оживленно говорила:

— Клюквенным вареньем тебя угощу...— Она убежала за кухонную перегородку. Появилась оттуда с вазочкой и с двумя розетками.

— Маша,— сказал глухо Говоров, не глядя на сестру.—Может случиться так, что я уеду из Соколовки и надолго...

Розетки в руке Марии Андреевны тихонько звякнули.

— В Крым или... на Север куда-нибудь тебя направляют? — спросила она робко, уже все понимая.

Говоров улыбнулся:

— Ты прекрасно знаешь — никто не направляет. Отпрошусь сам. Если это случится, а видимо, случится, ты, Маша...— Он встал из-за стола, взял из ее рук розетки, вазочку, поставил на стол,— пообещай мне смотреть за Андрейкой... и воспитывать его так же, как меня когда-то... А потом я его заберу с собой. Обязательно!

Она, неслышно всхлипнув, прижалась к плечу брата.

— Что спрашивать-то? Что ты, что Андрейка — для меня одно.

Затихла, ожидая, не скажет ли чего он. Но он молчал.

— Такой... большой, умный ты у меня, а ошибся. Как же так?

«...А вот так. Не разглядел. Да и попробуй разгляди, узнай, как будет дальше».

Пронеслась в памяти и исчезла полузабытая картина. В Минске, у приятеля,— вечеринка. Говорова поздравляют с «вступлением в жизнь». Он шутливо прижимает руку к груди, где в кармане пиджака чувствуются твердые корочки диплома, раскланивается и обещает друзьям доблестно трудиться... На балконе особенно силен запах акаций. Девушка в голубом платье тянет руку к ветке и, застенчиво улыбаясь, вдевает цветок акации в петлицу пиджака Говорова. Она завидует ему: он инженер, а ей после десятилетки не пришлось учиться. Нина чистосердечно призналась: «Я не знала, куда мне идти, кем быть. Очень глупо, а мама с папой сказали: годик подумай. Не спеши. А я уже третий год думаю, работаю сейчас».

«Она наивная, милая. И красивая, и простая. Я найду ей в жизни цель. Нам будет хорошо вместе»,— сразу тогда решил Говоров.

Но было ли хорошо?

И вдруг ему захотелось увидеть ту, другую. На один миг. Он поднялся.

Когда брат надел пальто, Мария Андреевна подошла к нему, поправила воротник.

— А Дружинина как?— спросила она почти шепотом.— Ведь она женщина, мать. Ей труднее, чем тебе. Вот что, брат, я очень прошу — не мешай Лизе. Пусть она все сама решит.

Подбородок Говорова дрогнул. Он пристально посмотрел на сестру и, обняв ее, шепнул:

— Конечно, мешать не буду. Эх ты, трусиха моя!

...Дома на письменном столе Лизы стоял первый весенний букет: подснежник, две ветки вербы с шелковистыми барашками, только что вылупившимися из лаковой кожицы, и несколько светло-желтых цветков мать-мачехи. Осторожно расправляя помятый лепесток подснежника, Лиза взглянула в окно и... схватилась за косяк.

К их дому поспешно шел Максим Андреевич.

«Приехал!.. Идет сюда!»

Что было сильнее — радость или страх — Лиза не поняла, не успела разобраться. В дверь постучали.

— Я пришел только взглянуть на вас...

«Сделать бы один шаг... один... И припасть к нему!» Лиза видела в глазах Говорова то же невысказанное желание. Но она стояла молчаливая и растерянная.

— Ну, вот, и взглянул. Хорошо...

Он круто повернулся и ушел, не попрощавшись.

3

«...Будете ли думать обо мне?..»— Голос Максима Андреевича слышится в порывах раннего весеннего ветра.

«...Иногда? Немножко?»—голос слышится и в шорохе ветвей с набухавшими смолистыми почками.

Снег еще совсем глубокий. А весна идет. Снег лежит толстым и на вид неприступным слоем. Кажется, никакие самые жгучие лучи солнца не возьмут его. Он приник к лицу земли крепко, надолго. Но это только здесь, в низине. А кое-где на склонах гор видна бурая земля, и на ней несмело голубеют подснежники.

Хрустит ледяная, серебристая корка... Ноги погружаются в тающий влажный снег. Лиза оборачивается назад, невольно улыбается. Весна идет! Скоро вешние воды быстрыми звонкими ручьями помчатся с этих холмов, напоят землю, подхватят прошлогодние листья берез и, умывая каменистые берега реки, сольются с нею. И эти звонкие быстрые ручьи ничто

не остановит, не задержит. Да и зачем же их удерживать?

«Я пришел только взглянуть на вас...».

Лиза улыбается, потом, выпрямившись, подставляет лицо навстречу теплому дуновению. Так бы и унеслась вместе с ветром туда, вдаль, за влажную синь лесистых гор!

«Я думаю о тебе... Всегда. Постоянно».

«А если и полюблю?... Попробуйте — запретите!» Но опять — робость... Темнеет взгляд, опускаются руки. «А смогу ли отстоять любовь свою? Может быть, не по себе ношу берешь».

А в воздухе чудится звон, журчанье быстрых ручьев.

Неужели оно пришло?

Пришло... Немного поздно. Не вовремя. Но пришло.

...А вокруг лежал снег, глубокий, тяжелый. И всем своим видом словно показывал, что не собирается он таять. Весна! Ну и пусть — эка невидаль...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

В Уральском государственном университете будущие журналисты защищали дипломные работы.

— Скоро моя защита...— шепнул Яков Шатров Ирине. Он что-то перечеркнул на мелко исписанном листке, дописал фразу на полях. На потном лбу его то сбегались, то разбегались морщинки.

— Яша, вытри лоб,— Ирина тихо потянула его за рукав.— И чего ты так волнуешься?

Яков благодарно и в то же время виновато улыбнулся Ирине.

— Защита не каждый день бывает... А потом комиссия страшная — один председатель чего стоит! — Он бросил взгляд на сосредоточенно-хмурое лицо председателя государственной комиссии.— Он, наверное, и во сне-то ни разу не улыбался.

На самом деле Яков боялся не комиссии... ему не хотелось ударить лицом в грязь перед Ириной. Она блестяще защищала свою дипломную работу «Гайдар — журналист». Яков сбоку взглянул на Ирину,

на ее плотно сжатые губы. «Она переживает за меня! Спасибо, Иринушка...»

Впереди Якова сидели два майора-заочника. Лица и у них раскраснелись от волнения. На трибуне стоял друг Якова Олег Комаров.

Ну, как ему не позавидуешь! Спокоен, чертушка. Вот с таким же лицом он, бывало, предлагал Якову варить картошку, а не пшенную кашу: «В картофеле больше витаминов, углеводов... и, если хочешь знать,— спирт...»

А ведь дельно он анализирует. Молодец, Олежка!

Яков уткнулся в конспект «защиты», но мысли его опять обратились к Ирине. «Своенравная! Как она на меня посмотрит, если вдруг ниже ее по диплому оценку получу?»

И как ни странно, успокоился он во время защиты дипломной работы корейцем Ча Ен Чуном. Среднего роста, желтовато-смуглый, с гладко причесанными черными волосами, Ча Ен Чун прошел к трибуне быстрыми четкими шагами. Его узковатые коричневые глаза вспыхнули вдохновенным огнем, как только он заговорил:

— Тема моей дипломной работы «Газета «Правда» о героической борьбе корейского народа против американских агрессоров».

Что может быть ближе сердцу корейца, чем эта тема!

Ча Ен Чун не смотрел в записи. Он говорил, глядя вдаль, словно видел перед собой свою родную землю, охваченную пожарищем войны.

— ...Регулярно освещая героическую борьбу корейского народа и китайских добровольцев, «Правда» разоблачила американских агрессоров и всему миру доказала, что агрессор — Америка, а не Корея!

Все: и студенты и члены комиссии — с большим вниманием и теплотой слушали корейца.

А Яков смотрел на него влажными глазами, хмурясь и покусывая губы.

И когда Ча Ен Чун сказал:

— «Правда» подчеркивает, что корейский народ победит!

«Обязательно победит, Чун!» — мысленно воскликнул Яков.

К трибуне он пошел весь внутренне собранный, даже не взглянув на Ирину.

— «Волк информации» будет! — говаривали о живом, наблюдательном Якове студенты. Возвращаясь с учебно-производственной практики, Яков привозил газеты, где самыми интересными, живо написанными были его заметки.

Объявил тему — «Работа отдела информации областной газеты», кратко пересказал содержание, сообщил о том, как он работал над этой темой.

Одним из членов экзаменационной комиссии был заместитель редактора областной газеты, маленький человек в пенсне с квадратными стеклышками. Про него говорили, что он всю свою жизнь был заместителем и ни разу — редактором. Он, однако, был убежден в том, что, когда редактор болен или в отпуске, газета получается более интересной и что вообще существование газеты он «поддерживает своим горбом».

Выслушав Шатрова, который в заключение сказал о положительном опыте отдела информации, заместитель редактора задал ему вопрос:

— Скажите, пожалуйста, почему вы говорите только о положительных моментах?

Задавая этот вопрос, заместитель подчеркивал свою любовь к критике, свою объективность и в то же время рассчитывал на то, что студент-дипломник не сможет или не посмеет указать недостатки.

Яков улыбнулся и ответил с всегдашней прямотой.

— Я не акцентировал на недостатках не потому, что в комиссии есть представитель редакции!.. Дело в том, что я хотел обобщить все положительное в работе отдела. Но я достаточно изучил работу отдела и могу остановиться и на отрицательных моментах. Возьмем последний месяц. Газета явно заполняется лишь производственной информацией. Мало информаций о сельском хозяйстве, о культуре. Кстати, в дипломной работе я указываю эти недостатки.

Заместитель редактора усердно протирал стекла пенсне. Его маленькое личико напряженно улыбалось — он был не рад, что задал этот вопрос студенту. Яков продолжал:

— Газета иногда путает факты: заводу «Уралэлектроаппарат» она приписала выпуск не выпускае-

мой там продукции. Драматическому театру она присвоила имя Луначарского, которое носит оперный театр, и...

— Вопросы еще есть к дипломанту?— обратился председатель экзаменационной комиссии к членам комиссии.

— Нет, достаточно,— ответил за всех заместитель.

— Да, по-моему, тоже достаточно. Товарищ Шатров правильно разработал тему,— сказал другой член комиссии.

После совещания государственной комиссии студентам были объявлены оценки.

Хмуроватый председатель комиссии, проходя по коридору мимо студента и студентки, стоявших к нему спиной около окна, не мог не улыбнуться. До него донеслись обрывки фраз:

— Итак, Иринка, и у меня «отлично»... Теперь согласна?.. Скажи, не тяни! Сколько можно человека мучить? Согласна? И тогда — вместе на Дальний Восток?

— Согласна, Яшенька... давно...

Яков с облегчением вздохнул.

«Диплом этому студенту легче достался, чем женитьба...»— подумал председатель комиссии с покровительственной улыбкой стареющего человека.

2

Начался торфосезон. Робкая уральская весна вступала в свои права. По обочинам прошлогодних карьеров зеленела молодая трава. Распушились маленькие одуванчики. Белые барашки на ивняке исчезли, и, вместо них, появились узкие продолговатые листики.

Елизавета Дружинина стояла около одного из багеров и наблюдала за работой стилочной машины. Думала: «Завтра будем делать уже арочные кирпичи». Машину вел чернобровый удалой чуваш Семен Иванов.

Вдруг кто-то из рабочих крикнул:

— Товарищ Дружинина, пополнение идет!

Лиза посмотрела в сторону железной дороги. Шли девушки в разноцветных платках и платьях, несли

сундучки, узлы. Когда девушки были совсем близко, одна из них бросилась бежать к стилочной машине.

— Сеня!— кричала она звонко.— Стой! Стой!

— Мотя!

Иванов остановил машину. Не успел он соскочить, как Мотя стояла рядом с ним на площадке. Потом Мотя увидела Дружинину и закричала радостно:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — сказала Лиза.

— Не узнаешь?— спросила Мотя.— Забыла...— Она покачала головой.— Ну, а как твоя чувашечка-то растет? Галина, да?

— Ах, вот оно что!

Мотя спрыгнула с машины, и они с Лизой обнялись, как сестры.

...Когда багер и прикрепленная к нему стилочная машина работают слаженно — любо-дорого посмотреть! Стилочная машина подходит, багер выбрасывает в ее бункер переработанную кашеобразную массу, и стилочная машина отходит. И там, где прошла она, по торфополю ложатся лентами, один к другому, прямоугольные торфяные кирпичики.

К концу дня на участок приехал Говоров. Первой мыслью Лизы, когда она издали увидела его, было уйти. Но потом она сказала себе твердо: «Нельзя бежать. У нас ничего не было и не может быть... кроме деловых отношений». Она бросила взгляд в другой конец участка, где лес подступал к самому краю торфополя, и тихонько ойкнула. На сером пне был рыжеватый заяц. Он стоял на задних лапках и не то со страхом, не то с любопытством смотрел на Лизу. Она неумело свистнула, и заяц камнем скатился с пенька, потом высоко подпрыгнул и умчался в лес. Лиза расхохоталась. Подошедший Говоров увидел на глазах ее смешливые слезы, тоже улыбнулся.

— Неужели это я так смешон, Елизавета Георгиевна?

— Да что вы, Максим Андреевич, заяц...— и, все еще смеясь, она указала в сторону леса палочкой-измерителем.— Никогда бы не поверила, что зайцы из трусости так высоко прыгают! Как он плюхнулся на землю, если бы вы видели!

Про себя Лиза подумала: «Наконец-то я снова разговариваю с ним просто. И он, наверное, рад, что у нас появляются прежние взаимоотношения».

Над лесом пронеслось серое облако. Грустно и однообразно куковала кукушка. Оба прислушались, ожидая, не раздастся ли снова ее голос.

Говоров взял из рук Лизы измеритель:

— Какая залежь торфа нынче идет?

— Прежняя... Хорошая. Шум-болото все-таки очень богато! Оно еще много выдаст торфа.

Говоров снял фуражку. Ветер пошевелил его густые с медным отливом вихры. И сейчас, простоволосый, задумчивый, он стал для Лизы удивительно понятным, родным.

«Да я же знаю его очень давно. Всю жизнь! Почему? Может быть, таким был бы Юрий Шатров». Лиза подняла голову и встретила внимательные и печальные глаза Говорова.

— Максим Андреевич, я тороплюсь. У меня сейчас производственная оперативка.

Он вскинул подбородок с мальчишечьей ямкой, отвернулся.

— Ну, что ж, Елизавета Георгиевна, и я так считаю... работа — прежде всего. И мне, как руководителю производства, не подобает вас отвлекать...

Возвращаясь домой, Лиза думала: «Правильно ли она поступает, избегая решительного разговора с Говоровым и заглушая в себе чувство к нему? Можно ли наладить счастье в ее семье, помочь себе и Аркадию?»

Аркадия дома не было. Лиза вышла на террасу и увидела мужа. Он шел не торопясь и наслаждался теплым весенним вечером. Фуражка его была сдвинута на затылок, и лицо выглядело яснее и моложе. Лизе казалось, он приближается к дому слишком медленно. «Разве не чувствуешь, что я жду тебя?»

Войдя в дом и увидев жену, Аркадий улыбнулся ей:

— А ты сегодня красивее, чем всегда.

— Я тебя ждала...

— О! Это мне нравится.

— Аркаша, знаешь, когда ты шел по улице и я смотрела на тебя, мне вспомнился тот Аркадий То-

польский... Помнишь, как мы забавно шли по рельсам там, за парком. Я никогда этого не забуду.

— Ты у меня вполне лирическая особа. Это, конечно, придает женщине обаяние. Ну, посиди рядышком со мной. Пешком возвращалась с участка?

— Сейчас же весна, лес такой... Аркадий, завтра выходной, поедем в парк. Там было наше первое свидание.

— Не могу, милая. Дел много. Если ты хочешь побыть со мной, то вечером я смогу уделить тебе время. Не обязательно тащиться в парк. Пойдем в кафе, посидим. Можно и о парке поговорить. Я ведь тоже не сухарь — воспоминания юности только бревно не волнуют...

...Бывают люди, которые считают себя богатыми, одаренными натурами. Они твердо верят в то, что способны на большие дела. Обычная, «заурядная» жизнь — не их удел. Умная голова плюс знания, полученные в высшем учебном заведении, плюс привлекательная внешность, и, кажется, — в человеке есть все. А не хватает, как это ни странно, самого главного—сердца. Большого чуткого сердца недостает этим людям. Аркадию Топольскому легко давались науки в институте. Размышляя о своей судьбе, он пришел к выводу, что его удел — «высшая теория». Разумеется, он не собирается отклоняться от своей профессии строителя, но он должен быть наверху. Он будет учить, как строить. Создавать проекты, не подражая кому-то, а искать свое, оригинальное. Он будет читать лекции, добьется профессорства.

«Может быть, действительно добьется, — думала Лиза, глядя на Аркадия, — но все это нужно только ему, для него самого. А к людям, даже близким, он равнодушен».

И Аркадий показался ей еще более чужим.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Июньский город жаркий и пестрый. Улицы в выходной день более многолюдны и шумны, чем обычно. Только что прошел дождь, а солнце уже высушивало на тротуаре последние лужицы.

– Деревья-то, деревья, Яша! Нет, ты посмотри! — Ирина замедлила шаги, словно стараясь задержаться под сенью ветвистого тополя. — Мне кажется, что каждый листик так и струится ароматом и песней!

Яков насмешливо сдвинул густые черные брови:

— Ты поэтесса, ничего не скажешь! Но, друг мой, Аринушка, взгляни в другой конец Пушкинской улицы. Пройдем туда. Я хочу знать, не вдохновят ли тебя на поэзию вон те роскошные липы?

Яков подхватил под руку заупиравшуюся было девушку:

— Куда же ты? — Она потрясла сеточкой-авоськой.— Мы же на базар хотели сходить.

— Успеем. Нет, ты только взгляни на этих красавиц!

Ирина так и охнула:

— Ой когда же успели их так обезобразить? Бедные липы. Что только городское начальство думает? Так низко стричь деревья... зачем?

— А это для того, Аринка, чтобы ночью пугать влюбленных! Увидит вот такую оперированную каракатицу какая-нибудь парочка и дёру! Особенно полезно это для влюбленных студентов: вместо того, чтобы под липой целоваться, они побегут домой заниматься.— Яков вскинул кудрявую голову.— Ого, а я уже стихами заговорил! А тебе — не хочется?

— Нет. Ты прав, такие липы меня не вдохновляют. Давай лучше напишем в «Уральский рабочий» заметку об уродах-деревьях? А?

— Я — за! Дай авоську, я понесу.

Ирина засмеялась:

— Да ты лучше с базара понеси — с картошкой!

— А я хочу и на базар и с базара. Что нового в Соколовке?

— У Лизы проездом гостят ее студенческие друзья — муж и жена. Она украинка, бойкая такая, с характером. А он очень смешной, застенчивый и умный. В толстых очках...

— Поэтому и умный?

— Перестань ты! Просто умный.

— Ну, тогда сдаюсь.

Ирина посмотрела на Якова. На его широком лбу выступили мелкие капельки пота.

— Яша, тебе не трудно идти? Может быть, поедем трамваем?

— Конечно, трудно. Надо было окрылить меня, тогда бы я не пошел, не поехал, а полетел бы!

Иринка сама взяла его под руку.

— Окрылю, но через месяц — не раньше.

— Что ж с тобой поделаешь! Да... Через месяц мы с тобой уже сдадим экзамены, и прощай, университет. И поедут двое журналистов Ирина Дружинина и Яков Шатров в дальние края... Может быть, в самую глушь — в районную газету. И знаешь, что я бы тебе посоветовал, если ты не мечтаешь о кабинете замредактора областной газеты, товарищ Дружинина? Заняться одной темой. Написать когда-нибудь повесть о настоящем человеке...

— Она уже написана.

— Плохо ты думаешь о людях, Аринка, если считаешь, что настоящий человек только один летчик Алексей Маресьев.

Иринка смутилась и с уважением взглянула на Якова:

— Нет, я так не думаю.

Яков мечтательно сказал:

— Если у меня есть все-таки настоящий талант. — Он рассмеялся.— А я имел однажды наглость утверждать подобное. Правда, о своем даровании я говорил только себе и отцу — скромность! Короче говоря, Аринка, давай вместе писать повесть о человеке, который оставил в городе хорошее положение, удобную квартиру и добровольно, без нажима сел однажды в поезд... Приехал в деревню и, как за свое кровное, взялся за дела отстающего колхоза.

И опять Иринке показалось, что прохожие смотрят на нее, но уже не так, как раньше, — с усмешкой, а радуясь за нее. Еще бы! Разве не настоящее счастье, когда рядом с тобой идет друг, которого любишь, которым восхищаешься.

— Поедем в самый захудалый район, а?

— Все равно, — тихо сказала Иринка. — Лишь бы вместе. А я захолустья не боюсь. Мне вспоминается, Чехов где-то писал о том, что он никак не понимает, зачем это умные и чувствующие люди теснятся в столицах и не идут в степь, в леса...

Яков не удержался:

— Хорошо мне с тобой, Аринка! Даже вот сейчас... когда со всех сторон прохожие толкают и, вместо настоящих деревьев, такие каракатицы топорщатся... А я все в себе талант, чудак этакий, искал. А настоящий талант есть и в том, чтобы жизнь не без толку прожить и человека, необходимого сердцу твоему, встретить.

2

Строительство стадиона шло полным ходом. Давно белела свежим деревом решетчатая изгородь стадиона. Вытягивались длинные ряды скамеек — места для зрителей. Топольский из-под ладони смотрел издали на круглые колонны арок ворот стадиона.

— Здравствуйте, Аркадий Иванович! — раздался голос. Топольский обернулся:

— А, Багиров, привет...

— Иду со смены, думаю, дай зайду, посмотрю, как стадион-то наш растет...

— Как видишь, — кивнул на арку ворот Топольский,— не так уж плохо. Основные работы закончены. Взгляни, вот — арка с колоннами. С Ромашкиной из-за них мы чуть было кровными врагами не сделались. Ей вынь да положь шестигранные колонны, а я настоял — должны быть круглые, монументальные. А как ты думаешь?

Багиров посмотрел на колонны, добродушно сознался:

— А пес их знает, Аркадий Иванович, какие лучше! По мне те и другие — хорошо. — Он пошевелил верхней губой, над которой у него ерошились белесые усы. Василий еще окончательно не решил: отпускать их или нет. Вот завтра приедет со смотра самодеятельности Марфуша, скажет. В таком деле с женой непременно надо посчитаться. — Я ведь, Аркадий Иванович, футболист. Хочу стариной тряхнуть, давно по полю мяч не гонял.

— Вот оно что! Не вратарь?

— Что нет, того нет.

Уже несколько минут около Топольского стоял прораб, не решаясь перебить начальство.

— Аркадий Иванович, сейчас по дороге сюда встретил главного инженера. Он просил вам передать — со следующей недели одну строительную бригаду перебросить надо на второй участок.

— Что за ересь! — вскинулся Топольский.— Терпеть не могу, не окончив одно дело, переходить к другому.

— Там жилой дом, Аркадий Иванович, кончать надо.

— И здесь надо. Вон Василий Багиров культурно отдыхать хочет, состязаться хочет.

Багиров покраснел так, что его брови стали словно еще белее.

— Отдыхать, я и так отдыхаю, воздуха теперь везде много — не только на стадионе. Он подождет — долго ждали. Жилые дома важнее. Сам жил в одной комнате — знаю.

Топольский уронил сухо:

— Жил в одной и мог ждать двух. Ну, и другие подождут.

Василий подумал о Топольском: «Деревянными колоннами любуется, а до жилья, видишь ли, у него руки не доходят», — а вслух сказал:

— Ну, так бывайте здоровехоньки! Мне в управление еще завернуть надо.

...Рабочий день кончился. Со строительной площадки расходились рабочие. Видя насупленные брови Топольского, взгляд, устремленный вдаль, заложенные за спину руки, предупредительный прораб, осторожно ступая по звенящей от сухости древесной щепе, удалился от начальства, дабы не мешать его «глубокомышлению».

Топольский же, глядя на видневшееся вдали здание клуба, мечтал о своем будущем. Не клуб поселка привлекал его внимание, а место, на котором он стоял.

Вот на таком возвышенном месте как бы выигрышно поднимался дом, построенный по проекту его, Топольского... Ноздри Аркадия дрогнули, он выпрямился. Какое оно, здание? По стилю — это смесь нашего древнерусского и готического, монолит мощи и стремления ввысь. Рвущийся в небо шпиль должен кончать сооружение...

...А юркий прораб, догнавший по дороге одного из

рабочих, усмехнувшись в кулак, кивнул, в сторону Топольского:

— Наш-то мечтатель-завоеватель. Треух бы ему еще на голову — истый Наполеон...

— Ты напрасно на него, Иваныч, — сказал рабочий.— Инженер он знающий.

— Знающий, верно. Но я его больше тебя понимаю. С первых дней, как он сюда приехал, изучал. Работает неплохо. Только вот собой не надышится!

3

Лодка мягко покачивалась на воде. Озеро от цветущей ряски казалось зеленоватым ковром в мягких солнечных складках.

— Хорошо! — Борис со всего размаха хлопнул плашмя веслом по воде, лодка резко покачнулась. Васса, ойкнув, схватилась за Лизу.

— Борька, сумасшедший! Хочешь утопить нас?

Борис снял очки.

— Тебя, например, не утопишь: всегда из воды вылезешь, да еще и сухая!

Все засмеялись и громче всех Васса.

Топольский, сидевший на корме, крикнул:

— До того мыска вон доедем и будем купаться. Согласны?

— Согласны, конечно, — сказал Борис, близоруко щурясь вдаль. — Я сегодня, друзья мои, на все согласен.

— Почему же ты такой покладистый вдруг? — спросила Лиза.

— Прав был уважаемый философ Руссо... Он говорил, что, чем ближе человек стоит к природе, тем он лучше и краше, тем он чище и выше.

— Это мы знаем... читали Руссо, — сказал Топольский. — Я думал, Боря, ты это свяжешь как-нибудь с современностью.

— А по-современному? — звонко крикнула Лиза, и Борис Петров, который задумчиво бороздил рукой гладь воды, невольно взглянул на нее.— А по-современному, — уже утвердительно повторила Лиза, — где бы ни находился наш человек, он всегда должен быть красивым!

— Немножко идеалистически звучит, но справедливо... — заметил Борис. — Товарищи! Васса, достань... где-то там под тобой... Выпьемте еще разок за все красивое в нашей жизни!

— Ты совсем опьянеешь, Борис! — Васса покровительственно взглянула на мужа.

— Но ты же со мной. А ты — сила! Приедем, Васса, в мою сибирскую деревню и будем вот так же на лодке кататься. Дом наш окнами прямо на реку смотрит... Хорошо в краю сибирском... Споемте! Васса, дружок, начинай что-нибудь из серии урало-сибирских.

— Да, Васса, пожалуйста! — Лиза обняла подружку.— Я так соскучилась по твоему голосу.

— За песню я ведь ее, упрямую хохлушку, и полюбил! — признался Борис. — Он зачерпнул в пригоршню воды, облил голые плечи, спину: — Так быстрее загорю. И вы тоже снимайте свои сарафаны и обливайтесь, никто не сглазит.

— ...Нет, право, никогда не думал, что влюблюсь в Вассу. Потом она приехала на наше предприятие, смотрю — дело мое плохо.

Васса, улыбаясь, показывая крупные белоснежные зубы, сказала:

— Чоловик ты мий! Да мне яснее, чем тебе, почему ты влюбился в меня. Ведь я — подружка Лизы!

— Может быть, и так!— согласился Борис— Ну, давайте песню. Хором. Аркадий, мужские голоса должны звучать со всей силой!

Но сам же Боря не дал начаться песне. Он был явно в «ударе» говорливости. Васса шепнула Лизе:

— Всегда так, выпьет чуть-чуть, а говорит, балагурит. Словно старается наверстать свою обычную молчаливость... Знаешь, Лиза, — Васса смешливо посмотрела на подружку, — а я рада, что вышла замуж за Борьку.

— Я по тебе это вижу, — полушепотом ответила Лиза. — Ты какая-то другая совсем стала: ровно в тебе и прежняя Васса осталась и новая появилась — подобрее, попроще.

А Борис, перекинувшись несколькими словами с Топольским, с философии перешел на архитектуру.

— Мне Свердловск ваш очень понравился... В нем

сочетание строгости и силы. Может быть, во мне говорит промышленная романтика. Или я, как и все, знаю, что значит Урал в смысле индустрии для всей страны. Отсюда и уважение к нему... А в архитектуре, между прочим, я ни черта не разбираюсь. Верно, Васса?

— Не совсем, — серьезно возразила Васса. — У тебя есть вкус, по-моему, и...

— Дело не во вкусе, — перебил Топольский, — а в компетенции.

— Издали нам с Вассой очень понравился этот шпиль над вашим горсоветом, а, когда подъехали ближе, смотрим, что-то вроде мечети получается...

Лиза расхохоталась. Топольский махнул рукой:

— Ничего ты, Борис, не понимаешь, шпиль — хорош! Это выражение силы и...

— Единственное украшение нашего города, — сказала Лиза. — Мрамор Урал дает, чугун дает, а вы доброго памятника в Свердловске не увидите, фонтана настоящего не найдете — обидно даже... Шпиль я принимаю на горсовете, куранты — тоже, свердловчане с удовольствием прислушиваются к их бою, а вот фигуры, бродящие по крыше...

— Скульптура любое здание оживляет, — наставительно произнес Топольский. — Ты ничего не понимаешь в архитектуре, а тоже берешься судить...

— Позволь, позволь...— заговорил было Борис, явно не желая оставлять интересную тему, но Васса остановила его:

— Хватит об архитектуре. Песню забыли, эх вы!

Наблюдательная и умная Васса давно поняла и оценила Топольского. Сегодня ей хотелось только одного, чтобы последний день их пребывания в Свердловске закончился мирно.

Но день не закончился мирно, и даже не удалось допеть песню.

— Что за черт!— воскликнул Топольский, шурша на коленях газетой. — Я в буфете покупал это за жареную баранину, а это — самая настоящая и притом скверная говядина... Как вы считаете, а?

Борис с недоумением посмотрел на свой бутерброд:

— Не знаю. Но вобще довольно вкусно. Ты не

огорчайся, Аркадий. Да я, например, после стопки вина, да еще на озере, съел бы целого барана вместе с копытами.

— А по-моему, это баранина,— сказала Васса, почему-то нюхая бутерброд. — И хорошо прожарена, с луком. Впрочем, не все ли равно!

Топольский, не скрывая презрительной усмешки, спросил, протянув руку к Вассе:

— Это баранина? Ты посмотри, какие крупные волокна? А, когда я покупал, он меня уверял — баранина. Я еще спросил его. Безобразие! Вот вернемся на берег, я обязательно разыщу этот киоск...

Лиза не выдержала:

— Ну слушай, Аркадий, перестань... сколько же можно одно и то же... Вернешься на берег, возьмешь жалобную книгу и все изложишь...

— А ты — без издевки! Попридержи язык, если хочешь продолжать поездку, — прикрикнул на жену подвыпивший Топольский. — Я всегда был и буду за правду. А если нравится, что вам всякое дерьмо подсовывают, то и жуйте на здоровье. Я не могу! Я — за уважение к покупателю.

— А я, Топольский, за уважение к человеку вообще, — спокойно сказала Васса. — Боря, греби к берегу.

4

В сосновом бору, около водной станции, на озере в этот же выходной день особенно много было соколовцев.

Семейным кружком сидели Говоровы и Шатровы. Белоснежным пятном сверкала на примятой траве скатерть Марии Андреевны. На скатерти закуска, бутылка коньяку — для мужчин, легкая наливка — для женщин.

Немножко в стороне под старой березой, спускавшей свои зеленые косы почти до земли, близнецы Шатровы и Андрейка Говоров были заняты большим муравейником. Они бросали туда крошки печенья, ставили палку посредине и спорили: заползет ли хоть один муравей на самый конец ее.

Степан Петрович с Говоровым завел «политический» разговор. Мария Андреевна хлопотала, извле-

кая добавочные закуски из корзины. Шатров, глядя на ее возню, улыбнулся не без ласки:

— Везде-то она устроится по-домашнему. Да ты, Маша, сядь, отдохни... И куда столько всякой снеди натащила? Кто ее будет есть?

— А кто знает, может быть, какие-нибудь гости подойдут...— Она вдруг приподнялась на коленях, приложила козырьком ладонь к глазам.

— Что ты, Маша, вглядываешься?— спросил Говоров, сам изредка посматривая туда же.

— Да на лодку на озере смотрю... Не то она движется, не то нет.

— Не движется, Маша. На месте стоит,— ответил Говоров и улыбнулся сестре.

— Я, Степан Петрович, от англичан тоже не в восторге. Мне больше понятны французы. Непосредственнее. Англичане педанты. Мне рассказывал один врач, профессор... Он недавно в числе делегации других врачей ездил в Лондон. Забавные мелочи о них рассказывал.

— Например?

— Ну, вот, такая забавная деталь... Однажды в кои-то веки король Яков пришел на заседание парламента с незастегнутой на жилетке нижней пуговицей. И все находящиеся в парламенте сэры сделали то же самое, чтобы не была заметна небрежность в туалете короля!

Шатров усмехнулся в бороду:

— Сэрам повезло! Хорошо, что на жилете пуговица у короля оказалась незастегнутой, а если бы чуть пониже — вся Англия бы по сей день, наверное, ходила...

— Степан Петрович, не по-стариковски шутишь!— упрекнула его Мария Андреевна, сама еле сдерживая смех.

Говоров продолжал:

— Но я с вами, Степан Петрович, совершенно согласен в том, что мы не должны бояться заимствовать у иностранцев все лучшее в технике. Нечего этим гнушаться. А то бывают такие перегибы!.. Вот у меня есть товарищ по фронту, инженер-горняк. Чудесная голова! Ума — палата, как говорится. А послушайте, с ним какая беда приключилась...

Нина Семеновна, полулежавшая все время на траве, приподнялась на локте:

— В шахте погиб?

— Ну, что ты, Нина,— поморщился Максим Андреевич,— как будто, если беда — так обязательно смерть...

— Я же просто спросила,— обидчиво поджала пухлые губки Нина Семеновна.

— Представляете,— продолжал Говоров,— так вот мой друг Мефодьев написал одну специальную книгу по горным разработкам.

Нина Семеновна поднялась:

— Пойду искупаюсь... Вы разрешите покинуть на время компанию? — спросила она несколько чопорно.

— С удовольствием,— ответил в тон ей Говоров.— Полотенце возьми...

Глядя вслед Нине Семеновне, которая, идя, придерживала свою фиолетовую шелковую пижаму, обшитую черными кружевами, Мария Андреевна с укоризной сказала брату:

— И чего ты, Максим, не скажешь, чтоб она хоть при людях-то эту одежу не носила. Смешно ведь.

— Э...— махнул рукой Максим Андреевич.— Кому-кому, а тебе уж известно, Маша, говорил я или нет об этих тряпках? Надоело. Вкус ведь это не таблетка — проглотил и понимать стал, что к чему.

Мария Андреевна только тихо вздохнула.

Говоров продолжал:

— Так вот, Степан Петрович, Мефодьев из-за этой книги столько неприятностей претерпел. И вот только почему. Поместил в книге снимок открытых угольных разработок из одного иностранного журнала, отметил, что там кое-чему можно поучиться. Понимаете, человек хотел помочь нашим горнякам. Как бы не так! Разнесли его в пух и прах — два подвала в областной газете напечатали. Преклонение перед иностранщиной! Это было, правда, вскоре после войны. Как-то недавно я его встречаю, спрашиваю о книге. Говорит, ни одной отрицательной рецензии из Москвы не было. Дальше вышел ряд работ по горному делу, и во многих из них есть положительные ссылки на его книгу... Видите, как бывает.

Степан Петрович потрепал в волнении курчавую бороду.

— А у человека из-за этого снимка ночей, дней сколько спокойных из жизни выхватили...

— Конечно!— Максим Андреевич посмотрел в сторону пруда долгим взглядом. И Мария Андреевна — тоже.

— Нету уж лодки-то...

— Да что ты все о лодке-то, Маша?— спросил Шатров.— Буря, что ли, на озере? Выплывет твоя лодка.

Говоров сорвал лист папоротника, покрутил его гладкий стебелек в пальцах.

— На пруду бури нет... Это верно,— признал он задумчиво. И снова оживился:

— Конечно, приятно отстоять отечественное изобретение. Нужно это. Но без конца болтать об этом, а тем более о мелком — совсем не надо.— Говоров отбросил скомканный папоротник.— О другом думать надо: как сейчас у нас это изобретение ширится, и все время беспокоиться: как бы от заграницы не отстать, и не бояться опять-таки подражать им в хорошем.

— А чего ж бояться-то?.. Эй, Маня, Ванюшка! Зачем полезли на березу? И Андрейку за собой тянете. Слезайте сейчас же!

— Да не кричи ты, Степан Петрович, испугаешь, свалится еще...— Мария Андреевна поспешила к детям.

— Съездил бы я, скажем, за границу и увидел, что там торф лучше нашего добывают. Приехал бы домой, все бы постановил так, как лучше. Попробуйте-ко запретить. Да попадись, скажем, мне на глаза торфоуборочная машина, да я ее всю обнюхаю и дома беспременно сооружу!

— Правильно, Степан Петрович. Вот это и будет истинный патриотизм!

— А что ж, патриотизм-то делом показывается, а не словесной трепотней.

— Ну, патриоты, вы совсем заговорились...— возвратясь, сказала Мария Андреевна.

— Не домой ли собралась?— удивился Шатров.

Мария Андреевна взяла в руки бутылку коньяку:

— Давайте-ко ваши стаканчики... А то заморились в разговоре-то.

— Ох, и мудрая у тебя сестра, Андреич!— улыбнулся Шатров.

Говоров не слышал. Он следил за вершиной ближней сосны. Колыхаемая ветром, она кланялась, словно пыталась задеть стройную тонкую березку. Но березка, гибкая, в зеленом облачке листьев, все отклонялась и отклонялась от сосны.

5

А на другой день вечером Лиза провожала на вокзале Бориса и Вассу. Топольского не было. Он не успел к этому времени, а может быть, и не захотел вернуться с работы. Никто о нем и не вспомнил.

Борис понес чемоданы в вагон. Васса и Лиза остались одни. Борис не выходил из вагона. «Понимал все Борька Петров, как и прежде!»

Обнявшись, подружки ходили по перрону.

— Лиза, дружок, ну что ты такая грустная? Мне просто тяжело тебя оставлять. Может быть, все-таки у вас поправится? Вчера он был пьян, поэтому и груб,— говорила Васса и знала, что не то совсем надо сказать. За несколько дней, прожитых в доме Дружининых, она окончательно возненавидела Топольского и даже призналась Борису:— Я бы обязательно бросила его. Не по нутру он мне.

Раздался гудок. В дверях вагона показался Борис:

— Прощайтесь!

— Васса, я, кажется, люблю другого человека. Я теперь все поняла...— с отчаянием, спеша проговорила Лиза.

Карие глаза Вассы вспыхнули. Она стиснула в объятиях подругу.

— Счастья желаю тебе, Лизка, родная. Только будь мужественной, если это настоящее.

Боря тряс руку Лизы:

— Да поцелуй же ты ее, медведь сибирский!— прикрикнула на него Васса.

Вскочив на подножку, Васса все кричала:

— Счастья желаю!

Лиза долго махала рукой уходящему поезду.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Стояли погожие дни, которые всегда доставляют радость торфяникам.

Участок Дружининой разросся, подступил к самой опушке хмуроватого и густого соснового бора. Казалось, участку двигаться больше некуда. Здесь, у леса, кончается торф. Но так может думать неискушенный человек. Глаз торфяника видит своеобразную окраску почвы, на которой растет подлесок.

Лиза знает: на месте подлеска, после того, как по нему пройдутся машины, будет вот такое же ровное поле.

Потом это торфополе перережут карьеры, вырастут высокие караваны — штабеля торфа.

Есть где раздаться вширь! Есть где поработать!

Елизавета Георгиевна Дружинина смотрит вдаль мечтательными сияющими глазами.

Вот такими же глазами смотрела десятиклассница Лиза Дружинина на отца, когда сбивчиво, волнуясь, говорила ему:

«Хочется, папка, чтобы каждый наш камень человеку служил, все, что в земле хоронится, добыто бы для пользы людей было!»

Глубоко задумалась Лиза. Да, личная жизнь сложилась неудачно. Но разве ее, Лизу, можно назвать несчастливой? Нет, нельзя, у нее есть любимый труд. Вот без него, действительно, жизнь была бы бессодержательной и бесцельной.

— А ну, разок!

— Е-ще ра-зок!

Лиза недоуменно посмотрела в сторону, откуда неслись эти прадедовские напевы.

— У-ух-нем!

— Е-ще ра-зок!

Голоса неслись со стороны третьего багера. Лиза поспешила туда. Около багера суетились рабочие. Оказывается, в ковшовую раму попал громадный кряжистый пень, похожий на осьминога. Его корни-«щупальцы» запутались в цепи. Багермейстер не выключал мотора, надеясь, что пень сейчас извлекут. Лиза приказала выключить багер.

— Энергию тратить попусту нельзя. И когда только вы приучитесь к настоящей экономии?

— Да я ж думал, сей миг вынут!— оправдывался багермейстер.— Ведь сверхплановый добываем, в азарт вошел, Елизавета Георгиевна.

— А вы лучше вон там помогите... с азартом!— кивнула Дружинина на пень, около которого суетились раскрасневшиеся и потные рабочие. Лиза сама хотела спуститься в карьер, помочь, но один из пожилых рабочих по-отцовски отстранил ее.

В это время к багеру подошли Говоров, директор, парторг и представитель треста — инженер.

— Кто это у вас под дубинушку работает, товарищ Дружинина? — спросил директор не без иронии.

— Да вот, видите, пень..., — немножко смутилась Лиза.

Между тем пень никак не поддавался — упрямо полз по цепи вниз, касался корнями воды на дне карьера.

Говоров мельком взглянул на смущенное лицо Лизы, и что-то словно кольнуло его. «Ее боль — моя боль, ее радость — моя радость!»

Максим Андреевич сбросил пиджак, спрыгнул в карьер и даже не почувствовал, что ботинки увязли в разжиженном торфе.

Лиза видела, как на его широкой спине под рубашкой дрогнули мускулы.

— Взя-ли!— весело и громко крикнул он, и громадный пень, остатки дерева, которое было, может быть, царем леса, приподнялся и под веселое «ура» был отброшен с цепи в сторону.

Когда Говоров выбрался из карьера, он взглянул на Лизу, словно спрашивая, одобряет она или нет. И Лиза смело встретила взгляд, не боясь, что кто-нибудь прочтет в глазах то, чем переполнено сердце.

Потом все пошли в центр участка, где поблескивала на солнце новыми частями торфоуборочная машина. Ее только сегодня утром сняли с железнодорожной платформы.

— На вид значительно лучше прежней,— сказал директор, оглядывая машину.— Не так громоздка.

— Да, габарит хорош,— согласился инженер из треста,— какова-то она будет в действии?

Максим Андреевич ничего не сказал. Заложив руки за спину, он, слегка хмурясь, посматривал на машину.

Складочка между бровями делала его лицо резким, неприветливым. Лизе даже показалось, Максим Андреевич равнодушен к машине. Как он может оставаться спокойным сейчас, когда испытывается его детище? Десятки бессонных ночей провел он, обдумывая конструкцию торфоуборочной машины, изменяя ее, дополняя.

Максим Андреевич прошелся вокруг машины, посмотрел в сторону водителя Багировой.

И Марфуша Багирова не замедлила. Крикнула звонко:

— Пошла!

Негромко и мягко заработала новая машина, ровно пошла по полю, устланному длинными рядами торфокирпича. Там, где проходила машина, оставалось чистое место. Кирпичи по ленте транспортера сползали в объемистый кузов машины. Когда кузов заполнялся доверху, машина шла к штабелям, вытряхивала кирпич.

— Хорошая машина!— Илья Васильевич самодовольно улыбнулся.

Все одобрительно говорили:

— Ничего не скажешь — производительно работает.

— Можно рекомендовать заводу к массовому выпуску,— сказал представитель треста.

Максим Андреевич, казалось, не слышал этих замечаний. Он не сводил глаз с приближающейся машины. Даже ни разу не взглянул на Лизу. А когда она, не утерпев, подошла к нему и тихо сказала: «Хорошая машина. Очень!», он только кивнул головой.

Лиза, увидев его блестящие и влажные глаза, подумала: «Да она... эта машина ему дороже, чем я...» Ей стало и грустно и радостно: «Человек идеи. Он может забыть меня... свое личное вообще, если это потребуется... Но я от этого, кажется, еще больше люблю его».

2

Дома она в этот вечер бралась то за одно, то за другое дело и все в конце концов откладывала в сторону. Пробовала читать, но скользила глазами по строчкам, не улавливая смысла слов.

С Говоровым сегодня в полдень Лиза встретилась по дороге в управление. Шли молча. Только у самых дверей управления Лиза поймала на себе вопрошающий взгляд Говорова. Но сказал он спокойно:

— Сегодня после работы зайдите ко мне в управление. Я вас буду очень ждать.

Она отвела глаза, упрямо бросив:

— Вы же знаете, что я не приду.

— Знаю, что придете. Очень прошу...

...«Нет, не пойду»... А глаза то и дело смотрели на часы. Только на миг представились почему-то руки Говорова. Вот они сжали ее лицо... Что-то он шепчет ей. Она слышит его голос. Лиза мучительно зажмурилась: «Максим, мой родной Максим!»

Потом она встала из-за стола. Проходя мимо зеркала, мельком взглянула и... не узнала себя. Ты ли? В глазах и песня, и радость, и тревога-тревога... «Ну, что делать-то будешь?»

Раздался телефонный звонок. «Он!»

Но в трубке — тягучий голос дежурной телефонистки.

— Я вас слушаю, — сказала Лиза упавшим голосом.

— Товарищ Говоров звонил с участка час назад, ваша квартира не отвечала. Он просил вас в восемь часов быть в управлении и взять с собой отчет за последний месяц.

— Благодарю вас! — крикнула Лиза и обмерла от радости, зазвеневшей в собственном голосе.

...Уже идя по коридору управления, Лиза думала: «Как нехорошо! Он сейчас будет объясняться... В кабинете... Ну, нет, не выйдет, Максим Андреевич. Я вас ни у кого красть не хочу. Вот сейчас приду, положу отчет перед вами — и до свидания».

Говоров стоял у окна, курил. Когда Лиза вошла, резко обернулся к ней.

— Пришла! — И вздохнул, словно принесенный груз с плеч сбросил. — Боялся, думал не придешь.—

Порывисто шагнул к ней, но на полпути остановился. — Нет, не надо! Не за тем звал...

Лиза протянула ему синюю тетрадку с отчетом.

— Пожалуйста.

Он улыбнулся покровительственно и грустно.

— Ты же знаешь, я его уже смотрел, девочка.

В открытое окно до второго этажа долетали возгласы со спортивной площадки:

— Гол! Гол!.. Так! Миша, посильней, с чувством забей!

Говоров подошел к Лизе, сел напротив.

— Помните, вы первый раз сюда пришли... Так же сели. Впрочем, вы все знаете.— Он взял ее руку, сжал в больших теплых ладонях.

Лиза хотела высвободить руку и не могла заставить себя это сделать. Она только прошептала:

— Не надо, Максим Андреевич...

— Правильно, Лиза, не надо! И я так же думаю.— Он включил настольную лампу, хотя в кабинете было почти совсем светло. — Не надо. Ты сама еще ни к чему не пришла. А я настаивать не могу. Подлецом надо быть, чтобы в чужую семью лезть. За себя решать — на это-то я уж имею право, но за тебя — нет!

— Максим Андреевич, послушайте. Это страшно...

— Вот именно «Максим Андреевич»!.. И, пока я им буду для тебя, ничего мне не обещай — все равно не возьму. — Уже не сдерживаясь, он снова схватил ее руку, прижался пылающими твердыми губами. — До свидания. Не хочу тебя с кем-то делить и сам не могу делиться. И мешать тебе не буду.

Лиза дошла до двери, обернулась. Он стоял у окна.

— Максим Андреевич...

— До свидания, Елизавета Георгиевна, — сказал он глухо, не оборачиваясь.

Лиза медленно вышла.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

В фойе и в концертном зале городской филармонии сегодня зажжены все люстры. Помещение вновь отремонтировано, стены, потолки его торжественно

блестят позолотой и белизной. Шелковые шторы на окнах спадают воздушными складками.

Настойчиво зазвенел звонок, приглашая снова всех в зал заседания пленума Областного совета сторонников защиты мира.

Степан Петрович Шатров, Дружинина и Топольский вошли в зал, заняли свои места. Лиза беспокойно оглядывалась по сторонам.

— Да что ты так волнуешься, мать моя? — не удержался Шатров. — Когда выйдешь на трибуну, перво-наперво скажи себе: «Здесь сидят все свои люди, и бояться нечего... Коль и запнусь где — не осудят». А потом начинай, да громко. Главное — в бумажку гляди поменьше, и все хорошо получится.

— Все-таки страшно, Степан Петрович... Впервые на таком собрании приходится...

Топольский, сидевший рядом, уронил:

— Чего ж волноваться-то. Пятиминутное выступление не часовая лекция.

— Ну, мил друг, я тебе скажу... — неожиданно вскипел Степан Петрович, — часовую лекцию можно пробубнить, как пономарь в церкви, и от нее никому толку, и пятиминутным выступлением можно сердце всколыхнуть.

Назвали фамилию Дружининой. Лиза поспешно поднялась. В темно-синем костюме из мягкой шерсти, в белой кофточке она казалась выше и строже, чем обычно. Прошла к трибуне решительной походкой, немножко размашистой для женщины. Только раскрасневшееся лицо и слабая улыбка выдавали ее смущение.

И потому, что Лиза видела перед собой сотни пар добрых внимательных глаз, и потому, что в эту минуту вспомнила о своей Галинке, слова ее, самые обычные, прозвучали искренне и твердо:

— Мое поколение уже знает, что такое война! Страшнее ничего нет на земле. Во имя счастья своих детей мы, советские женщины, будем ежечасно крепить великое дело мира и дружбы между народами!

Лизе аплодировали так же дружно, как и другим ораторам. Степан Петрович был доволен. Все-таки в душе он боялся за Лизу: оробеет, запутается чего доброго еще. И, когда Лиза, все еще розовая, с блестящи-

ми глазами, снова садилась с ним рядом, не удержался, шепнул Топольскому.

— Гордись женой-то!

Топольский снисходительно улыбнулся:

— Речь как речь, немножко шаблонна, как и у всех других.

«Уф! — вздохнул про себя старик.— Да я и не считаю, что она государственный деятель, а как женщина, как человек-то душой не пустышка». Но говорить все это сейчас было неудобно. «Как-нибудь с ним обязательно потолкую, — решил Шатров. — Неправильно мужик живет. Собой живет».

После заседания внизу, когда стояли в очереди, чтобы получить пальто, Лиза спросила:

— Ты так и не сказал, как я выступала? Не очень плохо, Аркадий?

— Ничего, не хуже других. — И, подавая ей пальто, сказал:— Какие у тебя красные пятна на шее... Неприятно даже смотреть.

— Это же у меня всегда, когда волнуюсь. Я же не виновата. Выйдем на воздух, и пройдет.

Начало августа было теплым. Прохожие шли не спеша, словно наслаждаясь этим, может быть, последним отголоском короткого уральского лета. Лиза расстегнула пальто, и мягкий газовый шарфик затрепетал у нее на груди. Приятно было подставлять лицо теплому дыханию вечера. «Хорошо, что я шляпу забыла дома,— подумала Лиза и улыбнулась себе: — Что ведь вспомнилось — шляпа! Как-то Галинка с бабушкой... Сказки читают, наверное. Спать еще не легли». Какой-то высокий прохожий в дорогом пальто свободного покроя восхищенно взглянул на Лизу. Топольский в свою очередь посмотрел на жену.

У центрального почтамта продавали цветы. Полные корзины махровых георгинов. И астры—лохматые и грустные.

— Последние цветы... — сказала Лиза и невольно замедлила шаги.

— Что же ты остановилась? — посмотрел на нее Аркадий. — Позвонить домой с почтамта? Но ведь Галя у бабушки.

— Аркаша, давай купим цветы... Такой чудесный вечер.

Топольский пожал плечами:

— Пожалуйста, если хочешь... Но ведь через несколько часов они завянут.

Улыбка сошла с лица у Лизы. Заметив, что тетушка из-за цветочной корзины с нескрываемой бабьей жалостью смотрит на нее, она поспешно отошла.

— Нет, не надо.

В автобусе Степан Петрович и Аркадий сидели рядом. Лизе показалось, что Шатров намеренно посадил ее подальше.

«Милый мой старик. Увещевать его хочешь? Боюсь, что не по плечу тебе эта задача, несмотря на всю твою житейскую мудрость».

Прижавшись к оконному стеклу автобуса, Лиза смотрела в темноту леса. Подумалось о Говорове, об их первом и, наверное, последнем разговоре наедине.

«За себя решать могу — на это я уж имею право, но за тебя — нет!.. А ты еще ни к чему сама не пришла».

Прошел месяц с этой встречи. Время бежит. Кажется, впереди еще много-много всего. А однажды поймешь: впереди почти ничего нет, все позади.

И сейчас, прислушиваясь к дробному стуку дождя по железной крыше автобуса, Лиза жестко спросила себя: «Долго ли за соломинку-то будешь хвататься?»

Когда вышли из автобуса, на земле тускло поблескивали лужи. Шумел ветер в облетавшей мокрой листве тополей.

До угла шли все вместе. На повороте Шатров попрощался с Лизой:

— Ну, так будь здорова... Я уж у своего огонька,— он сухо кивнул Топольскому и пошел к домику, окно которого светилось желтым квадратиком в ночи.

2

Дождь усилился, резко стучал в окна. Надоедливо дребезжали телефонные провода. Мигнула, погасла и снова вспыхнула электрическая лампочка.

Квартира, в которой сутки не было человеческого дыхания, показалась Лизе чужой. Нехотя она сняла пальто. Аркадий сел в столовой, приглаживая ладонями влажные, более волнистые, чем всегда, волосы.

— Шатров сейчас в автобусе читал мне целую нотацию, так сказать, семейную мудрость преподавал.— Он погасил папиросу и, хотя стояла на столе пепельница, сунул окурок в горшок с фикусом.— Ты что, жаловалась ему?

— Нет. Он умный человек и сам все видит.

Топольский поднялся, чуть сутулясь, прошелся по комнате, остановился перед Лизой:

— Видит, значит? Что же он видит?

— Больше, чем ты, во всяком случае.

— Вот как! — Аркадий вспыхнул: — Я, наконец, не понимаю, что ты от меня хочешь? Ты что, в самом деле, со мной без радости живешь?

— Да. А ты разве никогда этого не замечал? — спросила она серьезно.

— Ничего не понимаю! — Топольский одновременно пожал плечами и широко развел руками: — Как ты накапливаешь этот весь драматизм? Мне странным, непонятным кажется все это. Я изумлен... Два коммуниста с высшим образованием, живущие по одному уставу, одной линии в общественной жизни придерживаются...

— И так дурно влияют друг на друга, хочешь сказать?

— Дай мне закончить мою мысль.. Да, одной линии в общественной жизни придерживаются и не могут ужиться. Что за ерунда! Надо же только захотеть жить хорошо — и все! Как же мы собираемся строить коммунизм, если два человека — семья, эта первоначальная ячейка общества, не дружна? — Аркадий задохнулся: — Ну, скажи, скажи, чего тебе не хватает в жизни?

— Счастья.

— Ах! Вы глубоко несчастная женщина, жертва своего мужа.

— Жертва своей ошибки, Аркадий.

— Бедная Лиза! И почему же нет теперь сентиментальных Карамзиных! Приголубили бы...

— Брось паясничать.

За окнами все шумел дождь. Прогромыхала автомашина и остановилась. Тотчас же послышались голоса: «Колесо заело! Не знаю дороги — врезался в канаву».

— Гаси свет, — поспешно сказал Аркадий, — а то сейчас в окно чего доброго забарабанят — машину из грязи выволакивать попросят...

Лиза, словно не слыша его, продолжала сидеть.

— Я часто думаю, Аркадий, в чем твоя беда? И знаешь, в чем? Ты не любишь людей и очень любишь себя. И хорошо относишься к тем, кто послабее тебя. Почему ты дружишь с Позвоночниковым? Он глупее тебя, и душонка у него мелкая. А вот Степана Петровича ты не любишь.

— Не терплю этого иконописного мудреца. Что верно, то верно.

— Ну, вот, ты его даже и не понимаешь. А не любишь потому, что сам всегда хочешь быть сильным, выдающимся человеком, даже хотя бы на фоне слабых...

— Да, я хочу быть сильным! — прервал ее Аркадий. — Ну и что, что? Это тебе претит? Слышишь, великим хочу быть. Ясно?

— Кто знает, может быть, и будешь, — невозмутимо согласилась Лиза, — представление о великом у каждого свое, очевидно.

— Не иронизируй! Кстати, по вашей милости я оказался здесь, в этой дыре.

— Значит, я помешала развернуться?

— В какой-то мере да!

— Возможно... Но хватит пререкаться. Сядь, Аркадий, я хочу обо всем поговорить.

Аркадий остановился перед женой.

— А я считаю, говорить не о чем. Все ясно.

— Неправда! — порывисто сказала Лиза.

Дождь за окном утихал. Вдали послышался глухой и все слабеющий шум машины.

Аркадий устало потянулся. Ему уже надоел разговор, затеянный женой.

— Я не хочу говорить на эту тему. Это — все твои выдумки... Блажь. Ты давно не была у врача — у тебя расшатана нервная система. — Аркадий подошел к жене, обнял, прижался подбородком к ее теплому округлому плечу.

— Пора спать... Я соскучился по тебе.

Лиза освободилась из его объятий.

— Сегодня я все тебе скажу... Я вышла за тебя без

любви. И это, наверное, моя вина перед тобой, Аркадий, и моя ошибка. Но я верила в тебя и в себя. Верила, хотя скоро поняла, как мало у нас общего. Примирилась и с этим. Я говорила себе: живут же другие, не любя, в силу привычки. Ребенок у нас. Ради него буду жить... Любовь — еще не все. Важно, к Аркадию у меня есть уважение. Но теперь,— губы Лизы дрогнули, — у меня к тебе уважения не осталось!

Сказала и умолкла, заметив, как побледнел вначале нос, а затем и щеки Аркадия. Он произнес сухо и резко:

— Мы обязаны быть вместе. И я, как умею, люблю тебя. У нас — брак, скрепленный загсом.

Лизе стало жаль его. Но уже в следующий миг она говорила с новой силой:

— Ты не умеешь любить, Топольский! Может быть, тебе это и не дано вовсе... — Лиза выпрямилась и бросила в лицо Аркадию жесткое, страстное:

— И если любишь, то любовь твоя без мечты, без силы.— Розовые неровные пятна выступили у нее на щеках и лбу. — Мне такая любовь не нужна. Камнем она висит на шее. Вниз тянет, а не окрыляет.

Топольский с изумлением смотрел на жену. Испытывал ли он боль от ее жестоких слов в этот миг? Нет, он просто не понимал и, пожалуй, боялся ее вот такой, новой, жгучей.

— Может быть, тебя поймут больше, чем меня. Ты прав: закон на твоей стороне. «Брак, скрепленный загсом!»— говоришь ты. У нас ведь разводят обычно в том случае, когда муж и жена ежечасно оскорбляют друг друга, дерутся, разъезжаются по разным квартирам. Важно, что люди достаточно очернили друг друга, и им вместе уже жить нельзя. Их разводят. Но у меня другое. И меня никто не оправдает! Моя вина: я не люблю мужа. А обязана! Что же думала раньше, скажут... И все-таки, Аркадий, слышишь, правда-то жизни на моей стороне! А от нее не убежишь, так же как от себя самой я не побегу. Не загс должен нас скреплять, а мы, сами! Но не сумели, силенок не хватило, видно... Ну, так и жалеть не о чем.

Лиза села и уже спокойнее, почти задумчиво посмотрела на мужа.

— Постарайся понять меня, Аркадий. Не люблю

тебя и не хочу любить. Мы не смогли помочь друг другу быть в жизни лучше и красивее. А кто знает, живя и любя, я смогла бы сделать для людей значительно больше, чем делаю сейчас... Ты стараешься блистать, совершенствоваться, но ты, Топольский, светишь, а не греешь. И мне холодно и одиноко. Я много думала. Как мне быть? Что делать? Жить, существуя, радоваться, когда невесело, быть ласковой, когда в душе холод? Не могу так! Лучше ничего не надо. Честнее разорвать все, чем делать вид, что счастлив!

Аркадий курил папиросу за папиросой, колюче щурился на жену. После долгой паузы сказал:

— У нас ребенок... А любви я от тебя и не требую. И на колени падать перед тобой, вымаливать ее таким образом я не хочу.

— «На колени»! Да разве в этом дело? Да уж если на то пошло, на это ты и неспособен. — И с горечью, смешанной с жалостью, Лиза закончила. — Ни на что большее неспособен ты, кроме любви к себе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Начало сентября. Хорошо в это время небо! Оно теплое, но без зноя. Безбрежная ширь его раскинулась голубым шатром, лишь кое-где белеют островки облаков.

Лиза спешила... Она смотрела в синюю даль над лесом, улыбалась и, казалось, шла навстречу ей. А солнце яркое, но не слепит глаз своей лучистостью — так хорошо смотреть вперед, далеко. Полететь бы!

Раньше, когда Елизавета Дружинина читала о большой, настоящей и страстной любви, она думала: «Нет, я бы не смогла так сильно любить». И бывало в такие минуты немножко больно.

...И вот Лиза полюбила.

Начался мелкий низкорослый березняк, за которым раскинулись ровные просторы торфяного массива и маячила вдали вершина дальней лесистой горы. Здесь когда-то Говоров спросил ее: «Будете ли обо мне думать?»

Они не условились о встрече, но Лиза знала: в этот воскресный вечер он придет сюда. Заслышав шелест и

хруст, заметив в лесу какую-то фигуру, устремилась вперед.

Навстречу ей из леса вышел Позвоночников с охотничьим ружьем за плечом.

Лиза растерялась, замедлила шаги. И в этот же момент заметила вдали Говорова. «Позвоночников видел его!.. Меня... сопоставит...»

Виктор Власьевич многозначительно и сладко улыбнулся:

— Здравствуйте, Елизавета Георгиевна!

— Здравствуйте! — сказала Лиза каким-то отчаянно небрежным тоном.

Позвоночников с той же улыбкой дерзко оглядел молодую женщину. Лизе стало мучительно стыдно. «Такими глазами могут посмотреть на меня и другие!» Ей захотелось повернуться и убежать.

Внутренне колеблясь она спросила:

— Охотились?

— Да-с, Елизавета Георгиевна, охотой увлекаюсь...— Он скосил глаза в сторону Говорова: — И, как видите, не я один. Охота — прекрасный вид спорта...

Он еще хотел что-то сказать, но вдруг Лиза в упор посмотрела на него, прошла мимо. Она знала — Позвоночников смотрит вслед, и все ускоряла и ускоряла шаги навстречу Говорову.

...Шли рядом, даже не взявшись за руки. Они были счастливы оттого, что идут вдвоем, что кругом — ни души.

В одном месте дорогу перерезал широкий ручей, слабо мерцающий в вечернем свете. Лиза остановилась, прислушалась к его наивному журчанию, сделала шаг к ручью... Говоров легко подхватил ее на руки.

— Я сам перенесу,— прошептал он, целуя ее губы, глаза, шею. — Родная моя.

Ручей остался позади, но Максим Андреевич все нес ее на руках.

— Отпусти же меня, наконец,— просила Лиза, стараясь освободиться из объятий. — Устал ведь? — Она провела ладонью по его загорелой жесткой щеке. Он покачал головой.

— Не устал. И никогда не устану. Всю жизнь пронесу вот так, у самого сердца, слышишь?

— Слышу.

Взобравшись на пригорок, он бережно опустил ее. Вдали, внизу, блестели огни поселка. А дальше за стеной леса, на других пригорках, тоже сияли огни.

Максим Андреевич бросил пиджак на траву.

— Садись, Лиза.

Она покорно села. Говоров примостился около нее, прямо на земле.

— Давай, Лиза, говорить прямо. Ты же знаешь, если мы будем вместе, а это должно быть... нам лучше уехать отсюда, хотя бы на время.

— Нет, Максим, я не смогу этого сделать...— Лиза взяла руку Говорова, прильнула к ней щекой.— Не сердись, милый, не могу!

Она с тоской посмотрела на Говорова и растерянно сказала:

— Знаю, без тебя жизнь мне не в радость... Но что делать сейчас?

Набежал ветер, принес запахи осенних листьев и смолистой хвои.

— Я без тебя, Лиза, не могу! Как ты не можешь понять?

— Ты самый сильный у меня, Максим,— она сжала ладонями его лицо,— самый лучший.

— Лиза, родная! Надо решать. Я двойной жизни не хочу! Неужели ты не чувствуешь, что вдвоем, рядом, мы могли бы жить по-настоящему счастливо, Лиза. А как бы мы трудились! Еще лучше, еще больше.

Лиза молчала.

Максим Андреевич зарылся лицом в складки Лизиного платья, прошептал:

— Лиза, решай!

— Я... решила,— произнесла после некоторого раздумья Лиза. И ей сделалось страшно...

2

Аркадий Топольский сидел у камина. Несмотря на то, что вечер был теплый, Аркадия знобило. Он побледнел, осунулся. Черные, близко поставленные глаза зло щурились на синеватые язычки пламени. «Нет, как она смела?.. Муж занят научной работой... а она?..» Дрова в камине разгорелись. Топольский подбросил еще несколько поленьев.

«Как смела лгать мне?..»

Аркадий взъерошил волнистые волосы. Пожалуй, сейчас не боязнь потерять Лизу мучила его. Подымался гнев, закипала ярость.

Он с ожесточением бросил в огонь полено.

«Опозорила меня, Аркадия Топольского! Какое ей дело до того, что я — завтрашний кандидат наук... Какое ей вообще дело до моего самолюбия! Ломает семью...»

Топольскому попались Лизины тетрадки — заготовки будущей статьи, он сгреб их, с злорадным наслаждением метнул в огонь.

Дверь открылась. На пороге стояла Лиза. Вся ее фигура выражала спокойную решимость. И это сначала огорошило Топольского, а в следующее мгновение привело в бешенство.

Он вскочил со стула, но тут же снова сел и принял вид грозного, но справедливого судьи.

— Итак! — прерывающимся голосом заговорил Топольский. — Где ты была сейчас?

Лиза почувствовала, что бледнеет.

— На своем участке...

— Знаю! — грубо оборвал Аркадий. Ему хотелось оскорбить, унизить жену, сделать ей больно. — Я спрашиваю: с кем была?

«Интересно, как она будет лгать!» — почти с наслаждением подумал он.

С пылающим лицом, вскинув голову, она ответила тихо, но резко.

— С Говоровым!

— И тебе не стыдно сознаться в этом?

— Нет! Я пришла, чтобы сказать...

Он вскочил с места, будто кто его подбросил:

— Дрянь...

— Ну, вот, с этого бы и начинал... без игры! — Лиза не скрывала насмешки. Она посмотрела в прищуренные, бешеные глаза мужа:

— Я люблю Говорова...

Лиза не докончила. Ее прервал надсадный крик Аркадия. Он колотил стулом по полу и выкрикивал грубые ругательства... потом отбросил стул в сторону, шагнул к Лизе, и пощечина загорелась на ее лице.

3

— Перерасход... — главный бухгалтер грустно взглянул на Говорова и тут же успокоил: — Прошлогодний.

— Какой перерасход? — не понял Говоров.

— На ремонт вашей квартирки... вот стоимость краски, материалов. Товарищ Говорова перекрашивала комнаты и допустила перерасход выше утвержденной сметы.

— Ну и что же?

— Я вас информирую.

Максим Андреевич, нахмурившись, сказал:

— Не информировать, а требовать надо. Какая сумма?

— Да... нет, Максим Андреевич, я хотел согласовать... включить куда-нибудь... ведь товарищ Мохов, ремонтируя свою квартиру, тоже допустил перерасход.

— Мне нет дела до товарища Мохова... Вычтите из моей зарплаты,— и, не просмотрев документы, Говоров протянул их бухгалтеру. Тот ушел.

«Ну, теперь я должен вызвать его,— подумал Говоров, имея в виду Топольского, на которого жаловался один из начальников участка. — Пожалуй, удобный случай поговорить с ним о Лизе, о нас... Откладывать нельзя».

Он попросил секретаршу:

— Позовите ко мне, пожалуйста, товарища Топольского.

Аркадий, не здороваясь, подошел к столу.

— Чем могу быть полезен?

И, не дожидаясь приглашения, сел в кресло, не спуская прищуренных глаз с Говорова.

Наступило неловкое молчание.

Испытывал ли Максим Андреевич чувство вины перед этим человеком? Да, безусловно, испытывал... И это помешало ему сразу начать откровенный, прямой разговор о личном.

— Аркадий Иванович, строительство столовой на втором участке срывается... по вашей вине. Кроме того, там жилой дом не окончен.

— Я строю стадион.

— Закончите вначале жилой дом! Для этого потребуется всего несколько дней, потом переключитесь на стадион.

— Вы же сами ратуете за то, чтобы в центральном поселке было средоточие культуры,— сказал Топольский, и его губы иронически дрогнули. — Вот я и стараюсь, чтобы люди отдыхали в общественных местах... а не шлялись по лесу... с чужими женами.

Говоров вспыхнул, нахмурился, поднялся с места, остановился перед Топольским. Тот тоже встал.

— Знаете что,— начал спокойно Говоров, и только подбородок его вздрогнул при этом,— можете меня как угодно оскорблять, каяться перед вами я все равно не буду. Ясно?

— Что ж каяться-то? — процедил сквозь зубы Топольский. — Юбка тебя сама окрутила... как за нее не ухватиться... хотя бы украдкой?.. хотя бы на время?

«Если он говорит так со мной, представляю, как он оскорбляет ее»,— пронеслось в голове Говорова. Он рванулся к Топольскому, и тот невольно попятился.

— Слушайте, Топольский, вы... пошляк!

Топольский ничего не ответил и вышел, резко хлопнув дверью.

4

Мария Андреевна виновато посмотрела на Топольского и сокрушенно покачала головой: «Эх, Максим, что ты наделал!»

— Мне надо Степана Петровича.

— Пожалуйста, Аркадий Иванович,— засуетилась Мария Андреевна, обрадовавшись тому, что Топольский пришел не к ней. Провела его в горенку, где сидел Степан Петрович над толстой книгой. Он вскинул очки на лоб.

— Читаю вот... «Степана Разина». Силен был человечище — душа русская, великая... Как здоровье, Аркадий Иваныч?

— Спасибо. Я пришел к вам поговорить об Елизавете,— начал Аркадий, не снимая пальто.

— Жаловаться на жену, значит, пришел?

Топольский сделал протестующее движение:

— Почему «жаловаться»? Советоваться.

— Ну, что ж, советоваться — так советоваться... Только я ведь наперед знаю, что ты обвинять ее будешь, а сам оправдываться. Не то, чтобы оправдываться, а указывать на свои достоинства.

— Вы же меня не выслушали еще,— обиделся Топольский. — Я пришел к вам посоветоваться... Жена уважает вас. Согласитесь, она допустила... она рушит семью!

Степан Петрович нахмурился:

— А ты, братец, уверен, что у тебя... настоящая семья?

— Я во всяком случае, стремился, чтобы у меня была настоящая семья,— сказал сухо Топольский.

— Ни шиша ты не стремился, Аркадий Иваныч!— с горькой досадой махнул рукой Шатров. Он снял очки, захлопнул книгу. — Любишь только себя, милый человек. Я Елизавету не оправдываю. Нет, не оправдываю! Только и тебе надо почаще на себя оглядываться. Я о себе скажу. Хоть и стар, все время живу с оглядкой: правильно ли я сказал то-то жене, вовремя ли помог ей?

— Своего рода семейная самокритика... — иронически заметил Топольский,— она, по-вашему, у меня отсутствует?

— Угу.

— А я скажу: нет. У меня деловой характер, я за честность. — Топольский помедлил: — И не моя вина в том, что жена...

— Я не знаю, беда твоя или вина твоя, но Лизе нелегко жить с тобой... Без радости живете.

Степан Петрович вздохнул.

— Вы по отношению к ней теряете всякую объективность! — усмехнулся Топольский.

— А ты ее давно потерял по отношению к себе!

— Мы, кажется, не поймем друг друга. — Топольский поднялся. — Не буду отнимать у вас время.

— И не надо, братец, не надо. Ничего друг у друга не надо отнимать. Давать надо. И, давая, не жалеть: не передал ли я жене обычную порцию внимания.

— Шутите?

— Нет, Аркадий Иваныч, нет. Серчай не серчай на меня, я тебе прямо скажу. Не с того конца жизнь-то строить начал... Если поймешь, что и ты виноват в раз-

ладе, приходи — научу. А коль критики в свой адрес не принимаешь — говорить нам не о чем.

— Я это понял,— с достоинством ответил Топольский, уходя.

Когда он ушел, Мария Андреевна подошла к мужу.

— Плохо-то как,— подавленно сказала она. — Зачем ты так с ним обошелся?.. Ему ведь тяжело,— ее карие глаза увлажнились. — И все он... мой Максимка виноват!

— Нет, Маша, виновата во всем она. — Степан Петрович вздохнул, а потом грустно улыбнулся. — Виновата в том, что не того человека в жизни выбрала. Ну, да это не оправдание!

Он погладил седеющую голову жены, сказал жестко:

— А этот, что жаловаться на жену приходил... как собака, которой попал кусок не по себе. И одолеть не может и попуститься жаль!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Дни казались невыносимо длинными и пустыми. Почему она тогда сразу не ушла от Аркадия, ведь совсем уже решила? Умолил, упросил... пожалела. Да и родные, как бы они посмотрели на это...

У Лизы наступило состояние усталости, безразличия ко всему окружающему.

Как-то под вечер прибежала Ирина. На круглом лице плаксивая гримаска.

— Ой, Лиза, какая досада, ужас! — Ирина бросила объемистый пакет на стол, села на стул. — Ну, не болван ли мой Яков? Я готова расплакаться,— и она действительно всхлипнула.

Лиза с беспокойством посмотрела на сестру:

— Обидел тебя?

— Он... обидел?..— Иринка утерла глаза краешком короткого рукава. И эта детская привычка совсем растрогала Лизу.

— Нет, ты подумай, Лиза, мы с Яковом соединили обе наши последние стипендии, плюс его пенсия...

— Он... напился? — Лиза с ужасом посмотрела на

Ирину. — Опять начинается? Я бы на твоем месте подумала, прежде чем...

Ирина махнула рукой, сказала беззлобно:

— Ты на моем месте совсем ничего не думала.

Лиза горько улыбнулась: сестра права!

Иринка почувствовала, что сделала Лизе больно, чмокнула ее в щеку.

— Не сердись, Лизушка, я нечаянно.

Лиза ничего не ответила и только поторопила сестру:

— Ну, рассказывай!

— ....Ну, мы решили купить ему костюм... У него же, сама видела, приличного ничего нет. В магазине я увидела костюмы очень хорошие! — Иринка засмеялась.— Хорошие потому, что стоили не выше наших накоплений. Я сбегала к Шатровым и просила передать ему об этом. Его не было дома. А вот сейчас он приносит... — Она кивнула на сверток. — Неслыханное легкомыслие!

— Купил не тот? Плохой, не по росту? — забеспокоилась Лиза и развернула сверток. Там лежало легкое, все в ярких цветах, шелковое платье.

— Я рада за тебя, Иринка, очень рада...

— Чего тут радоваться?.. Это же бесхозяйственно с его стороны. Я хотела сдать платье обратно, но магазин уже закрыт.

— Молчи ты — «бесхозяйственно»! Яков — молодец! Примеряй.

Иринка тотчас же подбежала к зеркалу:

— Ой, Лизушка, а ведь хорошо! Я в нем просто красивая... Яшка, родной... А я даже не хотела и примерить при нем... А ты, Лиза, отчего такая грустная?— только сейчас заметила Иринка.

— Просто так.

Иринка, забыв о платье, подошла к Лизе.

— Может быть, наконец-то, поговорим, Лиза, а? — Ее смуглые щеки зарделись: — Я кое-что слышала о тебе и о Говорове.

Стало тихо. «Тик-так» маленького будильника только и слышалось в комнате. Ирина подошла к окну, посмотрела в вечернее небо, разлинованное телеграфными проводами.

— Ты меня осуждаешь, Ирина?

Ирина резко повернулась:

— Да!

«Сестра сейчас уйдет от меня! — и что-то словно оборвалось внутри Лизы: — Неужели отвернется?»

Ирина подошла к Лизе. Нет, она уже не была похожа на девушку-вострушку. Женщина, сочувствующая и осуждающая, смотрела на Лизу.

— Любишь? — спросила она тихо.

— Люблю.— Глаза Лизы блеснули.— Больше жизни! Не могу без него, не могу. Не могу, Ирина, слышишь!

Голос замер. Лиза глухо зарыдала.

— Можешь меня осуждать, презирать, но я буду его любить!

В дверь постучали и тотчас приоткрыли ее, раздался детский голос:

— Добрый вечер!

Лиза вздрогнула. В дверях стоял Андрейка Говоров. В руках мальчика была банка со сметаной.

— Тетя Лиза, ваша Галинка чуть всю сметану не разлила. Идет, а у нее течет и течет, и все руки перепачкала в сметане и даже платье...

— И совсем нет! — пропела Галинка, выглянув из-за спины Андрейки, и выставила вперед ладошки:

— Чистые!

— Успела вымыть?— улыбнулась Ирина.

— И совсем ты не угадала — облизала, вот так! — и Галинка лизнула ладошку языком. Андрейка поерошил вихрастые волосы, зелеными глазами взглянул на Лизу.

— Тетя Лиза, разрешите Галке пойти к нам поиграть на пианино.

Лиза молчала, глядела на пол.

— Идите, ребятки,— сказала Ирина.— Пойди Андрейка, с Галей. Учи ее играть.

Дети убежали. Когда закрылась дверь, Ирина сказала с упреком:

— Ну, вот, ты даже в глаза не можешь смотреть ребенку — разве это... не преступление?

— Любить — преступление? А оставаться с этим человеком, не любя,— не преступление?

— Ты говорила с мамой?

Лиза вздохнула не без раздражения:

— Ну что говорить с мамой! Я не могу и не хочу ей жаловаться.

— О Говорове ты ей тоже не рассказывала?

— Конечно, нет. Никому ничего не рассказывала... Правда... однажды как-то разговорились с секретарем парткома об одной книге, и ты знаешь, Иринка, мне так захотелось ему все рассказать. — Лиза помедлила, уголки губ ее дрогнули: — Знаешь, что мне он сказал: «Простите, но мне некогда заниматься нюансами вашей души»...

— Или чиновник или бездушный человек! — воскликнула Иринка.

— Нет, почему, сестренка? — спокойно возразила Лиза. — Он вроде тебя, по-моему.

— Глупости! — вскипела Иринка.

— Он извинился тут же, что страшно занят анализом производственной программы... Вообще все считают, что он хороший секретарь парткома. Может быть...

— И все-таки, Лиза, лучше бы посоветоваться с нашей плохой матерью, чем с хорошим секретарем парткома!

Лиза подняла на Иринку глаза и словно в раздумье сказала:

— Он все равно уйдет от этой... своей жены,— Ирина уловила оттенок почти злорадства в голосе сестры.— Уйдет не из-за меня... Он не будет жить с женщиной, которую не любит и не уважает... Он — честный человек! И сделает решительный шаг раньше, чем я...

Ирина ласково обняла сестру.

— Пусть уйдет, Лиза, пусть,— сказала она. — Но только не из-за тебя!..

2

Лиза не знала, что решительный шаг был уже сделан Максимом Андреевичем.

Два дня назад Говорова неожиданно вызвали в трест. Управляющий областного торфотреста знал Говорова со дня его приезда на Соколовское предприятие. Он ценил в нем не только способного, деятельного инженера, но и человека общительного, прямого, с ува-

жением относящегося к людям. Порасспросив Говорова о работе, управляющий сказал:

— А вам не кажется, Максим Андреевич, что вы засиделись в Соколовке?

Думая о своем, Говоров улыбнулся.

— Кажется, Александр Александрович.

— Ну, вот, и отлично!— управляющий блеснул вставленными зубами. — И я так полагаю. Вот что, дорогой Максим Андреевич, мы решили вас вытащить в трест... Будете начальником производственного отдела... устраивает?— Он посмотрел на Говорова.— Вот уж и возражать собрался! Квартира беспокоит! Есть в городе для вас квартира со всеми удобствами.

Максим Андреевич закурил, задумчиво следя за тающими струями дыма.

— Нет, не смогу принять ваше предложение, Александр Александрович. Спасибо, но не могу, — он посмотрел в недоумевающие глаза управляющего,— да вы сами откажетесь от меня, как только услышите мою причину,— продолжал Говоров.

— Да совсем нет! — управляющий сделал протестующий жест рукой в сторону Говорова. — Мы здесь вас со всех сторон рассмотрели.

Говоров усмехнулся:

— ...Не со всех. — Он резко повернулся на стуле к управляющему.— Я развожусь с женой, Александр Александрович. Думаю уехать с Урала...

Управляющий смутился и растерялся. Он потер свой высокий лоб с залысинами у висков.

— Как же вы так?.. Нехорошо ведь. Все ли вы взвесили? Все-таки ломаете семью, бросаете сына...

— Не сына, а жену.

Максим Андреевич поднялся.

— До свидания, Александр Александрович, как видите, выдвигать меня по служебной линии нецелесообразно.

— Да, да, как-то неладно получилось,— торопливо заговорил директор... — впрочем, да, нецелесообразно...

Максим Андреевич вышел от управляющего, не дослушав его.

«Андрейка, сынок, я сделаю все, чтобы и на расстоянии ты всегда чувствовал, что у тебя есть отец. Я клянусь тебе в этом»...

...Сейчас хмурый и расстроенный Максим Андреевич сидел у себя в кабинете... «До отъезда буду спать здесь, на полу!» И тут же иронически улыбнулся: «Нашел выход? Поздравляю!» Нет, от упреков и слез жены, от вопрошающих глаз Андрейки не укроешься ни в каком кабинете, не убежишь...

Объяснение с женой было длительным.

Она удивлялась и не понимала.

— Разве я плохая жена? Хозяйка? Где ты найдешь лучшую? — Нина Семеновна истерически зарыдала: — А сына я тебе не отдам! Не отдам!

— Пойми ты, Нина, — убеждал ее Говоров,— мы с тобой же совсем разные люди. С любым другим человеком, даже с Позвоночниковым, ты будешь счастливее, чем...

— Ты ревнуешь меня к Позвоночникову... — Нина Семеновна широко раскрыла глаза, ей показалось, что она поняла мужа. — Но, если я ему нравлюсь, что особенного?..

Она говорила что-то еще, но Максим Андреевич, безнадежно махнув рукой, ушел в свой кабинет.

Но сейчас Максим Андреевич спрашивал себя: «А все ли я сделал, чтобы как-то поднять жену, заинтересовать чем-то значительным?» И честно отвечал себе: «Нет, наверное, не все... Стоило, может быть, чаще и больше убеждать ее?» «Ну, а если бы она завтра сказала: «Максим, я буду другой. Буду жить умнее, твоим другом буду». Что бы я на это ответил? «Нина, я рад этому, но не обессудь — любить уже не могу. Поздно. Полюбил другую. И не разлюблю».

3

— Привет представителю науки! — сказал Яков Аркадию. — Тебя я, Лиза, сегодня видел. Прими... — И он передал ей завернутую в бумагу бутылку вина.

— К чему это, Яша? — Лиза хотела возвратить бутылку. Но Яков ловко увернулся.

— Диссертацию защитил Аркадий? Защитил. У нас с Ириной дипломы в кармане? В кармане. Свадьба будет? Будет. Обмывать все это надо? Надо!

Глядя на Якова, на его озорные синие глаза, на открытую улыбку, Лиза подумала: «С ним, наверное,

все себя хорошо чувствуют! Есть люди уютные и неуютные».

А Яков уже расположился за столом. Кивнув на бутылку, он сказал:

— Не бойся, Лиза. В отношении этого дела я теперь не порочен! Пью только с разрешения Ирины Георгиевны.

Аркадий не без важности прохаживался по комнате, заложив руки за спину. На нем был свободного покроя длинный пиджак в двойную полоску. Аркадий Топольский после успешной сдачи кандидатского минимума смотрел на все окружающее покровительственно, с самонадеянной усмешкой в глазах. К Лизе он относился последние дни подчеркнуто вежливо. «Крылатые чего-то достигают, а бескрылые ползают по земле. И пусть себе ползают. К ним надо относиться великодушно, без них жизнь будет однообразна. Взлетать-то крылатым будет не над кем!.. Елизаветины шашни я пресек в зародыше — она, кажется, это поняла. (Тогда Аркадий на коленях умолял жену простить ему грубую выходку, но сейчас об этом он предпочитал не вспоминать.) Говоров, по слухам, скоро уезжает из Соколовки. Семейная жизнь войдет в привычную колею».

Разговоры с родственниками всегда мало интересовали Аркадия.

— Я пойду заниматься,— сказал он, обращаясь к жене. — Ты меня, Яков, извини, но у меня заказ — большая статья в журнал.

— Ну, что ж, давай,— добродушно промолвил Яков,— пиши, пока не пришла Ирина, а потом мы все-таки выпьем. Идет?

Топольский сделал неопределенное движение плечами и удалился в другую комнату.

— Хорошая у вас с Ириной специальность, Яша,— сказала Лиза.

— Чернила-то переводить? — засмеялся Яков.

— Ну да,— улыбалась и Лиза.

— Неплохая,— оживился Яков. — Чудесная! Все надо видеть, все надо сказать, хорошее, плохое — пусть все знают. Добрым словом прославим человека, резким — вылечим!

Лиза стала накрывать на стол. Она вынула из

шкафчика лучшие тарелки, нарезала сыр, колбасу, побежала на кухню и возвратилась оттуда с банкой грибов.

— Сама мариновала?— спросил Яков.

— Сама. С Галинкой вместе собирали.

Яков потер руки.

— Обожаю грибы!

Лиза улыбнулась, а сама подумала: «Что-то сейчас делает Максим? Наверное, сидит у себя в управлении или бродит с Андрейкой за поселком... А ведь можно было бы вот и с ним говорить также... о грибах, о работе, о закате. Говорить о чем угодно, смотреть друг другу в глаза. Не счастье ли было бы это?»

— Моя Галинка заявляет уже сейчас: «Вырасту — буду журналистом!»

— Браво, Галка! — воскликнул Яков. — А из нее толк бы вышел, пожалуй, — такие живчики, как она, в печати нужны.

Яков откровенно любовался Лизой, как любуется брат своей сестрой. «Обе они, и Иринка, и Лиза, такие видные... А этот Топольский что-то все пыжится. Кроме себя, никого не признает...»

— Ты знаешь, Яша, газета в моей жизни сыграла большую роль. Когда я приехала сюда, дали мне участок, эх и растерялась же я! Участок был в прорыве... Ты знаешь, Яша, жизни была не рада. Первый сезон мой участок не выполнил план. «И зачем,— думаю,— я взялась руководить целым участком?» А потом в районной газете появилась статья: «Почему отстает пятый участок Соколовского торфопредприятия?». Горю моему не было границ.

Яков улыбнулся:

— Еще бы! Пропесочили как следует! Помню! Ирина рассказывала, как ты написала заявление, просилась в рядовые инженеры.

— Ну, конечно! В рядовые-то меня так и не перевели... Вначале обозлилась на редактора, на газету смотреть не могла, а потом через некоторое время подумала, пришла к правильному выводу...

Из соседней комнаты послышалось многозначительное покашливание Топольского («Прошу потише: занимаюсь»), Лиза понизила голос:

— ...Был особенно тяжелый день на рабсте... При-

хожу домой, достала эту злополучную газету и давай перечитывать. То, что не заметила в первый раз, заметила сейчас. За что только меня не ругал корреспондент! И за то, что я напрасно ссылаюсь на завод, он-де не обеспечивает участок запчастями, и за то, что не вникаю в организацию труда, и что мало у нас бывает рабочих собраний, и так далее, и тому подобное. Подумала я над всем этим и решила: права газета! И давай исправлять то, на что указывал корреспондент. И ты, слышишь, Яша, лучше дело-то пошло! Созвала собрание, посоветовалась, как нам выйти из прорыва, выслушала предложения, пересмотрела всю организацию труда.

— Помогла газета, значит?

— Да,— кивнула Лиза. И задумалась. Неожиданно вспомнилось, как Аркадий, прочитав в газете статью, сказал ей: «И чего ты там лапти-то плетешь! В институтах нас зачем учили?»

«Утешил»... «поддержал» жену — нечего сказать. А утром на участок позвонил Говоров. Лиза и сейчас слышит его голос: «Ничего, Елизавета Георгиевна, критику надо уважать. Только не унывайте! Тут и наша вина — помогаем мало. Верьте — дело у вас пойдет; убежден в этом!»

...Как всегда, шумливо влетела Ирина. На ней было новое платье. Лиза заметила, как Яков просиял.

— Не скучали без меня? — спросила Ирина.

— Нисколечко,— ответил Яков, вставая и пододвигая к столу рядом с собой стул для Ирины. Ирина с заметным беспокойством огляделась вокруг.

— А где же Аркадий?

— Он дома, сейчас выйдет.

Яков значительно поднял указательный палец вверх и торжественным полушепотом произнес:

— Они занимаются!

— Полно тебе, Яков! — одернула Ирина. Ей очень хотелось примирить сестру с мужем. Она была против разрыва. Ирина не очень верила в любовь сестры и Говорова. «Пройдет это,— думала она.— У обоих дети».

— Аркадий!— позвала Лиза.— Все в сборе.

Уже вино было розлито (женщинам виноградное, мужчинам по стопке водки), а Аркадий все не появ-

лялся. Потом пришел, лениво сел, увидев перед собой стопку, поморщился:

— Я не пью белого.

«К чему вся эта комедия? — подумала Лиза. — Желание порисоваться? Я-то знаю, что он никогда от водки не отказывается».

Яков, ни слова не говоря, налил Аркадию в высокую рюмку виноградного.

Аркадий все-таки счел нужным извиниться, он пояснил:

— Должен сказать вам, друзья, у меня есть одно достоинство, не собираюсь его скрывать, ибо это было бы кокетство... У меня есть упорство, волевое упорство! Собрался заниматься научной работой — и баста! Уже ничто меня не отвлечет.

Выпили, но разговор не завязывался.

Ирина расспрашивала Аркадия о его лекциях, пыталась втянуть в разговор и Лизу, и Якова. Аркадий, откинувшись на спинку кресла, неторопливо, с деланным равнодушием рассказывал о замысле своей новой статьи для одного специального журнала.

— Аркадий, кстати, о наших недостатках и достоинствах,— проговорил Яков.— Еще Ильич сказал: наши недостатки — суть продолжения наших достоинств.

— Позволь, как это понять?

— А так... Вот сейчас: твое упорство портит нам настроение... Что, обязательно уж так приспичило заниматься сейчас, когда в твоем доме гости? Совсем нет, порисоваться тебе, брат, надо перед нами: вот-де какой я научно-целеустремленный. А рисовка — уже недостаток. Извини, брат, за критику!

Аркадий, задрав голову и выпустив кверху струйку папиросного дыма, сказал:

— Извиняю, что ж...— и снисходительно улыбнулся.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

«Вот я дождусь его и переговорю с ним сама!.. Взрослый серьезный человек, а затеял роман!.. А еще говорят, что он умный, порядочный. Да разве умные и честные люди так поступают?.. Но он не собирается вылезать из воды...» — Ирина всмотрелась в синеватую

даль озера, над которой уже реял белый туман. Говоров плыл к середине озера, широко выбрасывая руки.

Целую неделю Иринка безуспешно пыталась встретиться с ним: то он уехал ни свет ни заря на участок, то вызван в трест, то проводит совещание... (Говоров сдавал дела, но Иринка об этом не знала.)

«И зачем он так далеко заплывает?» — подумала Ирина и вдруг испугалась: «Не утонул бы!» С независимым видом и явно храбрясь, она неторопливо расхаживала по песчаной дорожке вдоль берега, время от времени поглядывая в сторону Говорова.

Он поплыл обратно и скоро приблизился к берегу. Ирина осмотрелась вокруг и, заметив неподалеку группу березок, ушла туда: «Пусть оденется — не будет же он разговаривать в таком... купальном виде».

— Ах, это вы! — не то удивленно, не то растерянно сказал Говоров, когда Ирина приблизилась к нему. Он вынул из кармана часы, надел на руку и подозрительно долго застегивал браслет.

— Товарищ Говоров,— начала Ирина сухо,— я должна сказать, что вы поступаете нечестно!

Говоров застегнул, наконец, браслет и поднял на Ирину серьезные глаза.

— Вот как?!

— Да! Вот так! — Ирина вспыхнула. Напускная важность исчезла. Перед Говоровым стояла непосредственная девушка, с возмущением глядела на него.

— Вы мешаете спокойно жить моей сестре!

— А она мешает мне... Кроме того, Ирина Георгиевна,— Говоров подошел ближе,— мы с нею не хотим «жить спокойно»...— Максим Андреевич вдруг испугался: — Скажите... она не больна?

В его тихом голосе было столько тревоги, что Ирина на миг смягчилась:

— Нет, не беспокойтесь, здорова! — И, нахмурясь, опять заговорила быстро, сбивчиво: — Что вы делаете? У обоих — семьи... Руководители производства еще! — И вдруг заметила, что Говоров не слушает ее, смотрит, улыбаясь, на озеро, туда, где в тумане раздаются ровные всплески.

Ирина замолчала, насторожилась... И вот из тумана выплыла лодка. Неторопливо, чуть наклонившись вперед, Лиза гребла к берегу.

Ирина с отчаянием взглянула на Говорова.

— Максим Андреевич! Я прошу вас... Оставьте нашу Лизу! — Но Говоров не слушал. Он широкими шагами шел к берегу, повторяя вполголоса:

— Лиза! Лиза! Наконец-то!

Иринка резко повернулась и побежала прочь.

2

Вынув газету из ящика для почты, Анна Федотовна тут же во дворе на крылечке просматривала ее. Не отрываясь от передовой, она назидательно сказала вбежавшей во двор Иринке:

— Если ты каждый раз будешь так торкать калиткой, то она скоро в щепы разлетится.

— Мама! Ты знаешь...— Тяжело дыша, Иринка остановилась подле матери. Мать сложила газету, сунула ее на подоконник раскрытого окна. И только тогда, вопросительно взглянув на дочь, спросила:

— Что ты запыхалась, будто гнались за тобой?

Возбужденная и растерянная, Ирина выпалила:

— Лиза и Говоров вместе... Что же это такое? Я разговаривала с ним, но он же ничего не понимает. Как же семья, Галинка... А Аркадий... Ведь ее никто насильно не выдавал замуж.

— Знаешь что, Ирина,— в спокойном голосе матери, казалось, не было и тени насмешки,— пойди-ка выдергай морковь... пора уже. Когда работаешь — хорошо в эту пору думается. И ты подумай о себе, о других. Рассуждать ты шибко горазда, будто целую жизнь прожила. По заученному судишь, а не по жизни. Иди-ка!

И Иринка пошла в огород. Сев в борозду и задумчиво дергая морковь, она подумала: «Поражение за поражением. Пожалуй, и поделом мне!»

В доме, пройдя за кухонную перегородку, Анна Федотовна достала из шкафчика хлеб — приближалось время обеда — и долго стояла, держа в руках булку и словно недоумевая, что с нею делать.

Не знали дочери, сколько бессонных ночей было у матери за последние годы, сколько дум ею передумано. Анна Федотовна давно поняла, что в нескладно сложившейся судьбе дочери отчасти виновата и она, мать.

Отдалялась от дочери, вовремя не расспросила, совета не подала. «Решай сама»,— говорила дочери, вот она и решила.

В отношении зятя совесть Анны Федотовны была чиста: она была с ним сдержанна, но приветлива, даже тогда, когда внутренне возмущалась его «барскими» замашками. «Разные они люди» — к этому убеждению Анна Федотовна пришла давно и, не веря старой пословице «стерпится — слюбится», со страхом ждала — что будет! И вот началось...

«Нет, все-таки за Говорова я ее проберу! Второй-то раз рисковать не дам».

Анна Федотовна вышла из дому, прошла в огород и решительно сказала Иринке:

— Завтра сходи к Лизе и скажи ей от моего имени: если хочет, может переезжать ко мне.

3

Этот субботний вечер прошел для Лизы необычайно быстро.

Час, которого она страшилась и ждала, наступил. В квартире — тишина. Лиза поставила на стул раскрытый чемодан и стала небрежно, не глядя, бросать туда свои вещи.

Хорошо, что Аркадия нет дома — он вызван в институт. Кто знает, как бы они перенесли эту тягчайшую минуту. Вспомнились слова Аркадия, сказанные только вчера, его небрежно-холодный тон, жесткое поблескивание близко поставленных глаз:

«Если мне хоть один человек скажет, что тебя видели с Говоровым, я... не ручаюсь за себя. О разводе можешь не заговаривать. Я его тебе не дам! Не хочу, чтобы ты портила жизнь мне и дочери. А потом, как ни странно, я люблю тебя...»

«Ненавижу»,— шептала Лиза, слушая эти слова. Почему же сейчас, когда она оставляет мужа, она не испытывает этой ненависти? «А зачем же ненавидеть друг друга? Расстанемся — и все»,— говорит себе Лиза. Она начинает отбирать и складывать в чемодан Галинкины вещи.

Десять часов вечера. Через час должна подъехать к дому машина Говорова. Из нее выскочит шофер Вася,

подхватит чемодан. Следом за ним выйдет она, неся на руках теплую сонную Галинку. Комната, где прожито целых пять лет, опустеет. Утром вернется Аркадий... Лиза представила его лицо.

«Нет, нет, ты не любишь меня! — хотелось ей крикнуть ему.— Ты — величайший эгоист! Ты — трус. И развод ты мне не хочешь дать потому, что это повредит твоей карьере... Я не люблю тебя! Жалею. Но за что, за что я жалею тебя?» Она подошла к окну, взглянула в темень улицы, в ту сторону, где в дальнем конце старого поселка, у самого леса, стоял небольшой деревянный домик. «И опять мама, я делаю шаг, не спросясь тебя. Но на этот раз, может быть, ты меня не осудишь?» Лиза машинально измяла листок цветка, стоявшего на подоконнике, машинально провела рукой по лицу, ощутив вдруг запах лимона. Она взглянула на цветок: «Лимон... Сколько новых побегов у него пошло». Этот лимон из зернышка вырастила Галинка. Она заботливо поливала его. Защемило сердце — приходится отрывать ребенка от привычных, родных ему вещей.

Лиза подошла к чемодану, закрыла его. Взгляд упал на стол: может быть, еще что-нибудь взять, самое необходимое из Галинкиных вещей. Она увидела крошечные пинетки. Их Галинка носила, когда умела только ползать. Эту первую обувь дочурке купил Аркадий. Лиза закусила губы — тяжело!

«Правильно ли я поступаю?..»

Лиза прижала к груди маленькие пинетки из мягкой кожи. «Аркадий, мы не можем быть счастливы, пойми... ты чужой мне и в мыслях и в сердце».

Половина одиннадцатого. Пора будить Галинку.

Она прошла в комнату, где спала дочурка, на цыпочках подошла к ее кроватке.

Галинка спала, сбросив с себя одеяло.

Лиза потянулась к дочке, чтобы разбудить, но руки опустились. Слишком сладок и безмятежен был сон ребенка.

— Галусенька.. Галчонок мой, проснись,— нежно затормошила Лиза дочурку. Та повернулась на другой бочок и продолжала спать. Тогда Лиза взяла ее на руки. Галинка открыла глаза.

— Галенька, хочешь поехать... на паровозе... далеко-далеко... Поедем?

— Поедем... — прошептала Галинка. Ресницы ее снова сонно опустились, она невнятно спросила: — А папа с нами поедет?

Лиза покачала головой.

— Нет, доченька, не поедет.

— А... па-ачему-у?..

— Папа потом приедет,— успокоила Лиза, убирая с глаз Галинки прядки мягких темных волос.

— Ну, тогда поедем,— оживилась на миг Галинка, но через минуту, свернувшись клубочком на коленях матери, она уже снова сладко и крепко спала.

Лиза бережно положила дочурку, прикрыла одеялом и, чувствуя, что теряет силы, склонилась на перила детской кроватки, ощутив лицом холодок железа.

«...А будет ли счастье с Максимом?..» Этот вопрос за последние дни не раз всплывал перед Лизой. И до сих пор она утвердительно отвечала на него. Почему? Потому, что Максим Говоров — совсем другой человек.

А Галинка? Они будут друзьями. Максим любит дочку Лизы.

На миг представился другой ребенок... он теряет отца, спит и ничего не подозревает...

«Тетя Лиза, какая вы хорошая!» — зеленые отцовские глаза мальчишки тогда восхищенно блестели. Андрейка и Галинка однажды расшалились вот здесь, в этой квартире, начали играть в жмурки. Галинка, спасаясь от Андрейки, вскочила на письменный стол, опрокинула настольную лампу. Лиза вбежала в комнату. У обоих детей был виноватый вид.

Она собрала осколки, сказала: «Продолжайте!»

Тогда Андрейка, глядя на нее, и произнес: «Какая вы хорошая, тетя Лиза!»

И вот она должна сделать несчастным этого ребенка.

Рушатся две семьи... А где что-то рушится — там не может быть счастья.

Максим, глядя на Галинку, будет думать об Андрейке... Он подойдет к Лизе, а вспомнит Нину Семеновну... Вспомнит не потому, что ее любит... Но он, естественно, будет беспокоиться, как эта, не приспособленная к труду, женщина воспитывает его сына...

«Нет, не может быть счастья... Максим, родной, мы ошиблись, когда мечтали о нем!..»

...Говоров шел в чужой дом за чужой женой. Испытывал ли он раскаяние, стыд? Нет, не испытывал. Он шел не за чужой женой, а за человеком, без которого не мог жить. Максим Говоров не умел отступать от своих решений, потому что к этим решениям он приходил путем долгих раздумий.

Он верил в Лизу и в себя.

«Счастье будет!»

...Раздался стук в дверь. Лиза выбежала в переднюю. Она остановилась, словно не решаясь приблизиться к Говорову.

Как в тумане, увидела она встревоженное, побледневшее лицо Максима Андреевича.

— Я не могу поехать с тобой. Прости меня, Максим.

Он молчал.

— Ты осуждаешь меня?

Говоров смотрел на нее немигающими удивленными глазами.

— Нет, не осуждаю, Лиза...— Он с ожесточением тряхнул головой. — Эх, слабость, человеческая... Только одного не знаю... Как мне без тебя... Прощай!

...До двенадцати часов Лиза не находила себе места. Она надевала и снимала пальто, подходила к кроватке Галинки и, не решаясь разбудить дочурку, отходила от нее. Но когда часы показали двенадцать, Лизе стало немножко легче. «Теперь уже все равно. Через десять минут отходит поезд...»

И вдруг до Лизы донесся отдаленный паровозный гудок.

«Уезжает!»

Она выбежала в темноту ночи, и ночь, глухая, безучастная, дохнула на нее осенней сыростью.

А поезд уходил. Освещенные окна его исчезали одно за другим.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Да, ветры бывают разные. Не только те, которые, не ломая, сгибали и разгибали упругие тонкие стебли травы тимофеевки на меже в родительском огороде. Бывает, налетают и такие, которые с корнем выворачивают деревья...

Нет уж давно тоненькой любознательной девушки Лизы Дружининой. Кое-где у ее глаз легли еле заметные (но заметные все же!) морщинки. Ветры жизненные коснулись и ее. Сгибали, разгибали, но самое главное — душу — не изломали.

По-прежнему, возвращаясь с своего участка, Елизавета Дружинина любит смотреть на вечернее небо, раскинувшееся за Соколовкой. За лесистыми горами разверзлось оно, убегает в беспредельную даль, и зовет, и манит за собой, и шепчет устами ветра: «Жизнь люби. Край родимый люби. Человека люби, Лиза».

2

— Вот и еще один торфосезон окончен,— сказал Шатров.— Доуберем сейчас этот,— он кивнул на разостланный по полю торф...— и заскучаем.

— Ой, сомневаюсь! — покачала головой Лиза.— Чтоб вы, Степан Петрович, да заскучали?

И она бросила взгляд на огромные жилистые руки Шатрова.

Марфуша Багирова, поймав взгляд Лизы, с грубоватой лаской коснулась этих рук.

— Хороши! Золотые... И зимой много дел сделают — и в механической, и в столярной.

Шатров засмеялся:

— Ох, и приятно старику, когда такие молодухи похваливают! — Взглянул на старинные серебряные часы на тяжелой цепочке. — Э, перерыв кончился. За штурвал, за штурвал, товарищ Багирова!.. Ничего, что ты областной депутат, а прикрикну, так не ослушаешься.

— Где уж тебя ослушаешься! — Марфуша ловко вспрыгнула на площадку агрегата.

Лиза нагнулась, взяла с поля торфяной кирпич.

— Хорошо просыхает твоя конструкция,— заметил Шатров.—Эта форма лучше, теперь я убедился. Да, ты слышала, Елизавета Егоровна,— он кивнул в сторону работающей машины,— наши-то Багировы весной думают из промышленности в сельское хозяйство податься.

Лиза встрепенулась:

— А что, Степан Петрович, ведь правильно! Я по-

нимаю Багировых. Душа просится на другие поля. Хлеб выращивать! Вы знаете, я никогда в колхозе не работала, и вы с отцом хлеб не выращивали,— она тепло улыбнулась Шатрову,— мастеровые люди вы были... а, если понадобится, поеду в колхоз, в МТС.

Стояло бабье лето. Только кое-где осень поджелтила деревья.

Над участком, над лесом и дальними горами распахнулось синеватой бездной небо. В воздухе — прохлада...

— А если бы уехать!

— Вы что-то сказали, Елизавета Егоровна?

— Да нет... Всего доброго, Степан Петрович... я в механическую пойду.

Уже находясь у своего багера, Шатров посмотрел в сторону, куда ушла Лиза.

«Почему же она пошла в механическую дальней дорогой? Через березовый перелесок...»

И внезапно вспомнил старик летнюю тревожную ночь. Из этого самого березового перелеска вышел человек, принес весть о том, что машины будут работать — причина поломки найдена...

А после он, по-детски улыбаясь, пояснил, для чего мчался сюда ночью: «Чтобы радость на лицах увидеть...»

3

Шумел над Лизой березовый лесок, золотистые листья падали на плечи, дрожали в волосах. Зеленела перед ней елочка, удивленно топорща хвойные лапки: заблудилась я здесь одна, среди берез! Как же быть?

Лиза вздохнула. «Я тоже... заблудилась... Пять лет назад поспешила, не проверила свои чувства и... очень невесело получилось! И со всяким такое может случиться... если вперед плохо смотришь!.. И позднее тоже ничего не вышло! Испугалась, не поверила в свои силы...»

Березы шептались, роняли листья на колени Лизе. Она загребла их в пригоршню, хотела выбросить, но потом уткнулась лицом в эти шуршащие листья. Они были свежи и чисты, омытые дождем, просушенные солнцем, воспетые птицами.

«Испугалась, не поехала... Хотела собрать, склеить то, что вдребезги разбито!..» И она вспомнила сцену, происшедшую совсем недавно.

Аркадия вызвали в город. Он знал, зачем — ему предлагали преподавательскую работу в институте. Его самолюбию это очень польстило. Надев пальто, он попросил Лизу подать ему шляпу. Просьба прозвучала как приказание.

Лиза, подав шляпу, не сдержалась:

— Чего еще изволите-с?

Аркадий холодно усмехнулся:

— Поменьше иронии. Говорову ты бы, наверное, с радостью подала сапоги.— Он пожал плечами и добавил со вздохом: — Что ж поделаешь, коль иногда ноги ценятся дороже головы.

— Не остроумно выразились, Аркадий Иванович, но уж коль сказали... Положим, у того, о ком ты сейчас говоришь, голова не хуже, чем у других.— Лиза вызывающе посмотрела на Аркадия.

— Прошу не забываться! — оборвал Топольский...— Помни, что ты не просто жена, а жена провинившаяся!..

...А на другой день, когда Аркадий вернулся из города, Лиза спокойно сказала ему:

— Сегодня я была в суде. Подала заявление о расторжении брака...

— Вот как! — произнес удивленно Аркадий. Но в душе не удивлялся. Он теперь уже ждал этого.— Но ты знаешь, что я могу и не дать согласия на развод.

— Это не будет иметь никакого значения. Наши судьи — в первую очередь люди. Они поймут меня, увидят несостоятельность нашего брака.

К утру Лиза собрала свои вещи, чтобы переехать к матери. Когда доставала из письменного стола коробку с фотографиями, опять больно сжалось сердце.

— Я часть тебе наших с Галинкой фотографий оставлю.

— Хорошо,— Топольский замялся: — И этих половину оставь, пожалуйста,— он указал взглядом на пачку облигаций займа, лежавших рядом с фотографиями.— Ты извини... но просто, чтоб таблицу выигрышей зря не ждать... ради интереса.

Лиза поспешно протянула ему облигации, проговорила устало:

— Бери или дели, как хочешь.— И тут же подумала с облегчением: «Ну, вот, и кончилось все!»

...Падали осенние листья, прячась в сухой обветшалой траве. Мысли унеслись к Иринке.

«Как я рада, моя сестренка, что у тебя все хорошо сложилось. Ты прямой дорогой шла к своему счастью. У тебя крепкая настоящая семья».

Горестная морщинка легла между густыми бровями Лизы. Она, старшая сестра, не сумела в личной жизни стать примером для младшей.

«Поправлять сделанную ошибку трудно, почти невозможно... Что же мне делать теперь? Годы идут... Нет, видно, не склеивать обломки, а строить новое, большое — вот что я должна делать. С трудом, с болью, но обязательно я должна строить другую жизнь»,— думала Лиза.

4

Распахнулась тесовая калитка. Елизавета Дружинина порывисто шагнула во двор отцовского дома. Мать сидела на крылечке. Около нее лежали детские рукавички, клубок шерсти, пронзенный стальными спицами, книга, очки.

Анна Федотовна перебирала сухие головки мака.

— Решила нашим молодоженам посылку сделать. Иринка любит маковые пироги. Письмо я от нее вчера получила. Пишет: передай старшей сестре моей, что я ей счастья желаю и пусть она простит меня за один наш разговор летний...

Лиза оживилась:

— Так и пишет?

— Угу... Дела-то как... на работе? — спросила после паузы мать.

— Александровское предприятие мы на неделю опередили!

— Так...

Разговор оборвался. Мать вопросительно взглянула на дочь. Та опустила глаза.

— Я тоже письмо получила, мама. На, прочти...

Анна Федотовна не торопилась протянуть к письму руку, не спрашивала, от кого оно.

Лиза подумала, что мать скажет:

«Не вмешиваюсь я в эти твои дела... Разбирайся сама».

Но Анна Федотовна не сказала этого. Взяла письмо, поднялась, повернулась спиной к дочери. Читала она долго, как бы вдумываясь в каждое слово. Листок дрожал в ее руках.

Наконец мать бережно сложила письмо, отдала Лизе. На губах не надолго мелькнула улыбка:

— Любит тебя... Верит.

И прежним властным тоном Анна Федотовна продолжала:

— А профессор твой проживет! Те, кто рядом с собой других не замечают, в любви не нуждаются. И жалеть их нечего! — закончила она жестко.

— Мама! Я так рада — он приезжает сюда.

— Да,— покачала головой мать.— Он не из трусливого десятка, видать.— А твое-то сердце как? Не подведет тебя?

— Не подведет, мама...

Резкий осенний ветер залетел во двор, подхватил с крыльца черемуховый листок и унес его вдаль. Стало сразу холоднее.

Уходило бабье лето.

Надежда Степановна Толмачева родилась в 1923 году, в уральском поселке Сарапулка, в семье рабочего.

После окончания в 1941 году Свердловского горнометаллургического техникума имени И. И. Ползунова она работала на заводе в качестве техника-химика. Во время войны Н. Толмачева поступила учиться в Уральский государственный университет. Окончив его, с 1948 года работала секретарем, а потом редактором городской газеты в городе Березовском. Позднее была на партийной работе.

В настоящее время Н. Толмачева — собственный корреспондент газеты «Советская культура» по Свердловской области.

Литературная работа Н. Толмачевой началась с сотрудничества в местных газетах. Первые ее очерки и рассказы печатались в газете «Уральский рабочий», а повести в альманахе «Уральский современник».

В 1952 году вышла отдельным изданием первая повесть Н. Толмачевой «Хозяйка леса», в 1955 году вторая — «Старшая сестра», которая сейчас и переиздается.

Толмачева Надежда Степановна

Старшая сестра

Редактор Т. Раздьяконова
Художественный редактор Ю. Сакнынь
Художник В. Бубенщиков
Технический редактор Н. Пальмина
Корректор О. Булгакова

*

Подписано к печати 4/VII 1958 г. Уч.-изд. л. 15,03.
Бумага 54×84/16=8,75 бумажного — 14,35 печатного листа.
НС 21877. Тираж 75 000. Заказ 97.
Цена 6 руб.

*

Типография издательства «Уральский рабочий»,
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

Рафик ~~[illegible]~~
фару а то
~~нашу~~ тряхнуло
и стекло выпало

25/XI-71 г.

0-50к

6 руб.

Саня!
Накладные оставь,
машина в
порядке!
Если что, присылай
(если ремонт)

Свердловское
Книжное Издательство
1958

=Я=

294
312
606

Н. Манасеина — Старшая сестра